

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ Ч.АЙТМАТОВА

ГУЛЗАДА СТАНАЛИЕВА

1916 год В КЫРГЫЗСКОЙ ПРОЗЕ

Монография

*Рекомендовано к печати Учёным советом Института языка
и литературы имени Ч. Айтматова НАН КР*

«Улуу Тоолор»
Бишкек – 2024

УДК 821.512.0
ББК 83.3 (5Кир)
С 77

Рецензенты:

А. К. Кадырмамбетова – доктор филологических наук.
К. М. Жумакадырова – кандидат филологических наук.

Научный редактор:

А. А. Акматалиев – доктор филологических наук,
академик.

Станалиева Гулзада.

С 77

1916 год в кыргызской прозе. Монография. – Б.: Улуу Тоолор, 2024. – 168 с.

ISBN 978-9967-29-678-7

В книге анализируется художественное отражение национально-освободительного восстания 1916 года в кыргызской прозе. Понимание художником правды истории, взаимосвязь исторической и художественной правд и самостоятельность авторской позиции по отношению к ним, их соответствие взглядам исторической науки, идейно-художественная специфика произведений, жизненность образов. Автор монографии с новых позиций пересматривает эти и другие вопросы, которые прежде в истории нашей национальной литературы трактовались в строгих рамках идеологических ограничений.

Данный труд системно и в едином ключе анализирует художественно-эстетическую эволюцию произведений, которые на протяжении почти ста лет прямо или косвенно обращались к событиям 1916 года. Книга будет полезна учёным, преподавателям, студентам-филологам, учителям, а также всем, кто интересуется кыргызской литературой.

УДК 821.512.0
ББК 83.3 (5Кир)

ISBN 978-9967-29-678-7

© Станалиева Г., 2024
© Институт языка и литературы имени
Ч. Айтматова, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Национально-освободительное восстание 1916 года – одно из самых больших трагедий кыргызского народа, оставивших глубокий след в его сознании. Поэтому неудивительно, что это событие в судьбе народа отражено во множестве произведений акынской поэзии и письменной литературы.

Возникновение кыргызской письменной литературы пришлось на 20-е годы XX века, иначе говоря, по хронологии – на время, когда свежа ещё была память о кровавом истреблении людей. Поэтому это событие стало не просто одной из основных тем зарождающейся художественной прозы на кыргызском языке, но и во многом способствовало формированию и дальнейшему развитию этого жанра.

Конечно, на различных этапах формирования и развития кыргызской прозы события, связанные с национальным восстанием, рассматривались с различных позиций и взглядов. В связи с масштабами и сложностью данного исторического события обращение кыргызских писателей к этой теме не прекращалось на протяжении всех семидесяти лет советского периода развития страны, продолжается оно и в настоящее время нашего независимого бытования. В результате, Исход (Уркун) 1916 года составляет самостоятельную ветвь, слой кыргызской прозы, занимая в национальной художественной литературе достойное место.

К примеру, в прозу 20 – 40-х годов прошлого века эта тема вошла, в основном, в форме автобиографических книг, привнося важную струю в формирование жанра прозы. В литературе же 60 – 80-х годов тема 1916 года выделяется попытками взглянуть с новых позиций, иначе говоря, можно заметить попытки художественно понять национальную историю. Конечно, в 60 – 80-е годы не были созданы исторические произведения, напрямую изображающие трагические страницы национально-освободительного восстания. Однако, инте-

ресен факт появления произведений, посвящённых попыткам понять и объяснить социальную, политическую, нравственную, психологическую суть национальной трагедии. Конечно, в своё время подобные произведения и их авторы подверглись различным политическим гонениям, что вовсе не способствовало обращению кыргызских писателей к этой «опасной» теме.

А период независимости предоставил писателям все возможности открыто писать о национально-освободительной борьбе 16 года, что открыло широкий путь появлению исторических романов. К этой теме в новое время одним из первых обратился Т. Касымбеков, до этого уже создавший в кыргызской прозе образцы исторических произведений, а также Ж. Эгембердиев, А. Койчиев, К. Ашымбаев, С. Омурбаев. На основе недоступных прежде многим исторических документов и фактов эти авторы попытались показать причины возникновения восстания, исторические предпосылки массового истребления безоружных, плохо организованных людей, художественные портреты исторических личностей, руководивших восстанием.

Бесспорна актуальность научного исследования в наши дни, permanently продолжающегося около ста лет литературно-художественного процесса разработки прозаиками темы 16 года, пересмотра отдельных установившихся в истории кыргызской литературы взглядов. Это – одна сторона вопроса. Вторая же сторона – драматическая судьба самого отражения этой темы в кыргызской литературе. Известно, что в разные годы советского времени не только художественные произведения, но и исторические исследования данной темы в соответствии с конъюнктурными изменениями государственной идеологии подвергались различного уровня преследованиям.

В результате, насколько опасной была тема восстания 1916 года для исследователей общественных наук и писателей, настолько интересной она была для читателей и общества в целом. Такая ситуация сама усиливает необходимость исследования вопросов художественного решения темы 16 года, более глубокого понимания процессов и её эволюции.

Безусловно, невозможно без обращения к историческим источникам глубоко понять художественную правду исторического события в литературных произведениях. В качестве исторического источника мы

в своей работе опирались в основном на труд известного учёного-историка Кушбека Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии», изданный в 1967 году. Конечно, не могли мы обойти вниманием и материалы других специалистов, известных общественных деятелей об истории национально-освободительного восстания 1916 года, её причин, социально-экономических факторов и др. Следует отметить и тот факт, что за годы суверенитета были защищены две диссертации, посвящённые народному восстанию 16 года, которые затем были опубликованы в виде монографий (Махмутбекова М. Кыргызстандагы улуттук-боштондук көтөрүлүш. – Б.: Эркин Тоо, 1996; Шейшекканов Т. Көлдөгү көтөрүлүш. – Б.: Шам, 2003).

Вместе с тем, следует отметить, что существует немало статей, научных трудов, монографий с анализом произведений кыргызских писателей, в той или иной мере затрагивающих события Уркуна (Исхода). Однако, как отмечено нами выше, до сего времени в кыргызском литературоведении нет научных трудов с системным анализом явлений национальной литературы, посвящённых отображению и оценке событий столетней давности, вызывающих острый интерес нашего общества.

Обобщая, можно отметить, в настоящем труде анализируется художественное отражение национально-освободительного восстания 1916 года в кыргызской прозе. Понимание художником правды истории, взаимосвязь исторической и художественной правд и самостоятельность авторской позиции по отношению к ним, их соответствие взглядам исторической науки, идейно-художественная специфика произведений, жизненность образов. Автор монографии с новых позиций попыталась пересмотреть эти и другие вопросы, которые прежде в истории нашей национальной литературы трактовались в строгих рамках идеологических ограничений, а также – подвести некоторые итоги.

Глава I.

СОБЫТИЯ 1916 ГОДА В ПРОЗЕ 1920 – 40-Х ГОДОВ

1.1 Автобиографический характер отражения событий 1916 года

Незабываемая трагедия в истории кыргызского народа, – национально-освободительное восстание 1916 года – кровавым бедствием сохраняющаяся в памяти людей, вначале изображалась в жанре поминальных песен-жалоб акынской поэзии. Существует достаточно значительный пласт подобных плачей-кошочков в акынской поэзии: «Кайран эл», «Азган эл», «Кайткан эл» Ы. Шайбекова, «Үркүн» Алдаша Молдо, «16-жыл», «Качак турмуш» А. Жутакеева. Этот ряд был пополнен позднее обнаруженной песней Тагая Эмилова «Ахвали Кыргызия». В своё время с рукописью данного произведения ознакомились казахские учёные А. Диваев, А. Маргулан и писатель М. Ауэзов. После того как рукопись в 1937 году А. Маргулан передал Х. Карасаеву, наш известный исследователь перенёс её на кириллицу, представил комментарий к непонятым словам.

На первом этапе формирования кыргызской письменной литературы историческая суть великой трагедии народа, поднявшегося на неравную борьбу за свою свободу, передавалась в форме художественного отображения пережитого, иначе говоря, автобиографического материала. Подобный путь вхождения темы 16 года в кыргызскую прозу был закономерным явлением. Ведь адские муки кровавых событий отразились на личных судьбах писателей, незабываемой трагедией запеклись в их душах. Следует учесть и тот факт, что писатели особое значение придавали и устным рассказам людей, переживших эти страшные события. Подобные устные рассказы-воспоминания явились основным материалом для произведений А. Токомбаева, М.

Элебаева, К. Баялинова, Ж. Турусбекова, Т. Сыдыкбекова, К. Маликова, А. Токтомушева и других авторов, обратившихся к данной теме. Эти устные рассказы помогали писателям углублять и расширять свои детские и юношеские воспоминания о пережитом, служили триггером, спусковым крючком, помогающим оживлять и детализировать до мельчайших подробностей давние эмоции и переживания. Именно устные рассказы невольных участников тех событий 1916 года стали существенной частью и основой произведений о восстании вконец измученного народа.

Эмпирический, а точнее говоря натуралистический характер уровня художественного восприятия событий, постепенно способствовал формированию нашей письменной литературы. Ведь первый этап развития кыргызской прозы в изображении жизни и её проявлений был тесно связан с возможно полным использованием фактологических материалов, а этнография, фактография, натурализм жили в ней, как правда жизни. Писатели это воспринимали и использовали в качестве художественного реализма, нового метода мышления, что было характерным явлением для периода формирования жанра прозы. Ведь воспринимать и передавать правду жизни в том виде, в каком она изначально существует, была необходимостью для начального периода развития художественного мышления.

Процесс подпитывания письменной литературы фольклорными корнями, несомненно, в связи с отображением темы Уркуна в прозе вызовет много интересных и одновременно весьма спорных мыслей.

Большинство кыргызских акынов и писателей старшего поколения видели своими глазами трагедию 16 года, в той или иной мере напрямую пережили страдания, которые она принесла людям. Поэтому им не составляло большого труда изобразить какие-то события и факты того времени, художественно рассказать на бумаге о своей жизни и судьбе. Иначе говоря, отображение событий времени национально-освободительного восстания, художественного их решения, идеи борьбы за свободу казались нашим писателям не столь сложным делом, ведь эти проблемы были тесно связаны с их биографиями. Да, проблема Уркуна была одной из тех тем, что пришлось на время появления национальной письменной прозы и поэзии. Её можно рассматривать как тему, прораставшую в тесной связи с жизнью народа в на-

чальный период формирования профессиональной прозы. Это можно подкрепить отдельными эпизодами из повести С. Карачева «Эриксиз кундөрдө» («В дни угнетения», 1928).

В этой повести автором сделаны заметные действия по изображению женского неравноправия. Отличие данной повести от других произведений этих лет заключается в том, что описывается не женская доля вообще, а весьма впечатляюще рисуется тяжёлая судьба женщин из бай-манапской среды. Выбор жизненной ситуации, творческое отношение автора к ней, конечно, заслуживают всяческого одобрения. Ведь прозаические и драматические произведения тех лет в основном показывали несчастную судьбу женщин из угнетённого класса, содержание же анализируемой повести составляет изображение тяжёлой доли женщин из среды угнетателей, жестокость к ним со стороны мужей, их неравноправие и борьба за свои права. Конечно, много претензий можно высказать по поводу мастерства писателя. Однако, нас заботит вовсе не эта сторона повести, а то, как изображается в ней тема национально-освободительного восстания. Эта проблема обиняком затронута лишь в последней главе повести, но, несмотря на это, личное отношение автора к трагическим событиям 16 года хорошо заметно. Вот что по этому поводу отмечал А. Эркебаев: «Следует обратить внимание на то, что в данных вопросах симпатия автора на стороне всех трудящихся, независимо от национальности. К примеру, он считает, что к восстанию 1916 года привела не вражда между кыргызским и русским народами, а действия “жестоких угнетателей”, “кровопийц” и “подстрекателей”, в результате чего и “пролилась кровь тысяч невинных людей”»¹. Действительно, автор, пусть и не на основе прямых исторических фактов, а на своём понимании причин, вызвавших события 16 года, рассказывает о жестокости и притеснениях царских солдат, в результате чего кыргызы вынуждены были бежать на чужбину, о мучениях и массовой гибели людей в пути, голоде и лишениях на чужой земле. Все это может послужить интересным материалом для исследователей страшных событий. А о повести Касымалы Баялинова «Ажар» (1928) следует вести разговор с совершенно иных позиций. Это первое произведение, в котором

¹ Эркебаев А. Кыргыз адабиятынын аз изилденген барактары. – Бишкек, 2004. – С. 230.

тема 16 года прямо отражена через изображение несчастной судьбы главной героини.

В повести «Ажар» использован последовательный метод повествования о человеческой судьбе, как прямой линии. В своё время этот метод был одним из самых выигрышных. В таких первенцах нашей прозы, созданных в самом начале появления письменной литературы, как «Эрик таңында» С. Карачева, «Мариям менен кел боюнда» К. Тыныстанова, «Узак жол», «Бороондуу күнү», «Кыйын кезең» М. Элебаева, «Каныбек» К.Жантошева, «Азаматтар» К. Маликова жизнь главного героя подвергалась художественному исследованию.

Повесть «Ажар» – из тех произведений, что появились в то переходное время, когда сильно ещё было влияние устной прозы на письменную. В ней с большой психологической глубиной изображается трагическая судьба девушки-кыргызки: продажа её в голодное время богачам, притеснения, которые она испытала, её борьба за свою свободу и мученическая гибель составляют основу сюжета повести. Иных ответвлений сюжета и событий здесь нет. Поэтому мы сразу же можем назвать эту повесть односюжетным произведением о страшной судьбе главной героини. Здесь рассказывается только о тех событиях, которые связаны с судьбой Ажар. Художественная логика писателя диктует, как должно быть, на деле так оно и происходит. Однако здесь следует подчеркнуть одну важную деталь. Мы сказали, что сюжетная основа развивается в связи с главной героиней. Почему Ажар должна была умереть? Была ли причина в том, что она не захотела быть второй женой-токол или же причина её гибели в попытке сбежать из постылого дома на свою родину? Да, мы так привыкли понимать это произведение. Ажар мы воспринимали как девушку, которая боролась за свою свободу. С этим не поспоришь.

Если мы углубимся в содержание повести, то увидим в развитии сюжета ещё одну проблему, которая, собственно, и делает Ажар той, кто она есть. Это – национальная трагедия 1916 года. Ажар – не муки кыргызского народа, не каждодневные жизненные проблемы, не горькая судьбина некой семьи или каких-то известных людей, она, прежде всего, – символ трагедии кыргызского народа. Эта трагедия передаётся в произведении через судьбу главной героини. Поэтому мы можем рассматривать Ажар как героиню, символизирующую страшную

трагедию народа в 16 году. Нас вовсе не интересует, существовал ли в действительности реальный прототип Ажар, не заботит проблема, была ли у неё подобная судьба. Нас волнует не только массовая гибель людей, не только судьба народа, вынужденного пережить эти муки, или судьбы тех, кто положил свои жизни ради личной свободы. В большей мере нас интересует в данном случае то, как историческая правда отражена в произведении, как осуществлён в нём синтез жизненного случая с художественным мышлением и т.д. Да, писатель сделал своей целью с помощью образа Ажар, через изображение её судьбы рассказать об этом событии. Сюжет повести развивается на основе огромной трагедии народа. Поэтому с полным на то основанием мы можем утверждать, что повесть «Ажар» К. Баялинова – первое произведение, в котором через образ главной героини переданы неизбывные муки народа в период Уркуна, его Исхода с родной земли.

К. Баялинов – тот писатель, кто сам пережил события 16 года, а затем и последующую суровую жизнь на чужбине. В 1916 году 14-летним подростком будущий писатель вместе с беженцами добирался до Уч-Турпана, потеряв по пути родителей. Вместе со своим 5-тилетним братом он попадает в дом богатого уйгура Сабитахуна. Заботу о братьях-беженцах, живущих в коровнике бая, берут на себя старуха Сейилкан вместе с сыном Жээнбаем, которые сами за кусок хлеба и чашку похлёбки выполняют всю работу по хозяйству Сабитахуна. На юного Касымалы возлагается обязанность продавать на базаре дрова бая. Там он воочию наблюдал, как страдающие от голода кыргызы за бесценок или за несколько килограмм толокна продавали местным богатым-уйгурам и дунганам своих сыновей и дочерей.

Писатель один из случаев беспросветной жизни беженцев-кыргызов в Китае описывает в своём давнем очерке «Тянь-Шань жазы» («Весна Тянь-Шаня»). Старик Борбугул из Кочкора для того, чтобы спасти от голодной смерти свою семью, продаёт юную дочь Сабитахуну. Тот в свою очередь, перепродаёт девушку уйгуру Нурахуну. Этот случай, оставивший глубокий след в подростковой душе будущего писателя, позже послужил основой для создания повести «Ажар». Таким образом, можно утверждать, что литературный факт оформился из жизненного события. Глубокие эмоции, вызываемые эстетической силой содержания повести, конечно, следует искать в сильнейшем вли-

жнии жизненного случая на подростковую душу будущего писателя. Следует признать тот бесспорный факт, что К. Баялинов ни в одном из своих дальнейших произведений не смог выйти на уровень той эмоциональной силы, которая содержится в повести «Ажар». Подобное сопряжение текста и эмоции, как совершенного художественного синтеза, не случилось в следующих книгах, а если это в какой-то мере и присутствовало, то не смогло служить их главной эстетической силой. Большинство литературоведов, обращавшихся к повести «Ажар», придерживаются такого мнения¹. Вот, что говорится по данному поводу в «Истории кыргызской советской литературы»: «Бесспорен факт, что реальные жизненные события послужили предметом или объектом обрисовки в «Ажар». В самом конкретном предмете содержались чудесный драматизм, истинный трагизм, сила, способная потрясти сердца. В первую очередь именно эта жизненная основа повести придаёт ей нестареющую идейно-эмоциональную силу. ...Наверное, «Ажар» создавалась в особом психологическом и эмоциональном состоянии, в завораживающем творческом процессе, когда автор забывает о самом себе»².

Повесть начинается с фрагмента, когда Ажар в Китае приходит на могилу матери и, рыдая, рассказывает о своей горемычной доле. Только после этого мы знакомимся с её судьбой, узнаём, что отца Айткулу застрелили в период Уркуна, а её мать Батма умерла уже в Китае. Писатель сумел здесь мастерски использовать приём ретроспективного художественного повествования, вначале представив читателю начальные сведения о судьбах своих героев, только затем обращаясь к основным событиям. Во-вторых, это обусловило краткость и образность передачи событий. Иначе говоря, представило возможность раскрыть содержание события, позволило углубить эмоциональность восприятия, придать сюжету образность и живость. Конечно, мы далеки здесь от мысли утверждать, что именно это позволило автору углубить художественную сторону и богатство содержания произведения, что оно совершенно. Скорее, обратное, этот приём лишил писателя

¹ *Асаналиев К.* Кыргыз совет прозасынын очерки. – Белүм 1. – Ф., Кыргыз ССР илимдер академиясынын басмасы. – 1957; Түлөгабылов М. Касымалы Баялинов (Чыгармачылык жолу). – Ф., Кырокуупедмамбас. – 1962; *Эдилбаев К.* Кыргыз адабиятынын мактанычы // Ала-Тоо. – 1977. – № 9.

² Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Ф.: Илим, 1987. – С. 78.

возможности углубить характеры своих героев. Это справедливо подчёркивал и литературовед К. Артыкбаев в упомянутой выше статье, говоря о некоторых «пустотах» повести: «Хотя образ Козубека в произведении явно требовал углубления, автор предпочёл не останавливаться на этом. Это же самое можно сказать и о Батме. К примеру, когда она на перевале видит трупы Кобегена и его старушки, то совершенно равнодушно проходит мимо. Конечно, здесь Батма не могла не ощутить психологического шока, и автору следовало описать её психологическое состояние. И таких «пустот», требующих некоторого расширения и углубления, в произведении немало»¹.

Такую же мысль литературовед высказывает и по поводу образа Ажар. Через судьбу Ажар изображается вся трагедия событий 1916 года. Но сама она не в состоянии анализировать и понимать причины и суть того, что привело к её трагедии. Если бы автор сумел найти способ очень бережно ввести в сюжетную концепцию своего произведения суть восстания 1916 года, то раскрылась бы историческая роль событий, изображаемых в повести. Ибо правдой является тот факт, что трагедия Уркуна явилась историческим событием судьбоносного значения для кыргызского народа. Автор не стал делать ударения на судьбоносность исторической ситуации, ограничившись её показом, влияющим лишь на судьбы отдельных людей. Безусловно, это явление характерно не только для повести К. Баялинова «Ажар».

В силу указанных причин не до конца раскрыты характеры героев первого плана, отчего их психологическое состояние не имеет решающего значения на ход сюжетных перипетий. В качестве подтверждения здесь можно привести фрагмент, когда Ажар, купленная Чыром в качестве третьей жены, сбегает из его дома. Несмотря на то, что автор делает намёк на причину такого поступка своей героини, этот фрагмент остаётся в повести безжизненным материалом. Сама по себе психологическая ситуация, способная удерживать внимание читателей, не проработана в полной мере. Несмотря на то, что побег Ажар из ненавистного дома показан как акт безысходности, автору следовало бы позаботиться о передаче её психологического состояния. Если бы писатель сосредоточил свои усилия на этом, усилил бы

¹ *Артыкбаев К.* Касымалы Баялиновдун чыгармачылыгы тууралуу айрым ойлор // Ала-Тоо. – 1968. – № 7.

психологический характер героини, показал её мучения в доме Чыра и каким-то образом попытался бы связать причины её беспросветной жизни с событиями 16 года, повесть заиграла бы новыми красками и драматизм её усилился.

Мы говорим здесь об этом не только в связи с необходимостью усилить драматизм судьбы главной героини, показать причины её жизненной трагедии. Речь идёт о более углублённом изображении сути исторической трагедии, приведшей к крушению судеб многих тысяч людей. Как бы тогда было показано бедствие на земле Ала-Тоо, суть кровавого преступления царских властей? На основе каких событий писатель прямо или опосредовано обращается к этому? В каких случаях возможно художественное сопряжение истории и эстетического единства произведения?

Конечно, в художественном произведении нельзя увидеть саму историю или материал всех исторических источников. Суть художественного произведения совсем в другом. К тому же и «Ажар» – не историческое сочинение. Поэтому перед писателем стояла задача отобразить не саму историю, а показать правду о том, как историческое событие отражается на судьбах людей. Следовательно, нет смысла искать в произведении историю или все события 16 года, сравнивать их с документальными источниками. Этому есть несколько причин. Во-первых, время создания повести пришлось на тот период, когда кыргызская литература делала свои первые шаги, и речи об изображении исторического события в качестве художественной правды вообще не было. Во-вторых, исторический смысл и содержание событий 16 года ни в научном плане, ни в понимании людей ещё до конца не было понято. В-третьих, кыргызские писатели в те годы, конечно, не могли быть знакомы с документальными материалами о причинах происхождения этой трагедии. Поэтому основной упор они делали на изображение того, как отразилось это историческое событие на жизни кыргызского народа. Иначе говоря, они пытались отразить лишь ту правду жизни, которую сами наблюдали. К повести К. Баялинова «Ажар» тоже следует подходить с этими мерками.

Айткулу оказался в списке, утверждённом местными властями, о призыве с каждого двора по одному человеку на военную службу. Он приходит к манану айла Сагыну, пытаясь объяснить, что не может

быть призван на службу, так как является единственным кормильцем маленькой дочери:

«Батыр, ты повелел мне вступить в войско, но я не могу исполнить твой приказ. На кого я оставляю жену и ребёнка в такое смутное время, когда враг теснит нас? Я не могу идти. Оставь меня! Возьми другого, у которого есть взрослые дети. Вон у богача Алымкула два взрослых сына. Будь справедлив, возьми их, оставь меня.

– Уйди, собака! Не смей сравнивать себя с Алымкулом. Кто ты такой! Завтра же садись на коня и иди на войну! – крикнул Сагын и выгнал Айткулу из юрты.

Ранним утром посланник манана Сагына разбудил Айткулу. Айткулу быстро вскочил с постели, оделся, заткнул за пояс айбалта! Потом он поднял Ажар и крепко поцеловал её.

Направляясь к выходу, Айткулу сказал жене:

– Если народ перекочет, сложи все свои пожитки на вола, посади верхом Ажар. Не отставай от народа! Ходят слухи, что в Котмалды прибыли солдаты белого царя, мы идём против них, прощайте, родимые!»¹.

Как несложно заметить в данном фрагменте, автор не отходит от исторической правды, пытаясь изобразить жизнь людей перед началом событий 16 года, понимая, что это позволит усилить и дальше развить сюжетные перипетии. Иначе говоря, достаточно бережно писатель старается создать художественную правду, отталкиваясь от жизненного факта и исторического события.

В каких целях писатель вскользь упоминает о приходе в Котмалды (ныне г. Балыкчи) русских солдат? Почему Айткулу и другие призывники идут им навстречу? Писатель прячет историческое событие, которое служит основой для сюжетного развития, за фразы, вызывающие интерес читателей. Мы начинаем понимать, что неспроста на берега Иссык-Куля прибыли солдаты русского царя, что им навстречу выдвигаются кыргызы, что всё происходящее говорит о приближении большой трагедии. Поэтому последние слова Айткулу «Прощайте, родимые!» воспринимаются нами как прощание человека, уходящего на кровавую бойню.

¹ Баялинов К. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы. – Т. 1. – Ф.: Кыргызстан, 1969. – С. 46.

Последние напутствия Айткулу своей жене имеют прямое отношение к общей сюжетной основе произведения, показывают, какая трагическая судьба ожидает Батму и маленькую Ажар впереди. И хотя автор не специально придумал такой ход, напутствие мужа оставляет нам широкое поле для размышлений. Это стало узловым моментом для усиления художественного воздействия на читателей, намёком на будущее Ажар.

То, что должно было произойти, происходит. Через три дня после отъезда Айткулу народ начинает свой панический Исход с родной земли на чужбину. Приходит весть о гибели Айткулу под пулями солдат.

В повести К. Баялинова «Ажар» следует обратить внимание и на образ Жапаркула. Он не является решительным участником развития сюжета, происходящих драматических событий, иначе говоря, не один из главных героев произведения. Жапаркул – удобный образ для показа характера исторической ситуации, для раскрытия причин трагедии. По сравнению с Айткулу, он в произведении появляется лишь эпизодически, по мере необходимости, потом умирает, но это персонаж, смерть которого приносит много страданий близким. Со стороны кажется, что его судьба схожа с судьбой Айткулу. Лишь в начале повести он появляется в сцене неравного боя с солдатами русского царя, борясь за справедливость и за свой народ против хана. Однако, хотя в дальнейшем движении сюжета он не участвует, писатель через свою авторскую идею и концепцию повести рассказывает о том, какие испытания принесла близким людям его гибель. Образ Жапаркула в произведении выписан достаточно рельефно, как вполне самостоятельный персонаж. Это можно подтвердить следующим примером.

Ханом восставшего народа становится Жакыпбек. Иначе говоря, в качестве главнокомандующего он против обученных, хорошо вооруженных российских солдат выставляет кыргызов с дубинками и вилами. Такова была правда истории. Вот такие горе-полководцы, совершенно не знающие, как сильны и чем вооружены противники, подняли простых людей на войну, обрекая на гибель многих храбров. Жакыпбек – один из них. На приказ Жакыпбека атаковать с ду-

бинками вооруженных ружьями солдат люди отвечают отказом. Этот эпизод в повести передаётся рассказом Кулубая:

«Он велел нам начинать атаку. Угрожал, что застрелит всех, кто побежит назад, – потом с помощью своих жигитов погнал нагайками нас вперёд.

...Народ взволновался. «В атаку!» – послышался крик хана. Что тут началось, с криками мы бросились вскачь на солдат. Они опешили и в панике стали отступать. Ай, нет нам прощения! Если бы мы были обучены к порядку, как солдаты, то без труда победили бы их. Когда мы совсем уже были рядом, несколько человек из наших рядов повернули и поскакали назад. При виде этого поскакали назад и мы. Солдаты остановились и принялись стрелять нам в спину. Пули так и зажужжали у самых ушей. Жизнь сладка, многие всадники, под которыми убили лошадей, бежали с поля боя вровень со всадниками. Ноги многих убитых застряли в стремях, и кони тащили их по земле. Так мы потерпели поражение. Оказалось, мы потеряли убитыми 72 человека. Люди собрались бежать и далее. Хан воспротивился:

– Пусть приблизятся, попробуйте атаковать ещё раз! – сердито кричал хан.

– Ты что видишь перед собой перепелов, которых можно перебить палками, когда они приблизятся? Они ведь не мы. У них обученные командиры, они солдаты с дальнобойными ружьями. Не нам с ними тягаться. Достаточно и тех, кого ты убил своими атаками, – стал ругаться с ним Жапаркул»¹.

Жапаркул, оценивая ситуацию и понимая, что следующая атака приведёт к массовой гибели джигитов, прямо говорит об этом хану. Правда всегда горька, и когда хан, не выдержав, несколько раз хлещет Жапаркула камчой, тот отвечает ему тем же. В это время раздаётся выстрел одного из приспешников хана, и Жапаркул падает бездыханный.

Этот рассказ из произведения – художественная реальность, созданная из правды жизни. В повести эта правда передаётся рассказом Кулубая. 500 кыргызов по команде хана пошли в атаку на 200 хорошо вооружённых солдат. Из рассказа прекрасно видно, что такое ог-

¹ Баялинов К. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы. – Т. 1. – Ф.: Кыргызстан, 1969. – С. 48 – 49.

нестрельное оружие. Среди кыргызов было много и тех, кто хорошо понимал всю гибельность атаки, одним из которых и был Жапаркул. Он пытался предотвратить этот безумный шаг, найти иной путь решения этой ситуации, поэтому в заботе о людях пытается донести до Жакыпбека свои мысли, за что и погибает не от пули неприятеля, а одного из джигитов хана.

На этом эпизоде не заканчивается недовольство народа действиями местных властей. Это проявляется во время встречи отца Жапаркула Кобегена с Жакыпбеком, когда безутешный отец при всём народе открыто говорит о хане всё, что думает о нём. Опыянённый своей властью Жакыпбек ещё раз при этом показывает, кто он есть. По его приказу приспешники всенародно избивают лишившихся единственного сына Кобегена и его старуху. Двойной гнёт, испытываемый народом, безысходность такого положения хорошо видна из подобных фрагментов повести «Ажар».

Нечеловеческие муки, испытанные людьми на пути в Китай, образно и драматично переданы при описании перехода через перевал Акогуз. Здесь следует особо отметить, что те факты, которые были увидены и испытаны самим автором, конечно, оказали на него незабываемое влияние. Эта картина перехода через заснеженный перевал описана писателем живо, драматично, трагически.

Литературовед К. Артыкбаев в своё время отметил живость и образность характеров эпизодических героев повести, о которых мы упоминали выше: «...Ещё раз повторим, лаконизм, основанный на конкретности, во многом помог автору. ...Конечно, именно этот лаконизм обуславливает краткость, точность и образность произведения»¹. Мастерство автора в этом плане подчёркивали в разное время А. Садыков², К. Асаналиев³, М. Тулекабылов⁴, Б. Кебекова⁵ и др. литературоведы.

¹ *Артыкбаев К.* Касымалы Баялиновдун чыгармачылыгы тууралуу айрым ойлор // Ала-Тоо. – 1968. – № 7.

² *Садыков А.* Бир талаштын тарыхы // КУУнун вестниги: Адабият таануу. – Серия 1. – Чыг. 4.

³ *Асаналиев К.* Кыргыз совет прозасынын очерки. – Ф.: Кыргызмамбас, 1957. – С. 17.

⁴ *Тулекабылов М.* Касымалы Баялинов. – Ф., 1962. – С. 28.

⁵ *Кебекова Б.* Кыргыз совет аңгеме жанрынын өсүш жолдору. – Ф., 1967.

Во-вторых, здесь следует отметить и тот факт, что картина перехода людей через перевал Акогуз из повести «Ажар» практически повторяется в воспоминаниях Б. Исакеева¹. Однако эти схожие картины происходили в двух разных местах, одна на перевале Акогуз, вторая – на перевале Бедел. А причина практической идентичности двух картин – жизненная правда, жестокость времени, которая и объясняет характер и масштабы народной трагедии.

В произведении К. Баялинова, о котором мы ведём речь, основные события связаны с Ажар, её жизненной трагедией. Именно поэтому повесть и названа по имени главной героини. Да, если рассматривать с позиции тех событий, что изображены в ней, это так. Однако, такой взгляд, кажущийся верным, вызывает одностороннее понимание. Главная причина появления этих событий, трагической судьбы Ажар, – те проблемы, которые, собственно, и вызвали восстание 1916 года, трагедия, которую оно принесло в жизнь кыргызского народа. Если бы не было событий 16 года, не была бы трагичной судьба и жизнь Ажар. Поэтому сюжетную основу и ход содержания составляют события восстания 1916 года и результаты этой трагедии. Главным героем повести является угнетённый кыргызский народ в лице Ажар. События 16 года, судьба кыргызского народа в произведении подробно не описываются, причины не анализируются. Автор не ставил перед собой таких целей. Его основная цель – показать положение кыргызского народа во время восстания 1916 года и бегство людей в Китай, второе – изобразить мучения беглецов на чужбине с тем, чтобы показать истинную суть трагедии народа. Также автор поставил перед собой цель отобразить художественно, какие муки принесли народу события 1916 года, как гнёт с двух сторон вверг людей в третью адскую пучину. Эта концепция, эта идея, этот взгляд возникли из правды истории и в такой же форме, в том же виде составили содержание произведения. В этом основная причина того, что до сих пор повесть «Ажар» не потеряла ни своей ценности, ни художественно-эстетических качеств.

Сравнивая два случая, о которых мы выше говорили, попробуем привести примеры из воспоминаний, написанных на основе исторического факта, а также изображения этого случая в повести «Ажар».

¹ Исакеев Б. 1916-жылдагы кыргыз көтөрүлүшү. – Ф.: Кыргызмамбас, 1932.

Б. Исакеев то, что видел своими глазами, передал так: *«Через перевал Бедел мы проходили ночью. Я вначале вместе с отцом и старшей сестрой перевели через перевал навьюченного верблюда. Узкая тропа, покрытая свежесыпавшим снегом, была скользкой. С одной её стороны тянулась пропасть на две-три длины аркана, чуть человек или вьючный скот поскользнулся, считай, пропал. Оставив отца и сестру на той стороне, я вернулся назад, чтобы помочь переправиться братишке. Он был уже на середине пути, ведя на поводу навьюченного скарбом вола. Мы увидели, что дно пропасти внизу уже было усеяно вьючными верблюдами, волами, людьми, упавшими и продолжавшими падать со скользкой тропы. Через некоторое время, оглянувшись, я увидел, что некоторые беженцы, боясь идти по тропе, шли уже по дну этой всё заполнявшейся пропасти.*

Конечно, это была страшная картина. Звуки криков и стонов разных животных и людей, отражаясь от узких стен пропасти, возносились в небо. Кто-то во весь голос кричал, кто-то громко называл имена своих близких, надеясь отыскать их в этой сумятице. Но бредущие сзади старались не останавливаться и не обращать внимания на них, поскольку одно неосторожное движение грозило гибелью. Двигаясь из последних сил, они понимали, что, остановившись, они уже могут не подняться. Мы видели вконец обессилевших женщин, которые оставляли вдоль этого скорбного пути своих грудных детей, завернув их в кошму. Сколько мы видели стариков и старух, молча сидевших совершенно без сил, понимавших, что никто не сможет помочь им»¹.

Это воспоминания человека, который сам пережил и видел своими глазами то, о чём рассказывает. То есть, это факт, перенесённый на бумагу без всяких художественных прикрас. Подобное положение, как правда жизни и историческая трагедия, изображается и в повести «Ажар»: *«Утро встало пасмурное, перевал окутался туманом, пошёл снег, поднялся северный ветер, который усиливался с каждой минутой, заметая дорогу снегом. Люди и скот скользили по обледенелой тропе, падали в пропасть. Среди голых камней не виднелось ни одной травинки. Голодные овцы и козы щипали свою собственную шерсть; лошади грызли свои удила и попоны, верблюды опустили на колени*

¹ Исакеев Б. 1916-жылдагы кыргыз көтөрүлүшү. – Ф.: Кыргызмамбас, 1932.

и уже не могли больше подняться; коровы и волы, с накренившимся набок вьюком; женщины и дети, стонущие от боли в обмороженных ногах и руках. Но никто не обращал на них внимания, все были заняты лишь собственным спасением...

Кочевье гудело от стоны людей, ржания и блеяния животных. А снег всё валил. Скоро наступила ночь, но и она не принесла успокоения. Люди и животные сбились в одну кучу. Холод пробирал всех до костей. Когда робкий свет зимнего утра осветил перевал, он казался пустым. И люди, и животные – всё было засыпано снегом, всё замерло, и только по редкому трепыханию овец можно было понять, что под снегом не камни, а живые существа. За ночь умерло множество людей»¹.

Никто не может поспорить с тем, что эти два описания того, что происходило с людьми в двух разных местах, связаны с общностью народной судьбы в одной исторической ситуации, с тем, что правда жизни придаёт художественному мышлению и воспоминаниям жизненность. Поэтому писатель, который вознамерился создать произведение, основанное на историческом событии, не должен оставлять вне поля своего зрения факты, события, явления, могущие стать опорой для художественного мышления. Во-вторых, писатель есть писатель, он вовсе не привязан, как историк, к документам и событиям, доказывающим правду жизни, он главный упор делает на эстетическую сторону, содержательную суть правды. Его обязанность – художественно отображать правду, из материалов истории создавать художественную мысль.

Конечно, в данной повести судьба кыргызов в Китае показана через образы Батмы, Айши, Козубека, Ажар. Поэтому и развитие сюжета произведения посвящено изображению жизни и быта этих героев. Однако эту нашу мысль есть необходимость развивать с несколько иной стороны, то есть с самого исторического события. В воспоминаниях К. Баялинова, в его произведениях автобиографического характера это всегда упирается в одну важную мысль. В его повести «Тяжёлый переход» (1980), очерках «Незабываемые дни» и «Весна Тянь-Шаня», писатель повествует о своей мучительной жизни на

¹ Баялинов К. Чыгармалардын эки томдук жыйнагы. – Т. 1. – Ф.: Кыргызстан, 1969. – С. 51–52.

чужбине до 1918 года в мемуарном плане. Это особенно заметно в очерке «Весна Тянь-Шаня», в которых события подтверждены фактами из жизни, затем реальное изображение всего этого в повести «Ажар» свидетельствует о том, что писатель поставил перед собой цель изобразить трагическую судьбу тех, кто поднялся на борьбу за национальное освобождение, и сумел претворить это в жизнь.

Хорошо заметно в произведении как сильно изменились внутренний мир Ажар, взгляды её на жизнь после того, как она была продана Чыру в качестве третьей жены. Обострились её стремление к свободе, желание бороться за свою судьбу. Эта свобода, эта борьба, это мировоззрение – жизненная необходимость, выросшая из потребности изменить судьбу. Но из чего и для чего выросла эта потребность? Только ли муки Ажар, испытанные ею в доме Чыра, привели к этой необходимости? На первый взгляд, так оно и есть. Но дальнейшие размышления дают нам полнейшую уверенность, что есть исторические основания связывать это напрямую с событиями 16 года и той трагедией, которую эти события привнесли в жизнь кыргызского народа. Её мать Батма скончалась, она лишилась всех близких, свобода её поarana, судьба – в руках ненавистного человека. Теперь Чыр и его две жены могут плумиться над ней, как им заблагорассудится. Значит она – живой труп, она и есть, и в то же время её нет. Остался единственный путь: во что бы то ни стало, вырваться из этого ада. Но как?

Этот фрагмент приводит к высшей точке развития сюжета. Образ Ажар, судьба которой неожиданно и столь кардинально изменилась, придаёт новую эстетическую силу общему содержанию произведения, общей концепции и всей его художественной системе. Все мучения кыргызов, связанные с событиями 16 года, трагические судьбы Айткулу, Козубека, Кобегена, Жапаркула и особенно её матери Батмы, как бы сфокусированы в судьбе оставшейся в одиночестве Ажар. Нет, это писатель не делает, опираясь на своё мастерство художника или на силу своих внутренних убеждений. К этому приводят исторический характер события, историческая ситуация, сама жизнь. Ведь ко времени создания повести у К. Баялинова ещё не было столь высокого мастерства и большого писательского опыта. Создание этого художественного явления было обусловлено самой жизнью и историей. Именно это доводит ситуацию до трагической точки, придаёт ей эмоциональную силу и глубокий психологизм, которые в сопряжении

и дают одно понятие – судьбу человека. Поэтому эта судьба и становится в произведении общей судьбой кыргызского народа, общей трагедией, которую принёс кыргызам 1916 год.

Понятно, такая концепция не озвучивается прямо в содержании произведения. Однако, в повествовании, ходе движения художественного мышления при глубоком размышлении эта концепция явственно различима.

В качестве успеха автора можно отметить тот факт, что в повести «Ажар» пейзажные зарисовки находятся в тесном единстве с содержанием произведения и авторской идеей, с логической стороны они дополняют друг друга. Есть все основания утверждать, что пейзаж в повести в достаточной степени и образно помогает понять состояние и психологию героев в определённые моменты их жизни. Это, безусловно, можно считать авторской находкой.

Ажар вздрогнула от испуга и задрожала, когда ввалился Чыр, ей показалось, что на всей земле нет места, где она могла бы спрятаться. С этим чувством собственного бессилия пятнадцатилетняя Ажар встретила впервые. Что делать? Покончить жизнь самоубийством? Но как? В эту минуту безвыходного отчаяния она вспомнила случай в их айле, когда богач по имени Алымкул женился на молоденькой девочке Айганыш. У Алымкула к тому времени уже было две жены, а Айганыш он брал насильно третьей женой. Вспомнился тут же ей и случай, когда пятнадцатилетнюю Сааракан насильно отдавали замуж за бая Кожомкула. Сааракан тогда убежала со своим любимым, бедняком Сатаркулом и, по слухам, была счастлива. Ажар в эту минуту нужен был такой смелый и отчаянный джигит, как Сатаркул, но увы... Нет ей такой опоры. Один из последних фрагментов произведения, когда Ажар убегает из дома Чыра, описывается так: *«Ажар поднялась и снова пустилась в путь. Сумерки сгущаются, приближается ночь. Давно скрылось солнце. Выплыла бледная луна, окутанная золотым сиянием. Её серебристый свет разогнал глубокую темноту, осветил молчаливую пустыню. И пустыня, как дитя, улыбающееся сквозь слёзы, обрадовалась сиянию луны. Она раскрыла свои объятия, дала дорогу Ажар»*¹.

¹ Баялинов К. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы. – Ф.: Кыргызстан, 1969. – С. 61.

Второй пример, когда Ажар оказывается добычей волков. *«Тёмная зимняя ночь сменилась белесоватой зарёй. На востоке засияла Чолпон. Звёзды будто улыбались в небе, прощаясь с землёй»*¹. Подобные случаи, хотя и не имеющие прямой логической связи с текстом, но дополняющие его, выполняют важную роль в раскрытии характера ситуации.

Мы далеки от мысли утверждать, что повесть К. Баялинова «Ажар» от начала и до конца прекрасное произведение, не имеющее никаких изъянов. Конечно, в нём есть не до конца разработанные эпизоды, недоработанные образы героев, фрагменты, которые требуют доработки и углубления. О таких недостатках повести говорили в своих трудах известные литературоведы².

Основываясь на воспоминаниях Ажар перед её побегом из дома Чыра и полном знании судьбы главной героини повести, возникает необходимость остановиться ещё на одной проблеме. Насильственная выдача Ажар замуж за Чыра, её дальнейшая судьба, съедение девушки волками весьма перекликается с содержанием повести «Айша» известного казахского писателя Сакена Сейфуллина (1922). В этом произведении также изображён 1916 год, принёсший народу много страданий. Нищие родители Айши вынуждены насильно выдать замуж юную дочь за пожилого человека, у которого умерла жена. В день ухода из родительского дома она с подругами вспоминает тех девушек, чью горемычную судьбу она повторяет. Одна из них – Рахима. Её отдали замуж за заносчивого вдовца Ахмета. Красавица Рахима не может жить с нелюбимым человеком, несколько раз убегает из дома и, наконец, убегает. Затем Айша вспоминает невестку Кочкорбая, которая, не выдержав жестокости своего мужа, бая Жексура, убегает из дома и замерзает в буран от мороза. Не желая мучиться в доме нелюбимого мужа, Айша готова распрощаться с белым светом. Её едва

¹ Там же. – С. 64.

² Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Т. 1. – Ф., 1987; Садыков А. Бир талаштын тарыхы // КУУнун жарчысы. Адабият таануу. Серия 1. – Вып. 4. – С. 55; Асаналиев К. Кыргыз совет прозасынын очерки. – Ф., 1957; Артыкбаев К. Касымалы Баялиновдун чыгармачылыгы тууралуу айрым ойлор // Ала-Тоо. – 1968. – № 7; Тулекабылов М. Касымалы Баялинов. – Ф., 1962; Кебекова Б. Кыргыз совет аңгеме жарынын өсүш жолдору. – Ф., 1967.

не постигла судьба Ажар. В пустынной степи её окружают голодные волки, но в последний момент раздаётся мощный заводской гудок, заставляя волков убежать. Так Айша остаётся живой.

Нетрудно заметить, что весьма схожи судьбы героинь этих двух повестей: это и неравный брак, их готовность отдать свои жизни во имя свободы, встреча с волками. Нет ли в этом плагиата? Или это естественная схожесть?

Следует признать факт того, что К. Баялинов, безусловно, был знаком с повестью «Айша» казахского писателя С. Сейфуллина. Ведь он уже в 1921 году с другими кыргызскими молодыми людьми поехал учиться в Алматы. Не прочитать «Айшу» он просто не мог. Вполне вероятно, что именно эта повесть могла стать триггером к созданию им своей повести «Ажар», в определённой мере подвигла его на творческий путь, вызвала вдохновение. Влияние на творчество К. Баялинова «Айши» С. Сейфуллина, а также рассказа М. Ауэзова «День беззащитности» (1921) доказывали некоторые кыргызские и казахские литературоведы¹. Однако, надо признать, «Ажар» всё же заслуживает называться вполне самостоятельным художественным произведением, с первых страниц вызывающим неподдельный интерес читателей. Если в «Айше» побеждает идея, политика того времени, то в «Ажар» побеждает не трагедия, хотя повесть и трагедийна от начала до конца. В ней побеждает борьба главной героини за свою человеческую свободу и счастье. Это художественная реальность, вытекающая из общего содержания и перипетий произведения.

Казахский литературовед, академик М. Каратаев о повести «Айша» написал следующее: «В повести изображаются события июля-августа 1916 года. Вместе с тем ничего не говорится, не чувствуется восстание народа, потрясшего в то время всю казахскую степь»². Действительно, хотя в произведении вспоминаются события 16 года, в ней практически не изображено отношение и взгляд народа на эти события, как в повести «Ажар».

¹ См: *Акматов Б.* Кыргыз-казак байланыштарынын жаңы доору (20-жылдар). – Б., 2000; *Его же.* Кыргыз-казак байланыштарынын 30-жылдардагы көп түрдүүлүгү. – Б., 2000; *Мусинов А.* Казахско-киргизские литературные связи. – М.: Наука, 1974.

² *Каратаев М.* Тандалган чыгармалар. – Т. 1. – Алматы, 1974. – С. 139.

Взгляд с нынешних позиций художественного мышления, конечно, показывает, что в «Ажар» присутствует значительное число недоработок. Повесть от начала и до конца написана в манере единообразного поэтического сказа. Писатель не выбирает стилевые средства, языковые особенности, приёмы художественного мышления, соответствующие событийной ситуации, психологическому состоянию, характеру драматического момента. Это вопросы, связанные с мастерством писателя, его способностью художественно мыслить. Во-вторых, причины, вызвавшие события 1916 года, их исторический характер, общественно-политические проблемы, толкнувшие людей на борьбу, а затем на побег со своей земли на чужбину, не смогли стать художественной пищей для повести «Ажар», не послужили напрямую усилению её эстетической ценности. По этому поводу литературовед Б. Акматов отметил: «Бесспорно, реальные жизненные события стали причиной и объектом создания повести Баялинова «Ажар». Однако, писатель не осмелился слишком глубоко окунуться в изображение событий национально-освободительной борьбы, осуществить их художественный анализ»¹. Далее он напоминает, что и А. Токомбаев обратился к изображению этой опасной исторической темы в своём романе «Кровавые годы», за что подвергся остракизму за политические ошибки. Конечно, это одна сторона проблемы, вторая же причина в том, что начинающий представитель юной пока ещё литературы 20-х годов, только вступающий на путь писательства К. Баялинов был не в состоянии художественно отобразить историческую суть национально-освободительного восстания. Также хорошо заметно, что начинающий автор ещё хромает с художественной стороны. К примеру, недостаточен внутренний динамизм, полифоничность авторской мысли, поэтика произведения, нет глубины раскрытия психологических состояний героев в различных ситуациях. Поэтому отдельные герои, например, Козубек не стал полнокровным образом. Это произошло потому, что все свои возможности писатель обратил только на раскрытие судьбы Ажар.

Конечно, это не сильно снижает качество повести. Эмоциональная сила произведения отодвигает на второй план отдельные недостатки,

¹ Акматов Б. Кыргыз-казак адабий байланыштарынын жаңы доору (20-жылдар). – Б., 2000. – С. 58.

захватывая чувства читателей. Поэтому «Ажар» с момента своего появления и до сих пор живёт, нисколько не снижая своей ценности. Это объясняется тем, что книга – не только о судьбе и трагедии Ажар, а больше о страшной трагедии всего кыргызского народа, начало которой положил 1916 год. Именно в этом и состоит художественная ценность произведения, его историческое значение. Это единодушно подчёркивается всеми, кто пишет о повести «Ажар».

В романе Мукай Элебаева «Долгий путь» заметно новое отношение к изображению национально-освободительного восстания 1916 года в кыргызской литературе. Конечно, в это время, а точнее говоря, в середине 30-х годов кыргызские писатели уже совершенно самостоятельно относились к природе художественного слова, осуществляя в этом плане неустанные поиски. Это хорошо заметно в опоре наших писателей на классические образцы русской литературы.

Литературное влияние, творческие результаты использования опыта иных литератур явственно наблюдаются в жанре прозы тех лет. Направленность на новое качество хорошо демонстрирует роман «Долгий путь».

В 1930 – 1933 годы Мукай Элебаев написал такие рассказы как «В поисках книг», «При встрече», «На базаре хлопкоробов», «Артель рабов». Это явилось литературной разведкой, творческой подготовкой к созданию романа «Долгий путь». Об этом сам писатель отмечал: «Долгий путь» я начал писать в январе 1934 года. Первую книгу я закончил 2 октября 1935 года»¹. Однако, по рукописям автора заметно, что роман и после этого подвергся значительной доработке². Роман «Долгий путь» был издан в 1936 году. В этот период М. Элебаев, как талантливый акын и прозаик, был в числе лучших представителей кыргызской литературы, хорошо знакомый читателям. «Долгий путь» – путь, пройденный автором, уроки, полученные им от жизни, его судьба. Следовательно, он в романе «Долгий путь» сознательно обратился к изображению судьбы одной семьи для показа тяжёлой трагедии, обрушившейся на весь кыргызский народ, для показа её социального значения.

¹ Рукописный фонд Национальной академии наук Кыргызской Республики / Д. № 1. – 2 блокнот.

² Там же.

Слово «сознательно» мы специально выделили, этому есть две причины. Объясним, какие же.

Первая, автор все события национально-освободительного восстания 1916 года видел своими глазами и испытал все мучения, которые она принесла кыргызскому народу, что называется, на своей шкуре и потому хорошо понимал глубину этой общей трагедии. Вторая, М. Элебаев, как художник, правильно понял, что будет верным отобразить это событие через призму своей собственной жизни и судьбы. Ибо он был хорошо знаком с целым рядом произведений, могущих в этом плане стать литературной основой, дать для работы творческий толчок. В литературной критике и литературоведческой науке часто высказывались убеждения, что основное содержание и приёмы изображения жизни в таких произведениях великого русского писателя М. Горького, как «Детство», «В людях», «Мои университеты» служили образцами для подражания молодым национальным литературам, а конкретно стали причиной написания М.Элебаевым «Долгого пути»¹. Однако, не следует делать односторонние выводы о том, что разные творческие влияния стали единственной причиной для создания этого романа. Да, такие взгляды высказывались в указанных нами трудах. Всё же выскажем своё мнение по данному вопросу. Известно, что в нашем литературоведении при оценке художественных произведений, созданных в 30 – 40 годы, очень часто высказывались мнения об их написании под влиянием русской литературы или упоминались конкретные литературные явления, послужившие основой. Для появления подобной односторонности были историко-литературные причины. По правде говоря, утверждения о том, что отмеченная нами трилогия М. Горького стала образцом, литературным воспитателем М. Элебаева при создании им «Долгого пути», весьма близка к истине². Однако, высказывались и мнения критиков о том, что роман «Долгий путь» – произведение, полное пессимизма и натурализма,

¹ См.: Маленов Б. Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы. – Ф., 1959; Керимжанова Б. Кыргыз совет адабияты 25 жылда. – Ф., 1951; Лайлиева И. Традиции русской классической и мировой литератур в киргизской прозе. – Ф., Илим, 1988; Артыкбаев К. Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы жөнүндө // Ала-Тоо. – 1970. – № 3; Маликов К. «Узак жол» тууралуу // Кызыл Кыргызстан. – 1937. – 4 ноября; Токомбаев А. Мукай Элебаев // Кызыл Кыргызстан. – 1946. – 1 ноября и др.

² Садыков А. Башаттар жана жаңычылдык. – Бишкек: КМУ, 1993.

что в нём нет широкого отображения жизни народа¹. Но как бы, то ни было, «Долгий путь» вошёл в историю кыргызской литературы как первый прозаический роман, во-вторых, как реалистическое художественное явление, обусловившее появление автобиографического произведения эпической формы.

Да, трагедия национально-освободительного восстания 1916 года жила в сознании М. Элебаева, расколов его душу надвое и овладев всеми его помыслами. Да, допустим, в истоках осознания необходимости написать об этом, предоставления опыта, как писать, лежат литературные традиции М. Горького. Однако, в то время, когда кыргызская письменная литература только начинала делать свои первые шаги, невозможно было ожидать глубокого творческого освоения этих традиций и опыта. Признаем, одно дело увидеть в каких-то произведениях жизненный материал, близкий тому, что испытал сам, оказаться под влиянием этого, но совсем другое – творчески воспринять его художественно-эстетический пример, а затем возродить в ином явлении.

Тот факт, что проза, соответственно своей жанровой природе, какое-то время не может отойти от фактографии, иначе говоря, истории, событий жизни самого автора, политических дневников, автобиографии, существуя под их влиянием, хорошо видно на примере кыргызской литературы. Этот посыл красноречиво иллюстрируется примером романа М. Элебаева «Долгий путь», построением его сюжета, подачей событий и их развитием. Литературовед У. Касыбеков подобную ситуацию выводит напрямую из фольклора, точнее говоря, из сюжетов эпических произведений. Он пишет: «Сюжетные модели эпосов есть и в романе «Долгий путь». Жизненный путь героя – основная предпосылка художественной структуры произведения, служащая главным средством верного понимания особенностей жизненных и бытовых явлений. Мы бы сказали, что её специфику составляют не конфликты взаимоотношений героя и ситуаций, а художественное восприятие жизненных явлений времени и пространства, характерных для художественного мира эпоса, а также жизненного пути людей»². Однако «Долгий путь» не следует рассматривать как

¹ Даронян С. Творческий путь Т. Сыдыкбекова. – Труды ИЯЛ АН Киргизской ССР. – Вып. VII. – Ф., 1956.

² Касыбеков У. Улутгук прозабыздын башаты // Ала-Тоо. – 1991. – № 7.

произведение, созданное целиком из норм эстетики фольклора, его законов. «Конечно, нельзя ставить знак равенства между ребёнком, рассказывающим о своей жизни, и автором, пишущим роман «Долгий путь». Бесспорно, и то, что между этими двумя явлениями есть внутренняя связь. ...Как бы то ни было, когда к тому времени автор уже нескольких поэтических сборников М. Элебаев приступил к написанию романа «Долгий путь», он не мог уйти далеко от законов художественной литературы и даже жанра. Однако, в книге ясно ощущается, что автор выбирает в качестве основы рассказ о пережитом им самим для объяснения прежней жизни»¹.

Прежде чем вести речь о романе М. Элебаева «Долгий путь», следует принять во внимание ещё одно обстоятельство. Да, как прежде отмечалось, в этом произведении автор изобразил свою тяжёлую жизнь в детстве. Роман от начала и до конца повествуется от первого лица. Роман казахского писателя С. Сейфуллина «Узкая дорога, мелкий брод» также написан в этой форме. Главный герой этого произведения тоже сам автор, поэтому и рассказ ведётся от первого лица. Проблема национально-освободительного восстания 16 года в романе казахского писателя, по сравнению с «Долгим путём», представлена намного масштабнее, глубже и разнообразнее. В «Долгом пути» события 16 года даются в ином плане. «...М. Элебаев считал, что достаточным будет рассказать лишь события своей жизни для того, чтобы показать один фрагмент, одну картину трагедии, обрушившуюся в 1916 году на кыргызский народ... Поэтому автор вынужден был во многих случаях изображать мелкие бытовые заботы»².

В романе же С. Сейфуллина «Узкая дорога, мелкий брод» изображаются события не только в Акмолинске, но и в Омске и Оренбурге, Уральске и Семипалатинске, т.е. показывается, что огромная беда пришла на всю казахскую землю. Потому борьба людей против угнетений переросла в национально-освободительное восстание, причём всё это подкрепляется достоверными фактами, интересными сведениями. Характеру народной борьбы придаётся историческое и политическое значение. Для подкрепления их историзма и документализма используются архивные материалы. На первый взгляд, кажется,

¹ Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Т. 1. – Фрунзе: Илим, 1987. – С. 165.

² Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988. – С. 49.

что они не придают художественно-эстетическую силу основному сюжету книги. Однако, при использовании такого рода материалов, выбивающихся из сердцевины сюжета, автор переходит к повествованию от третьего лица, дополняя историзм жизненной правды документальной основой, как дополнительным, подкрепляющим истину источником.

Роман «Долгий путь» построен по-иному. Поражение северных кыргызов в борьбе против русских колонизаторов в 1916 году, муки, пережитые ими на земле Китая, изображены сквозь призму личной судьбы главного героя. На первый взгляд, может показаться, что слишком много места в произведении уделено изображению обыденных житейских забот, а художественная мысль сосредоточена вокруг них.

Однако, общая концепция, идея и содержание произведения свидетельствуют, что судьбы главных героев, их повседневная жизнь – это общая судьба народа. Иначе говоря, автор сумел претворить историческую судьбу простого народа, его трагедию в истинную художественную правду сквозь призму личной жизненной правды¹. Эта художественная правда состоит в том, что человек в самые трудные времена, в самых сложных ситуациях, в моменты, когда смерть заглядывает в глаза, стремится жить, борется за свою жизнь.

Роман начинается с изображения трудной ситуации в семье главного героя. Канун восстания, мать семейства лежит при смерти, её муж мучается, не зная, как прокормить своих голодных детей. Да, отец, взяв с собой мешок, уезжает на поиски хоть какого-то пропитания для детей. Но от него нет никаких вестей. Когда приедет, как приедет, что привезёт? И это под спудом в произведении. Что будет с голодными и раздетыми детьми, что принесёт им завтрашний день, что заберёт? И это неизвестность. Эта неизвестность, эти мольбы о хлебе насущном – не тягостная реальность одной лишь семьи, не муки лишь одного главного героя. Это жизнь и судьба всего кыргызского народа в канун событий проклятого 1916 года, жизнь в ежедневных мучениях. Именно эту проблему, именно это трудное время решил показать автор на примере судьбы одной семьи, чтобы изобразить жизнь всего народа. Поэтому в романе «Долгий путь» нет высокого пафоса,

¹ Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Фрунзе: Илим, 1987.

нет призывных лозунгов, нет драматизма, сплетённого из различных событий. Внутренний характер содержания развивается на жизненной основе. Иначе говоря, сюжет произведения вытекает из жизненного пути авторского «я», его рассказа. Следовательно, существует его неразрывная связь с историей и жизнью. В одном из эпизодов романа, связанном с образом Урманбета, знатные люди айла решают поймать его и отдать в солдаты. Этот фрагмент передаётся рассказом Бейшем-би таким образом: «И уйти без проблем не смог. После того как записали в солдаты, возвратившись из Каракола, отнял у кого-то из баев коня и переполошил весь род эркесары. Ухотившим в солдаты давали по четыреста сомов. Из них двести пятьдесят сомов стали добычей богачеев»¹. Однако, этот поступок Урманбета не поддержал даже Элебес, его боится и Бурмаке. Почему?

Коня волостного силой отнимает Урманбет. Его побаиваются все бедняки. Урманбет испытал все муки бесприютного сиротства, но, когда представлялась возможность, не прочь был проявить свой неуступчивый и своевольный характер. Да, он отнял коня. Но властимущие постарались проглотить и это, чтобы исполнить указ царя. Решили, что накажут его отправкой в солдаты. О том, что такие случаи избавления от неугодных были распространённым явлением, доказывают воспоминания современников. Приведём пример. Прочитаем воспоминания тянь-шаньца Мендеша Мамырова, своими глазами видевшего события 1916 года: «В 1914 – 1915 годах вышел указ об отправке в солдаты по одному человеку от каждой волости. Но это не было всеобщей обязанностью, те, у кого не было скота, скитались по земле, как перекасти-поле, из одного края в другой. С нашего айла уехали в солдаты Токтаалы Калчаев, Самудун Ибраимов, Абас Талканов и другие. У них не было ни скота, ни сил. ... Вот так бессильные, получив по корове и по две овцы, ушли в солдаты»². Жизнь Урманбета быда такой же, кроме горемычной головушки у него ничего не было. Поэтому властимущие гонят его в солдаты. С другой стороны, он, не в пример остальным, не согласен взять, что дадут и выполнять всё, что скажут. Он не хочет быть просто жертвой неравенства и пото-

¹ *Элебаев М.* Узак жол. – Ф., 1971. – С. 27.

² 1916-жылдагы Кыргызстандагы кетөрүлүш / Л.В. Лесная тарабынан жыйналган документтер жана материалдар. – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – С. 309.

му специально оказывает сопротивление властям. Поэтому в данном эпизоде Урманбет показывает себя как бунтовщика, которого трудно покорить.

Отметим здесь, что Урманбет несмотря на то, что он влияет в такие моменты на сознание людей, находится в положении лидера, который может повести за собой народ на борьбу, не делает этого, не обретает динамизма героя. Поэтому есть все основания считать его образ недоработанным. Этому были объективные причины. Как отмечалось выше, сюжет произведения организован на основе повествования героя от первого лица о том, что сам он видел и пережил. Во-вторых, автор-рассказчик своей целью поставил показать трагедию всего кыргызского народа сквозь призму истории семьи, оказавшейся в трагических обстоятельствах. По утверждению самого М. Элебаева, он ничего не прибавил к жизненным фактам, изображению быта людей, их невыносимым страданиям¹. Происходившие события, действия вольных и невольных их участников определяют развитие сюжета «Долгого пути». В силу сказанного, писатель не стал даже пытаться что-то добавлять, «оживлять» своё повествование.

Внутренние причины всеобщей нищеты в исследованиях по истории объясняются на документальной основе. По материалам известного историка К. Усенбаева, в первые годы Первой мировой войны социальное положение колониальных народов России было ужасающим. Цены на обувь выросли на 300 процентов, на хлеб – на 600 процентов. В феврале 1916 года цены на спички, керосин, сукно и другие товары повседневного спроса выросли в два раза, в результате чего местное население вымирало от страшных болезней: туберкулёза, краснухи, тифа, ревматизма, оспы. Кроме того, жизнь кыргызов здорово осложнилась в результате природных катаклизмов, бескормицы-джута². Эта ситуация в романе представлена как историческая и жизненная правда.

Весьма образно изображается то, как умирает от болезни мама сирот, как близкие и рады бы помочь горемыкам, но им самим нечего есть и то, как сироты вынуждены смириться с жестокой судьбой. Это повествование само показывает, что судьба одной семьи тесно связана с положением всего народа. Вот эта ситуация: *«Как на грех и нынеш-*

¹ Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988.

² Усенбаев К. Указанный труд. – С. 59.

ний год оказался очень трудным. Вроде и время подошло, но на земле ни единой травинки, никак не распогодится, лишь временами злющие бураны не дают открыть глаза, говоря о скором джуге-бескормице. В прошлом году было совсем мало зерна. К тому же и народ наш не сеет много пшеницы. Редко кто у нас сеет две десятины. Голодный нынче год. Поэтому, некоторые из людей с мешками за плечами подались в русские посёлки»¹.

Обратимся к истории. В упомянутом выше труде историка К. Усенбаева мы находим архивные сведения о том, как проводился раздел земли: «В 1916 году среди населения всего Туркестанского края лишь шесть процентов составляли русские переселенцы. Несмотря на это они организовали 950 посёлков и почтовых станций. 57,6 процентов пахотных земель были распределены им, а местное население, составлявшее почти 94 процента, владело лишь 42,4 процентами. Если каждому русскому крестьянину в Туркестане принадлежало 3,17 гектара пахотной земли, то каждому местному жителю – лишь по 21 сотке. Это было в 15 раз меньше, чем у русского крестьянина»².

Подобное неравенство существовало и в отношении скота. Конечно, автор не мог в советское время открыто говорить о подобном неравенстве в канун 1916 года или делать на это упор. Это он показывает просто как правду жизни тех лет. На первый взгляд, зарисовки естественных или повседневных бытовых забот могут служить доказательством не только горькой правды жизни людей, но и сами по себе служат показателем владения писателем методами реализма, его самобытности. Ведь жизнь человека, его характер, психология или судьба одной семьи, прямо связанная с жизнью всего народа, открывает её важные стороны, прямо или косвенно говоря о тяготах людей и общественных проблемах. Поэтому «рассматривать роман лишь как автобиографическое произведение будет односторонним. Люди в нём рано или поздно встречаются с главной сутью общества. Внутренняя болезнь общества оставляет кровавый след в сердцах всех персонажей»³.

Здесь уместным будет привести слова М. Горького о правде литературы. По словам, русского писателя, художественная правда – это

¹ Элебаев М. Указанная книга. – С. 4.

² Усенбаев К. Указанная книга. – С. 37.

³ Уметалиев Ш. Ак дил. – Ф.: Кыргызстан, 1986. – С. 3.

не приукрашивание жизненных явлений, и не излишняя хвала или их хула, это образное воссоздание их с помощью слов¹. Иначе говоря, сила таланта возрождает истину². Для подкрепления этой мысли познакомимся с таким примером: *«Здесь есть ещё один русский по фамилии Башарин. Наверное, прошло уже много лет с тех пор, как он прибыл в Кызыл-Кию. В год у него телится семьдесят-восемьдесят коров. Невестка Элебеса Жанымжан доит его коров.*

В окрестностях Кызыл-Кии, кроме него в разных ущельях и по берегам рек есть ещё несколько русских, занимающихся пчеловодством и животноводством. В этом регионе в тридцати километрах от Каркыры к нам, за Кызыл-Киёй в Кутурган-Булаке есть большой купец, почтовик Митрий. У Митрия кроме здешнего дома было по одному дому в Караколе и Тюпе. Его лошадей путники узнавали издали, говоря: «Вон с большой лысиной, а вон игрневый». Прошло уже много лет с тех пор, как он построил дом в Кутурган-Булаке и возит почту»³.

Да, в романе при описании Башарина, почтовика Митрия, Василия, старика Бабая писатель старается не отходить от правды жизни, изображая её как есть. В «Долгом пути» это принцип не идеализировать русских людей. Это следует рассматривать в связи с раскрытием темы жизни кыргызского народа, его социального положения, экономической ситуации на земле Ала-Тоо перед национально-освободительным восстанием 1916 года. Ведь скрытая захватническая политика царской власти, империалистический гнёт по отношению к местному населению ещё более обострял ситуацию, вынуждая обездоленных кыргызов к неравной борьбе. Один из примеров этого М. Элебаев передаёт так: *«Мы весь год бесплатно выполняем всю работу по хозяйству Башарина. Весной на коне помогаю пахать землю, сушить прошлогоднее сено, пасу его телят, зимой чищу большой двор от снега. Ни разу за мои старания он не отдал мне даже обноски. Только в этом году, после долгих просьб я сумел получить от его сына кожаный ремень. И то он дал этот ремень мне, долго прося разрешения у своего отца.*

¹ Горький М. О литературе. – М.: Советский писатель, 1976. – С. 182.

² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. 12. – М., 1971. – С. 72.

³ Элебаев М. Указанная книга. – С. 31.

Жанымжан весь год, зимой и летом, с раннего утра доит его коров. Легко разве доить семьдесят-восемьдесят коров? Большинство их доит Жанымжан. Если бы только дойка, между делом она успевает сделать кучу дел по хозяйству. В этом с ней никто не может сравниться. Конечно, такой работницей очень доволен Башарин. За работу ей дают молочный обрат после сепаратора. За это ведро постного молока не только Жанымжан, но и мы все готовы выполнять любую волю хозяина. А что делать? Ведь именно это ведро обрата не даёт умереть от голода куче людей нашей семьи. В это ведро мы добавляем ведро воды и получается два ведра айрана. Пицца...

В этом году семья Башарина, довольная работой Жанымжан, дала её сыну Жумабеку старый бешимет. Однако, на днях невестка Башарина поругалась с Жанымжан и, встретив в поле Жумабека, силой отняла у плачущего мальчика этот бешимет»¹.

А что потом? Жестокая политика царской власти вызвала тяжёлую ситуацию. Это писатель показывает через рассказ Байболота: «Разве такой должна быть справедливость сильного? Поставила русских и кыргызов в состояние раздора и наблюдает со стороны, чем всё закончится. Озорные мужики посёлка придираются без всякого повода, чуть что избивают. Захотят отнимут урожай или скосят нашу траву. Не дай бог, хоть одной нашей скотине оказаться на их земле, беды не оберёшься. Приходится за это отдавать им корову, а то ещё хуже до суда доведут»².

Как можно заметить, политика царской власти специально вынуждала местное население подчиниться условиям неравного сосуществования. Именно это, в конце-концов, и привело к национально-освободительному восстанию. В романе М. Элебаева «Долгий путь» эта историческая правда показана в реалистической манере со своим лицом. Ни Урманбет, ни Байболот не склоняют головы перед угнетателями и властями. Они выходят на борьбу за свои права и свободу народа. Например, Байболот и в тюрьме не теряет присутствия духа, не смиряется. Он открыто выражает представителям власти своё недовольство, оставаясь на прежних позициях. В романе весьма убедительно показан постепенный процесс перехода стихийной борьбы в

¹ Элебаев М. Указанная книга. – С. 31.

² Там же. – С. 65.

общенародное восстание. В канун восстания значительно активизируются действия Байболота, его поиски справедливости и равноправия. Это хорошо видно на примере диалога Байболота с приставом:

«Собака, ты против справедливого указа царя, знаешь, что я могу сейчас сделать с тобой? – побагровел пристав.

Байболот не опустил глаз. Напротив «пропади всё пропадом» подумал он, ещё выше поднимая голову и глядя прямо в глаза приставу, вдруг ощутил себя совершенно свободным:

– Говоришь, царь твой справедлив. Вот, прошло более полувека с тех пор, как он захватил нашу землю и осуществляет власть. Чего только мы не испытали за это время? Не успел придти, как захватил нашу землю и воду. Мы промолчали. Отдали свою землю и отошли к горам. Потеряли свою свободу и остались без питья. У нас нет даже десятины земли, а богатые мужики на семью получили по 40 – 50 десятин. Нам нет воды, чтобы полить свой клочок земли. Затем он забрал в казну наши пастбища и ледники и стал собирать плату за выпас скота. Где нам пасти наш скот? Пойдём за дровами, нас хватает лесничий, избивает, отнимает наши верёвки и арканы, составляет протокол. Спасибо царю, огромные налоги сделали нас всех нищими и бродягами на своей земле. Нам пришлось продавать всё вплоть до последней коровы. ...Мало этого, захотел брать от нас солдат. Где уж тут справедливость твоего царя? ...Мало нам притеснений царской власти так ещё свои бии, волостные, старишины обложили с другой стороны нас, как волков, своими податями. Как нам жить теперь? Сколько можно терпеть? Что нам делать?»¹.

Вот она, правда времени и истории. Правда истории и правда жизни приведены к неразрывному единству художественной правды. Да, здесь можно говорить об активной роли творческого процесса. Писатель тщательно выбирает природу, характер, специфику жанра и каждый жизненный материал подстраивает под них, расширяя и бережно взвешивая их содержание. Иначе говоря, это начинает служить в качестве одного из критериев определения процесса авторского творчества с тщанием проводимого отбора материала, его отношения и уровня требований, как художника, к материалу и ситуации. М. Элебаев, как писатель, при отборе таких событий и ситуаций обнаруживает боль-

¹ Элебаев М. Указанная книга. – С. 64.

шое мастерство, выбирая случаи, могущие влиять на усиление психологии героев, позволяющие глубже раскрыть их характеры и условия жизни. Подобное наблюдается и при изображении случаев грабительской, жестокой сути феодально-племенного образа жизни. Подтвердим это примером. Ыбыке бий через своего старшину Карабая вымогает у бедняков разные виды налогов, виды которых он выдумывает каждый день. Такие картины есть и в других произведениях. Можно даже сказать, что они относятся к кочующим сюжетам. Но в «Долгом пути» это не кочующий сюжет, он здесь выполняет роль жизненного явления, обуславливающего естественность сюжетного развития, его перипетий. Попробуем разобраться.

В романе пропадает единственная корова Бейшемби, которая была кормилицей множества сирот. В поисках её он приходит в один из прибрежных айлов. Спесивые приспешники Ыбыке с криками: «Откуда ты такой вдруг появился? Ты что хочешь сказать, что это мы украли твою корову!» приказывают своим джигитам, показать этому нахалу, где раки зимуют. Так Бейшемби оказывается несправедливо избитым. Мало этого в тот же день к нему в развалюху заявляется старшина Карабай с требованием оплатить налог за оскорбление людей. Вслед за описанием этого случая приводятся возмущения старушки Бурмаке по поводу того, что если царь требует один налог, то местные богатеи «снимают» этот налог вдвойне и для себя тоже.

Затем автор рисует эпизод, когда доведённый до крайней степени нищеты народ ставится перед необходимостью продавать своих детей. В романе это изображается через действия Ыбыке бия со своими приспешниками. Они вознамерились продать разведённую со своим мужем дочь Байболота одному казаху из Каркыры за большой калым. Калым в виде 50 овец и 20 коров приводят в дом Ыбыке. Затем сваты во главе с Ыбыке приходят к Байболоту. Дочери дома не было, оказалось, что накануне она сбежала с парнем, которого раньше любила. Ни Байболот, ни его жена о побеге дочери ещё не знали.

Конечно, во время работы над романом Мукай Элебаев упор делал не на политическую суть двойного гнёта, а на его проявления в жизни народа. Естественно, здесь следует подчеркнуть, что царская власть проводила политику через местных своих ставленников. Подобные жизненные ситуации обусловили всестороннее раскрытие образов

Карабая, Чонкол стражника, пристава, Балакурмана, Байзака и других. Во-вторых, именно эти ситуации стали прямыми причинами начала событий 1916 года. Писатель размерено рисует жизнь людей той поры, которая постепенно обуславливает возникновение восстания. Мастерски созданные образы угнетателей народа свидетельствуют о том, что М. Элебаев – писатель-психолог. Он не говорит общими словами, какие они нехорошие, их истинную суть он демонстрирует картинками жизненных событий, их местом в тех или иных противостояниях¹. Чонкол – известный на весь Каракольский уезд человек. Его именем пугали даже детей. Этот образ писатель создавал с каким-то особенным вдохновением. Вот его портрет – руки, словно две огромные дубины, толстая бычья шея бугрится складками, глаза красные, как у бешеной собаки. Недаром его прозвали Чонколом (большеруким). Был он предельно жестоким, избивал всех, кто попадал ему в руки. Балакурман тоже такой же тип, недаром люди прозвали его дурной Курман.

Причины появления прозвища дурной Курман писатель объясняет следующими причинами. Он всегда находится при властимущих, с радостью исполняя все их несправедливые поручения, жестокое обращение с сырыми и угнетёнными он считает за геройский поступок. К примеру, Курман хвастается тем, что по пути из Арала в Каракол он силой забрал коней у пятнадцати человек. Никто не мог противостоять такому его «героизму», ведь в противном случае их кровь бы пролилась рекой, а близкие оплакивали бы их кончину. Дурной Курман беспрекословно исполнял все приказы русской власти по отношению к кыргызам. Прочитаем отрывок из романа.

«– Сегодня же перевези и поставь свою юрту в Ийри-Суу! – приказал Балакурман. Исполнители поручений канцелярии всегда говорят таким тоном. Элебес даже привстал:

– Почему это? – хмуро произнёс он.

– В Каркыре должно быть поставлено шестьдесят юрт, из уезда пришёл приказ, – Балакурман страшно завращал глазами, передвигая вперёд свою саблю.

– Сами знаете, у меня кроме единственного коня нет тягловой живности, родимые! – сказал Бейшемби, с мольбой глядя то на Балакурмана, то на старшину.

¹ См.: Маленов Б. Мукай Элебаевдин чыгармачылык жолу. – Ф.: Илим, 1959.

Балакурман ещё более взъярился, глазами буравя Бейшемби:

– *Какое нам дело, велено поставить, значит поставь!*

– *Зачем эти юрты?*

– *Нужно для ночлега солдат, отправляющихся в Германию. Из Каракола приедет начальство!*

...Старуха Бурмаке, до сего времени не встречававшая в разговор в надежде, что проблема сама по себе решится, ладонью закрывая глаза от солнца, глянула на жасоула:

– *Родимые, а куда мы денем своих малых сироток?*

– *О, глупая, какое дело властителю до твоих сирот? – хохотнул старшина*¹.

Из этого довольно неторопливого текста ясно видно, как тяжела была жизнь простого люда, как решала власть свои интересы. Вот в такой сложнейший момент, когда люди, теряя последние капли терпения, уже подумывали о необходимости выступить против ненавистной власти, возникла проблема призыва в солдаты. В «Долгом пути» не говорится подробно о сути этого указа, никто из героев романа не говорит подробно об этом. Народ, поставленный в адские условия существования двойным гнётом, решает вместо того, чтобы отдать своих молодцов в солдаты, а затем остаться здесь без защиты, начать войну на своей земле против беззакония власти.

Поражение в первой мировой войне привело к заметному экономическому ослаблению России. В результате, первым пунктом повестки дня национально-колониальной политики стал сбор средств за счёт простого народа. Во-вторых, государству необходимо было срочно укрепить военные силы. Здесь стали лихорадочно искать новые пути налоговых сборов. Указ о призыве на войну, насильственная мобилизация на тыловые работы вынудила вконец обнищавший народ подняться на восстание. В романе «Долгий путь» эта ситуация изображается в форме активных действий народа. Большинство населения решило: «Вместо того, чтобы умирать солдатом вдали за несправедливого царя лучше погибнуть здесь на родной земле»². А некоторые говорили: «Ладно, какая разница, где умирать. Хотят забрать в солдаты, что нам остаётся, нет у нас ни кола, ни двора, ни скотины.

¹ Элебаев М. Указанная книга. – С. 41.

² Элебаев М. Указанная книга. – С. 56–57.

Бедняку всё одно. Но если и уйдём, отомстим потом тем, кто отправил нас на бойню»¹.

В таких высказываниях людей писатель видел изменения в психологии кыргызского народа перед национально-освободительным восстанием 1916 года. Люди уже перестали дорожить своей нищенской жизнью, готовы были за справедливость отдать её. Развитие сюжета романа движется в русле жизненных событий. Писатель не слишком пытается влиять на это движение, выступая лишь повествователем правды жизни той поры. Он не перечисляет все события, не комментирует их. Он делает основной упор на те главные события, что вызвали восстание 1916 года, выбирая самые характерные из них и давая

В романе есть фрагмент описания действий народа по своему пониманию правды жизни: «...Многие люди, казалось бы, стали готовиться к битве, приводили в порядок конское снаряжение, кузнецам, которые вроде бы день и ночь не тушили огонь своих мехов, заказывали боевые топоры и наконечники копий»². Мы специально приводим этот пример.

Такие картины есть и в «Ажар» К. Баялинова, и в «Холме раздора» А. Убукеева, и в «Молодцах» К. Маликова. В некоторых произведениях есть и усиленные фрагменты описания подготовки к сражениям с солдатами. У М. Элебаева, как мы можем видеть, тоже об этом написано, но рассказчик передаёт это как бы по словам и слухам, дошедшим до него. «Казалось бы, стали готовиться к битве», «вроде бы, день и ночь не тушили огонь». Следовательно, автор здесь передаёт не то, что наблюдал своими глазами, а своё отношение к тому, что происходило в то время, сохраняет некоторую свою отстранённость. Герой-повествователь не наблюдатель, не оценщик, не человек, который со временем дополнит это событие. Он лишь рассказывает то, как это было и воспринималось в те дни. Умение писателя выбирать нужный материал, безошибочно решать, что писать и как писать об этом – проблема, связанная с уровнем мастерства. М. Элебаев в этом плане оказался успешен, в результате чего к середине 30-х годов уже считался известным писателем.

Литературовед Б. Маленов, исследовавший жизнь и творчество М. Элебаева, специально остановился на этом фрагменте «Долгого

¹ Там же. – С. 66.

² Там же. – С. 17.

пути», повествующем об отсутствии единства в народе, готовящемся к восстанию. Он намекает на то, что необходимо было кому-нибудь руководить подготовкой к этому событию. «Хотя процесс восстания автором не изображается «последовательно», его стихийный, анархический характер мы ясно видим в романе»¹. Выше мы уже отметили причину того, почему нет последовательности в изображении восстания. Но повторим это ещё раз. Хотя автор и был очевидцем этих событий, он не пересказывает детально обо всём, останавливаясь лишь на тех, участником которых был сам. Поэтому к рассказу о ходе восстания он подходит не с позиций своего дальнейшего понимания, а непосредственного восприятия именно 1916 года. Писатель в ходе повествования упоминает о том, что передавал события такими, какими они были на самом деле. Это следует понимать, как задачу, которую писатель-реалист поставил перед собой.

Да, в период работы над романом М. Элебаев не обращался к архивным материалам, историческим документам. В его рукописях, сведениях о работе над произведением, дневниковых записях нет упоминания об этом. Однако, отдельные факты «Долгого пути» Мукай Элебаева, передача событий весьма близка к содержанию архивных материалов. Они дают все основания говорить об историческом характере произведения. Напомним один пример. В труде историка К. Усенбаева «1916: героические и трагические страницы» говорится о том, что заявления и жалобы местного населения не рассматривались властями, что последними все привилегия отдавались или русским людям, или тем из местных, кто был зажиточным, а бедняки всегда оказывались в накладе².

Такие же сведения содержатся и в письме Байболота³. «Долгий путь» – не историческое, как утверждают отдельные специалисты⁴, и не мемуарное произведение. Это жизненный роман автобиографического характера⁵. Иначе говоря, писатель на основе судеб реальных людей создал художественную правду жизни. Бурмаке, Урманбет, Мамирмазин, Чоңкол, Балакурман, Байзак, Байболот и другие – это

¹ Маленов Б. Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы. – Ф., 1959. – С. 105.

² Усенбаев К. Указанная книга. – С. 108.

³ Элебаев М. Указанная книга. – С. 66.

⁴ Богданова М.И. Киргизская литература. – М.: Советский писатель, 1947.

⁵ Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988.

реальные лица со своими судьбами и характерами. Причины, вызвавшие исторические события 1916 года, перерастание народных волнений в кровавую бойню, жизнь народа и его социальное положение изображаются в романе в тесном единстве с реальными жизненными эпизодами и судьбами людей. На самом деле без такого показа жизненной правды невозможно было бы представить его историческое значение, общую атмосферу, в которой жили герои романа, их характеры. Поэтому с полным правом можно утверждать, что М.Элебаев не просто передал историческое событие, а сумел сделать его эстетическую суть основой для художественных размышлений.

Это хорошо заметно и в вестях о призыве солдат в армию, и в недовольстве людей этой вестью, и в выступлении народа против русского царя. Неравная борьба вынуждает простой люд бежать в Китай. Элебес становится свидетелем правдивости слов «Если не дать русскому царю солдат, он учинит нам всем раздор». Картины перехода людей через перевал Музарт свидетельствуют об умении писателя реалистически мыслить, показывают его художественное мастерство. Такие реалистические картины прекрасно иллюстрируются тем, что вконец измученный угнетением на чужбине народ в поисках спасения неоднократно обращается к консулу российского царя в Китае. А историзм этих событий, близость их к материалам документов повышает ценность романа. Вот факт.

Как отмечено выше, частые обращения с письмами к консулу России в Кульдже, не привели к каким-либо результатам. В письмах с подписями 200 человек содержалась просьба помочь кыргызам вернуться на родину. Консул ничего не отвечал, что засвидетельствовано историческими сведениями. К. Усенбаев отмечает: «Но царская власть поставила перед восставшими невыполнимые условия. К примеру, выдать всех руководителей восстания, сдать все виды оружия, с каждой волости дать на нужды армии по 200 лошадей и выплатить все расходы на усмирение восставших. На деле это была отписка, которая лишала людей всякой надежды на спасение. Таким образом, исполнители колониальной политики царизма старались полностью завладеть кыргызской землёй»¹.

¹ Усенбаев К. Азап жолу жана Атаконушка кайтуу // Кыргызстан маданияты. – 1991. – 22 июня.

Простое ли это совпадение или историческая правда, что общее содержание письма, подписанного 200 людьми и скреплённого печатью в «Долгом пути» весьма близко тому, что писал историк? Если это правда истории, то откуда оно у писателя М. Элебаева? Значит правду истории составляет жизненная правда. Чем реальнее изображена правда жизни, тем произведение писателя ближе к историческому характеру и историческому значению. Несмотря на то, что правда национально-освободительного восстания 1916 года составляет содержание «Долгого пути», изображение этой правды на высоком эстетическом уровне даёт право исследователям справедливо оценивать этот роман в качестве первого в кыргызской литературе реалистического художественного произведения¹.

Да, по сравнению с повестью К. Баялинова «Ажар», в «Долгом пути» причины национально-освободительного восстания 1916 года, невероятные страдания, которые оно принесло кыргызскому народу, мучительная жизнь людей на чужбине отображена много ближе к правде истории. Несмотря на то, что отдельные факты и материалы, события в романе изображены как правда жизни, следует отметить их близость к историческому содержанию, историческим документам. Развитие содержания романа на основе исторической правды придаёт ему реалистический характер. Несмотря на это ни в повести «Ажар», ни в романе «Долгий путь» не раскрыт полностью исторический характер событий 16 года, не показано его влияние на политическую ситуацию всего Кыргызстана. Основное внимание авторов обращено только на общесоциальные проблемы, классовые противоречия, жизненные ситуации. В «Долгом пути» насильственный призыв кыргызов в солдаты, лицемерие и двурушничество бай-манапов, их раболепие перед царской властью, несправедливость и жестокость, побег людей в Китай, их нищета и мучения на чужбине изображаются как жизненная правда. Однако, действия героев произведения, содержание их внутренних психологических переживаний и конфликтов не становятся исторической движущей силой сюжетной основы книги.

¹ *Асаналиев К.* Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988; Его же. Кыргыз прозасынын очерки. – Ф.: Илим, 1956; *Маленов Б.* Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы. – Ф.: Илим, 1959; *Керимжанова Б.* Кыргыз совет адабияты 25 жылда. – Ф. 1951; *Садыков А.* Башаттар жана жаңычылдык. – Бишкек, 1993; *Лайлиева И.* Традиции русской классической и мировой литератур в киргизской прозе. – Ф.: Илим, 1988; *Артыкбаев К.* Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы жөнүндө // Ала-Тоо. – 1970. – № 3 и др.

Конечно, автор и не ставил перед собой такой цели, к тому же молодой писатель в то время и не был знаком с образцами исторических произведений национального характера.

В этом смысле можно согласиться с мнением литературоведа О. Ибраимова, который пишет: «Отдельные картины Уркуна изображены в прозе, к примеру, в повести «Ажар» и «Долгом пути». Следует отметить, Касымалы Баялинов и Мукай Элебаев в своих произведениях не ставили целью сделать какие-то политические выводы, изображая кровавые события шестнадцатого года, их разнообразную панораму и причины. У них и возможностей не было поставить такие цели, недостаточно было профессионализма и знаний»¹. Однако, у нас есть все основания утверждать, что «Долгий путь» Мукай Элебаева – первый роман, обусловивший появление реалистической кыргызской прозы.

Была издана лишь первая книга «Долгого пути», но на примере других его книг заметно стремление продолжить работу по этой теме. Такие произведения М. Элебаева как повесть «Трудная впадина», рассказы «Нужда», «Буранный день» свидетельствуют о том, что они являются подступами ко 2 книге «Долгого пути». Да, не только по тематике, но и по сюжету и событийному ряду эти произведения позволяют предполагать это. Литературовед О. Сооронов, осуществивший заметный труд по исследованию жизни и творчества М. Элебаева, после изучения архивных документов приходит к следующему выводу: «К рукописи, написанной на латыни, в 1938 году (инв. № 1272) автор не даёт названия, нет и указания жанра. Одно это свидетельствует о том, что эта рукопись – не завершённое произведение того или иного жанра, а представляет из себя отрывок какой-то книги. А после прочтения текста, по манере письма убеждаешься в том, что это – продолжение первой книги “Долгого пути”»². Здесь литературовед говорит о рассказе «Нужда». Обратимся также к его мнению по повести «Трудная впадина». «Сравнение варианта, написанного от руки латиницей и набранного опять же латиницей на пишущей машинке (инв. № 1273), вновь показывает, что этот текст – отрывок второй книги “Долгого пути”»³. Даже простому читателю нетрудно понять, что эти два произведения – отрывки,

¹ *Ибраимов О.* Кызыл кыргын //Ала-Тоо. – 1991. – № 7.

² *Сооронов О.* Жаркын өмүр, жарык самаган чыгармалар // Мукай Элебаев. Жарыланбаган чыгармалар. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 39.

³ Там же. – С. 41.

которые должны были войти во вторую книгу романа «Долгий путь». Роман этот заканчивается фразой: «Назавтра, выйдя отсюда, мы направились в сторону Чонташа»¹. А повесть «Трудная впадина» начинается словами «Те на рассвете вышли из Чонташа. Кабыл прибыл из Китая впервые после того, как люди бежали на чужбину»². Рассказы «Нужда» и «Буранный день» тоже повествуют о мучениях бесприютных людей после событий 16 года. Они входят по сюжетной композиции в цикл произведений, продолжающих изображать проблему, поднимаемую в романе «Долгий путь», её жизненную суть.

Да, есть смысл повторить ещё раз. Жизненные явления в произведении не даются такими, какими они были, его философия выстроена на основе размышлений автора, анализе и оценке ситуаций, этому способствуют развитие сюжета, система художественных образов. Основная заслуга писателя в том, что он сумел раскрыть исторический характер правды жизни как художественную правду, смог показать сюжетное содержание произведения как «орудие понимания правды»³. Как отмечал Б. Томашевский: «насколько достоверными и логически взаимосвязанными будут события жизни героев произведения, настолько повествование автора об этих событиях составит сюжет»⁴. «Изображение всех действий внутри произведения в полном виде, реальные взаимосвязи изображённых действий»⁵ на самом деле в «Долгом пути» показано на уровне образцов истинного реалистического художественного слова. Во-вторых, изображение истинной исторической правды на примере судьбы, как отдельного человека, так и всего кыргызского народа в связи с событиями 16 года привнесло в нашу молодую прозу психологизм, стало фактом культуры художественного слова. Всё это хорошо видно и в авторском повествовании, и в системе образов, и в усилении развития сюжета, и в эволюции характеров героев.

¹ Элебаев М. Узак жол. – С. 160.

² Элебаев М. Кыйын кезен. – Ф.: Кыргызстан, 1980. – С. 79.

³ Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. – М., 1955. – С. 105.

⁴ Томашевский Б. Теория литературы. – М., 1964. – С. 132.

⁵ Тимофеев А.И. Основы теории литературы. – М., 1976. – С. 161.

1.2 Попытки рассматривать народное восстание с классовых позиций

Можно заметить в исторической науке и литературоведении попытки рассматривать события народно-освободительного восстания кыргызского народа в 1916 году с классовых позиций. Это заметно и в повести «Молодцы» К. Маликова, изданного в 1938 году. К. Маликов до этого написал целый ряд прозаических произведений: «В лунную ночь» (1931), «Раскрытая вина» (1933), «Юное пламя» (1933), «Красный Алай» (1933), «Отборный ягнёнок» (1935). Однако, все они не принесли автору творческих успехов. Об этом в своё время было сказано литературной критикой¹. На самом деле в этих произведениях превалировали натуралистические тенденции, примитивность мышления, им явно не хватало таких характерных для художественных произведений элементов как обобщения, типизация. Они ограничивались лишь тем, что откликались на считавшиеся в то время актуальными темы дня. Поиски в жанре прозы, опыт обращения к большим темам и важным проблемам, начавшиеся в середине 30 годов, обусловили появление «Долгого пути» М. Элебаева, романов К. Жантошева «Каныбек», Т. Сыдыкбекова «Кен-Суу» и «Темир», повестей А. Токомбаева «Раненое сердце», «Днестр впадает в глубокое море». В 30-е годы кыргызская проза, с одной стороны, переживала процесс формирования, с другой, – успешно осваивала путь развития. Создавались повести и романы широкого плана, успешно шло освоение проблемы создания эпических жанров, что сопровождалось поисками и творческими находками. Повесть К. Маликова «Азаматтар» («Удальцы») именно из произведений той поры.

«Удальцы» – первая повесть Кубанычбека Маликова. Сразу предупредим, в ней мало декларативности и натурализма, которые отмечались в его рассказах. Основной упор в повести сделан на то, что национально-освободительное восстание 1916 года было направлено против царского самодержавия и местных бай-манапов. Однако, содержание произведения включает в себе описание героической деятельности молодцов из народа, которые защищают интере-

¹ Токомбаев А. Формализм жана натурализм // Кыргыз совет адабияты. – 1936. – № 1.

сы нарынских кыргызов, борясь против русского царизма. Коренные цели национально-освободительной борьбы, её историко-политическое значение К. Маликов искал не на стороне, не из самой правды истории, а из классовых интересов и взглядов. Он ограничился лишь показом борьбы классовых противоречий. Классовые взгляды были идеологией 30-х годов, душой литературы той поры, кровью художественного мышления, основой произведений. А то, что такой находчивый, активный в политике и поисках темы своего времени поэт, как К. Маликов из событий 16 года вычленил в качестве основной идеи такую проблему, вовсе не было удивительным явлением.

Схватка двух сторон. Кто они? Такие молодцы как Алишер и Сулайман, которые готовы отдать свои жизни ради свободы народа. Это Койгелди, Жамалидин молдо, Борбуке бай, Мусаалы датка и другие ведут борьбу против представителей бай-манапства, ведущих несправедливую политику.

Отец Алишера Мамбеталы в своё время был известен в народе как силач и беркутчи, который не прочь был во главе джигитов напасть и угнать табуны соседних родов. Однако, он погибает от пули во время угона лошадей русских переселенцев. Волостной Койгелди предлагает Алишеру ступить на отцовскую стезю и стать его, волостного, доверенным джигитом. Но Алишер не принимает это предложение. Напротив, он считает своим человеческим долгом отомстить Койгелди, который всегда использовал силу и храбрость его отца для своих целей, в результате чего и стал виновником смерти Мамбеталы. Недовольный отказом Алишера Койгелди завлекает в свои сети девушку Жыргалбюбю, которая очень нравилась джигиту. Такие молодые люди, как Алишер, не исполнявшие волю волостного, оказывались в списках тех, кто должен был отправиться в солдаты вместо других людей.

Ситуация в Кыргызстане перед началом национально-освободительного восстания 1916 года, жизненные условия, как можно видеть, и здесь совершенно такие же, как и в повести «Ажар» К. Баялинова и романе «Долгий путь» М. Элебаева. Это историческая правда, которую в то время невозможно было по-другому изображать и подтверждать иными событиями. Возможно, есть и другой путь, и иные исторические ситуации. Но в 30-е годы, когда кыргызская проза толь-

ко начинала развиваться, писатели, обращавшиеся к теме 16 года, основной упор делали на классовые позиции. Причины противостояния они видели именно в классовых отношениях. Этого пути не избежал и Кубанычбек Маликов. К тому же в «Удальцах» много случаев, когда автор сгущает краски, обильно добавляя к жизненной правде «правду» классовых позиций.

Идти в солдаты, конечно, не желает и Алишер: «Если им так жалко царя, пусть сами волостные и идут в солдаты»¹. Эта решительность героя, и эти слова нам знакомы. Следовательно, это глас обездоленного народа, измученного двойным гнётом. Хотя в повести и не делается специального упора на подобные эпизоды, по всему содержанию можно понять, что молодые люди решили противостоять баям, не исполнять их решений, что они исподволь начали готовиться к решительной борьбе. В отличие от «Долгого пути» и «Ажар» в «Молодцах» борьба против бай-манапов начинается с нападений на их конторы. Список тех, кто должен был отправиться в солдаты сжигается, серебряная печать волостного разбивается. Этот эпизод в произведении изображается как народный бунт. Эта была правда жизни и, на наш взгляд, верно выбрана писателем. По своему характеру и драматизму этот эпизод приводит к будущей кульминационной точке произведения, к определению нового поворота событий. На деле так и происходит. Койгелди обращается к городским властям и едва успеваешь получить военную помощь. Первая кровавая схватка начинается с этого события. Опора на власти царя, концепция обеспечения «единства» народа посредством силы в то время была единственной политикой местной бай-манапской верхушки.

В этой кровавой схватке на первый план вместе с Алишером выходит и Сулайман. Судьба этого героя оказывается весьма трагичной. Его отец по пути в Китай проваливается в ледяную пропасть на перевале Ак-огуз. Сестрѐнку Кумушай силой отнимает богач калмык Хонко, затем умирает и мать. Однако Сулайману убежать из дома Ибраимбека помогает уйгур по имени Исахун. В конце-концов наш герой оказывается в Ат-Баши.

Со стороны кажется, что трагизм событий 16 года вроде бы показан таким, каким был на самом деле. Есть события, есть борьба,

¹ Маликов К. Азаматтар. – Ф.: Кыргызстан, 1977. – С. 12.

ситуации, действия героев, иначе говоря, есть всё необходимое для дальнейшего развития сюжета художественного произведения. Вроде бы есть противоречия, способствующие усилению драматизма сюжета, хватает и несчастных судеб. Авторская свобода позволяет создать образ военного человека, революционера, закалённого в боях событий 1916 года, верно понимающего задачи классового противостояния, ведущего за собой людей. К тому же он – выходец из простого народа. Он призывает народ выступить против идеологии бай-манопов, ликвидации их как класса угнетателей. Действительно, кажется, в художественном произведении есть всё, что нужно. А затем, что случилось? Откуда появились мнения о натурализме, схематичности? Почему произведение не достигло полностью своей цели?

Понятна цель, поставленная перед произведением. Автор не смог психологически обосновать значение изменений в сознании героев, а также показать внутреннее содержание тех событий и тех задач. Ввиду того, что основной упор был сделан на само событие и его внешнее обрамление в повести, герои оказались не до конца проработанными, сырыми, вовсе не раскрыты их душевные переживания, радости и печали. Герой-революционер писателя как-то неправдоподобно быстро собрал отряд против Койгелди и Жамалидина, затем «разгромил» своих врагов. Революционная деятельность Алишера завершается первой же победой. Такие же его «богатырские» качества проявляются и на земле Китая. Даже перед смертью он одного за другим сбивает с ног высоких представителей китайской администрации. А затем, обратившись в «дух», исчезает из глаз читателя. Почему писатель пошёл на такой шаг? Куда он отправил Алишера? В повести на эти вопросы мы не находим ответов.

Сулайман в целом герой, который развивается по подобию Алишера. В конце повести Алишер, который превратился в «духа», прибывает на родину в качестве полководца и наказывает Мусалы, Эсиркепа, Койгелди.

Каждый писатель-реалист, отображая в своём произведении объективное содержание, наряду с миром художественных образов, изображает и себя. Это осуществляется для того, чтобы показать свою жизненную философию, присущую только ему поэзию. Такое начало в процессе создания художественного произведения должно опреде-

лять отношение писателя к жизни вообще и к изображаемым событиям, в частности. А уж само отношение писателя к жизни и описываемому объекту – лежит в плоскости художественной разработки материала. В «Удальцах» К. Маликова явно ощущается необходимость художественной переработки этих материалов, придания им писателем своей философии и своей поэзии. Видно, что автора здесь победили натуралистические тенденции, сухая информативность, сказочные мотивы, когда из ничего возникает нечто, схематичность¹. В какие бы ситуации, интересные и острые события, драматические и даже трагедийные случаи писатель не приводил своих героев, они, что называется, «не растут», не развиваются. Даже в таких ситуациях не раскрывается психология персонажей, своеобразие их мышления, внутренний мир, писателя эти вопросы совершенно не интересуют. В результате, в произведении не ощущается даже попытки раскрыть диалектику души человека через систему образов. Писатель не прикладывает никаких сил для того, чтобы показать динамику революционных преобразований, историческую суть эпохи через изображение судеб своих героев, их жизни и деятельности.

Небольшое литературное отступление. Между сюжетным строением повести К. Маликова «Удальцы» и романом туркменского писателя Б. Кербабая «Решающий шаг» есть определённая близость. Это не повторяющая или не отрицающая друг друга близость. Такое впечатление возникает при знакомстве с внешними атрибутами произведений. А на самом деле совершенно различен их художественно-эстетический уровень, между ними разница как между небом и землёй. Различны и их судьбы. Если «Удальцы» даже в своей родной литературе испытала забвение, то роман «Решающий шаг» в истории туркменской литературы занял подобающее почётное место и в своё время назывался в числе лучших произведений многонациональной советской литературы. Поэтому мы обращаемся не к их художественно-эстетическим урокам, а условно говорим о некоторой близости сюжетов, отдельных событий этих двух произведений. Обращает на себя внимание то, что изображение событий схожих исторических условий совершенно различно, осуществлено на разных художественно-эстетических уровнях.

¹ Жайнакова А. Кубанычбек Маликовдун чыгармачылык портрети. – Ф.: Кыргызстан, 1981.

Берды Кербабаяев над своим романом работал около 20 лет. В 1936 году писатель опубликовал отрывок под названием «Айша и Артык». Первая часть произведения была опубликована в 1940 году. То есть эти два произведения близки и по времени создания.

В «Решающем шаге» все события происходят вокруг главного героя Артыка. Сюжет произведения и его драматизм связаны с матерью Артыка Нуржахан, его другом Ашыром, отцом последнего Сахатом, любимой девушкой Айной и другими. Им противостоят такие представители правящего класса как Халназар, Хуммет, Бабахан, Баллы, Похги Вал. Отметим, что и здесь остро стоит проблема классового противостояния. Однако здесь действия героев, их мировоззрение представлены в реалистическом плане. Хотя классовое расслоение чётко различается, это оставляет впечатление, что картины созданы из правды времени и истории. Иначе говоря, действия и поступки героев вовсе не отображены в сказочном или эпическом мотивах. К примеру, если Азиз хан и является персонажем, рьяно защищающим свои интересы за счёт народных чаяний, его основная цель не раскрывается. Он во главе народа выходит на борьбу. Но простой народ не может понять его истинных устремлений. Только люди подобные Артыку относятся к Азиз хану, веря и не веря ему. Ход событий, в конце-концов, показывает его истинное лицо. Артык и другие люди порывают с ним. Эти эпизоды с образом Азиз хана писатель рисует весьма убедительно.

Есть общее в судьбах Артыка и героя «Удальцы» Алишера. Оба они выросли сиротами, их любимых девушек силой отнимают богачи. Оба они в числе бедняков призываются в солдаты, а затем вырастают до уровня защитников народных интересов. Это вполне понятно. Исторические уроки 1916 года не могли не воспитать исторических личностей и даже революционеров. Действия авторов в данном направлении вполне понятны. Именно поэтому Артык Б.Кербабаяева – образ глубоко и с тщанием проработанный. Если в «Решающем шаге» в некоторых случаях упор делается на обобщении и анализе диалектического развития героя, то в «Удальцы» писатель заикливается на самих событиях, сухом их изложении. В образах друзей двух главных героев Сулаймана и Ашыра тоже присутствуют общие черты. Ашыр после возвращения из России становится активным борцом за интересы народа и подобно Сулайману выходит на первый план. Очень похожи друг на друга и

Койгелди с Халназаром, но эта схожесть, как отмечалось выше, лишь внешняя. Халназар очень осторожен, находчив и хитёр, умеет найти выход из любого положения. Он понимает и предугадывает все действия Ашыра. Отец Ашыра Сахат, также, как и отец Сулаймана – человек трагической судьбы, погибает от пули русских солдат. Несмотря на схожесть событий и жизненных фактов, их обрисовка и жизнь в качестве художественных текстов совершенно различны.

Поиск образа героя-революционера из среды простого народа, доведение его до уровня руководителя восставших людей можно хорошо видеть в романе «Товарищи» казахского писателя Илияса Жансугурова. В этом произведении такие молодые люди как Сатан, Мамбет, Мардан изображаются как образы, уже поднаторевшие в деле классовой борьбы и революционного движения. Зачем нужно быть революционером? Почему и в «Решающем шаге», и в «Удальцы», и в «Товарищи» есть попытки авторов раскрыть судьбы своих героев, в связи с этим понятием? Нам следует правильно понять историческую ситуацию. Национально-освободительное восстание 1916 года по своему характеру было борьбой против политики царской власти. Поднимались проблемы свободы и равенства народов. Эти попытки закончились кровавым противостоянием. Конечно, в такой ситуации нужны были руководители, могущие повести за собой людей. Это была историческая необходимость. «Низы не хотели жить по-старому, а верхи не могли управлять по-старому». Недаром события 16 года на окраинах империи предвещали Великую социалистическую революцию 1917 года. Следовательно, с исторической точки зрения национально-освободительное восстание народы воспринимали как событие революционного значения. Значит, своих руководителей они считали революционерами. Сатан, Мамбет, Мардан и подобные им люди в «Друзьях» автором рисуются именно с таких позиций. С политической и исторической целью упор делается на их дореволюционную и позднейшую деятельность.

Такая цель видна уже в названиях произведений «Удальцы» и «Товарищи». В их художественном уровне сразу же бросается в глаза неразработанность романного мышления. Хорошо понимающие природу классовой борьбы герои быстро делятся на две группы, авторы придумывают некие конфликты и неожиданные события, объясняя

щие их противоборство, положительные герои переживают всевозможные муки, в результате чего побеждают своих противников. Не забывают авторы и о любви, скажем больше, любимую героя, который должен стать революционером, или девушку его ближайшего друга силой отнимают их враги, баи или волостные. Таким образом, появляются объёмные романы и повести, в которых отсутствует романное мышление, а есть только события разных противоборств. Художественная концепция жизненности и историчности, человека и времени остаётся под спудом. Не раскрывается суть темы, идеи, человеческой психологии, художественной философии, содержание социальных, этических сторон жизни. Овладение лишь фактологической и эмпирической сторонами произведения никогда не может обусловить возникновение художественного синтеза. Роман И. Жансугурова «Товарищи» не избежал подобных недоработок.

Казахский академик верно оценивает это произведение: «Множество событий, эпизодов, персонажей книги, словно вода, вырвавшаяся из своего русла, смывает суть произведения, лишает события внутренних связей и развития. Слабость внутреннего единства произведения мешает художественной философии романа, лишает его эстетического единства»¹. И «Товарищи», и «Удальцы» не достаёт нового отношения к истории и, прежде всего, новой подготовки к восхождению на новую ступень, вооружению себя новыми приёмами, новыми рамками, новыми мыслями, новыми средствами восприятия. Самое трудное, самое сложное и основное, умение сознательно и творчески овладевать принципом историзма, восприятие прошлого с историко-социальных, политико-идеологических, художественно-эстетических позиций, личных позиций писателя. Главное здесь поднять и решить эти проблемы в литературном произведении»².

В «Удальцах» Кубанычбека Маликова именно этот принцип, именно эти проблемы не использованы, присутствует только стремление любым способом найти революционера и показать его как руководителя людей. Тема национально-освободительного восстания 1916 года в литературах народов Средней Азии и Казахстана стала остро ставиться ещё в 20 – 30-е годы. Да, в казахской литературе эта

¹ Каратаев М. Тандалган чыгармалар. – Алматы: Жазуучу, 1974. – Т. 2. – С. 24.

² Даутов К. Терендиктер жана бийиктиктер. – Ф.: Адабият, 1991. – С. 125.

тема широко исследована и по возможности всесторонне изображена. В разное время появились произведения М. Ауэзова «Ночной переполох», Б.Майлина «Пламя», Г. Мусрепова и М. Байлина «Амангелди», «Поле» И. Жансугурова и его другие пьесы, С. Муканова «Глаз верблюжонка». В узбекской литературе известен роман Айбека «Священная кровь». «Лихая година» М. Ауэзова – из таких произведений. По своему художественно-эстетическому уровню оно стало открытием и новой вершиной казахской литературы. Впервые произведение было опубликовано в 1928 году.

«Лихая година» в казахской литературной критике и литературоведении вызвала различные мнения и противоречивые оценки, и даже был запрет на его публикацию. Поэтому долгое время об этом произведении не упоминалось, оно не публиковалось, в страшные тридцатые годы было далеко запрятано, но затем самим временем это художественное явление было реабилитировано. Роман «Лихая година» не уступал в творческом отношении высоким образцам литератур Европы и вошёл в историю казахской литературы как открытие нового берега национального художественного слова. Основа такой эстетической находки началась с «События на Караш-Караше» М.Ауэзова (1927). В нём историческое значение трагедии казахского народа изображено прекрасным языком как горькая правда. По какой причине возникла эта трагедия, из-за которой пролились реки крови казахского народа, в чём её причина, что это восстание привнесло в судьбу народа? На эти вопросы писателем был дан мужественный ответ. По убеждению литературоведов, события 16-го года в казахской литературе до М.Ауэзова никогда не изображались столь остро и масштабно. Эти события были изображены не только как восстание за национальную свободу, но и как трагедия исторической судьбы казахов, проливавших кровь за родную землю, как истинная и единственно справедливая правда кровавых событий.

Этот роман на кыргызский язык был переведён К. Укаевым и издан в 1987 году. Вот что сказал по поводу этого произведения Чингиз Айтматов: «Мало я встречал в восточных литературах произведений, где бы с такой силой художественной убедительности, как это сделал молодой Ауэзов, была бы выражена ненависть к царизму, к его аппарату насилия, где так страстно обличались бы бесчеловечность

и цинизм царской колониальной политики, где так глубоко, на фоне большой массы людей была бы раскрыта природа неприятия кочевым народом чужой ему царской административной системы, где с такой болью и состраданием было бы сказано о трагедии простого люда, посмеявшегося, на беду свою восстать и жестоко поплатившегося за бунт своей кровью и изгнанием с родных земель»¹. Действительно, события в этом романе не происходят в результате «героических» действий только одного или двух человек. Основной фон, главные действия принадлежат народу. Абакир, Узак батыр, старец Жамаке, Серикбай и другие лица рассматриваются вместе с народом. Такие переводчики как Акжелке улук, Осмон, Жебирбаев и люди, подобные Ракумбаю, хотя и на стороне врагов народа, но не остаются в стороне от их действий, участвуют в их протестах. Значит проблема 16 года, его философия – не только в классовых противоречиях. Его значение намного глубже. Это не просто социально-экономические проблемы между классами угнетателей и угнетённых, это захватническая политика сильного государства, пытающегося расширить и укрепить свою территорию, а второе – попытки другого народа защитить своё право на родную землю, и после поражения вынужденного бежать на чужбину, чтобы окончательно не пропасть как народ. Такова художественная концепция романа «Лихая година». Эта художественная концепция передана через изображение трагедии рода албан.

Как же раскрыты причины этой трагедии? Остановимся коротко на некоторых событиях.

Вспомним фрагмент романа об указе царя от 25 июня 1916 года. Переводчик Осмон, как и положено ему, с душой читает перед собравшимися людьми этот указ. Подняв голову от бумаги, он видит перед собой не народ, собравшийся услышать новости, а окаменевших от услышанной вести, побледневших от едва скрываемой ярости людей. Это были уже не те люди, что собрались послушать указ. Среди этих людей были и богачи, и бедняки, те, кто издревле враждуют друг с другом. Оказывается, важнее классовых противоречий судьба и интересы народа, проблема родной земли. Когда речь заходит о народе и родной земле, люди забывают о вражде и классовых противоречи-

¹ *Айтматов Ч.* ПСС в десяти томах. – Т. 8. – Публицистика. – Сост. А. Акматалиев, Н. Ыйсаева. – Б.: Улуу тоолор, 2018. – С 189.

ях, все как один поднимаются на борьбу. «Лихая година» начинается именно с такой национальной идеи, ставя во главу угла такие высокие понятия как Отчизна, земля, народ. После оглашения указа царя весь род албан приходит к твёрдому решению «не отдадим своих людей в солдаты». Против этого решения людей не выступают ни главы народа, ни представители баев и манаров, наоборот они поддерживают это решение. Мудрые советы Узака, Жамаке, Абакира воспринимаются как слова всего народа. Классовые противоречия, конечно, никуда не делись, они существуют, но в книге на первый план выходит авторская концепция о том, что при государственной захватнической политике, народ, как один встаёт на защиту интересов своей родины. Безусловно, здесь есть противоречия между представителями разных классов, их борьба, верховенство власти. Но все они подчинены высказанной ранее мысли, концепции человека. Да, хитрец Акжелке сразу понял, что попытки Абакира опереться на народ, его действия и ожидания поддержки от волостных ни к чему не приведут. Поэтому он применяет силу против людей, тех, кто не слушается, арестовывает.

В камере Жамаке умирает. Абакир, говорит своей жене, которая пришла его проведать: «Вчера вечером скончался Жамаке. Мы подозреваем, ему что-то добавили в пищу. Он поел и сразу умер. Больше мне сказать нечего. Это и передай людям. Прощай! Иди с богом!»¹. В этих словах уже чувствуется некая недосказанность, желание отомстить. Смерть Жамаке взбудоражила людей. Они требуют выдачи его тела и угрожают представителям царской власти мстостью. Зная коварство Акжелке, люди требуют освободить всех арестованных, угрожая в противном случае выступить против властей. Сверху приходит ответ о том, что тело его не будет выдано, и смутьяны, которые старались устроить беспорядки, из тюрьмы не будут выпущены.

Конечно, М.Ауэзов прекрасно понимал, что причины восстания – вопросы государственного, национального значения, и их исторические корни лежат глубоко.

Второй случай – массовая гибель людей в тюрьме Каракола. Это событие ясно показало цели политики царя, то, чего добивается власть.

Исторической правдой является противодействие в романе Жамаке, Узака, Абакира и других против отправки людей в солдаты, их

¹ Ауэзов М. Дүрбөлөң заман. – Ф.: Кыргызстан, 1987. – С. 123.

смелые и открытые выступления перед собравшимся народом, арест и заключение в тюрьму, жестокое наказание. Об этом свидетельствуют многие исторические сведения и документальные материалы, содержащиеся в трудах историков¹. Следует подчеркнуть, что М. Ауэзов был хорошо знаком с историческими сведениями и ходом трагических событий. Поэтому он сумел глубоко и убедительно раскрыть историческое значение судьбоносного для казахского и кыргызского народов события.

Мухтар Ауэзов планировал написать исторический роман, опираясь не на жизненные события 16 года, а рассматривая их в русле истории. Это подтверждается и документальными свидетельствами событий, описываемых в произведении. По этому поводу Т.Журтпаев приводит интересные сведения. Остановимся на двух из них: «... Он рассказал, что задумал написать исторический роман о событиях 16 года и потому получил научную командировку от Комиссариата просвещения, планируя посетить места, где происходило восстание, и побеседовать с людьми, участвовавшими в восстании»². Далее Т. Журтпаев сообщает, что М. Ауэзов рассказывал переводчику А.Пантелееву о том, что этот роман по его задумке является первой частью будущей трилогии³. Вероятно, политика и ситуация тридцатых годов помешали писателю осуществить задуманное. Ведь в своё время выход в свет «Лихой години» сопровождался большими трудностями.

Этот роман М. Ауэзова – произведение об истории казахского народа в 1916 году. Его историческое значение, художественно-исторические уроки выдержали проверку временем. Поэтому его значение и сегодня актуально.

Если бы решение событий в повести «Ажар» К. Баялинова не заканчивалось трагической смертью Ажар, то общее сюжетное развитие произведения, ход его содержания лишился бы силы воздействия. Эмоциональная энергия повести, монологический ритм потерял бы свою художественную силу, ибо сам ход событий, внутренний орган, усиливающий поэтическое качество этих явлений, естественно привел к трагическому событию в окончании произведения. Ведь иное

¹ Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы. – Б., 1987. – С. 107.

² Журтпаев Т. Бейуак. – Алматы, 1990. – С. 23.

³ Там же. – С. 12.

решение судьбы девочки, не достигшей своей цели, не могло быть изображено, именно это художественное решение, сама ситуация обусловили событийность повести «Ажар», судьбу Ажар.

Подобная самобытность, индивидуальность писателя присутствует и в «Долгом пути» М. Элебаева. В нём события не носят хроникального характера, создаётся впечатление, что эти события множество раз уже описывались в душе самого автора. Об этом свидетельствует хотя бы такой эпизод. Мукай со своим младшим братом Беккулу во время своего побега из Турпана на родную землю попадают в один казахский аил. Голодные и оборванные они заходят в одну из юрт. Когда люди, сидящие там, начинают расспрашивать обессиленных ребят о пережитом, Мукай рассказывает об их жизни. Вот окончание его рассказа: *«Я уже давно заметил, когда начинал красочно рассказывать о своей тяжёлой жизни с самой юности, слушатели проникались этим, словно становились участниками событий, жалели меня. В самых напряжённых местах моего рассказа я замечал на лицах слушателей неподдельный интерес: «А что же было потом?». В зависимости от выражений их лиц я и строил свой дальнейший рассказ.*

Вот и сейчас после окончания моего рассказа слушатели зашевелились, словно пытаясь отогнать от себя страшные видения, а хозяйка юрты, сидевшая всё время, опершись на кочергу для размещения углей в очаге, словно очнулась от страшного сна, подняла голову и тяжело вздохнула:

– Эх! Будь проклят этот мир!»¹.

Когда мы говорим о повести «Ажар» и романе «Долгий путь», то следует понимать, что это – жизненный драматизм, муки и жестокий гнёт, нищета, которые были пережиты обоими авторами в далёком подростковом возрасте и глубоко врезались в душу и память, время от времени будоража их. Поэтому их эмоциональное влияние, содержание, наполненное тягостной грустью, не давали авторам покоя и потому в урочный час прорвались как гнойная, незаживающая рана их личной судьбы в виде написанных книг. По утверждению известного эстетика М.С. Кагана, знания художника о жизни обретают силу реального влияния не из опыта других людей, а из прямого или опосредованного участия в жизненном процессе. Поэтому в данном случае

¹ Элебаев М. Там же. – С. 153.

они проявляются не в виде эрудиции, а в виде личного жизненного опыта¹.

Жизненные события, ставшие судьбой писателя, оставшиеся навечно в его памяти и мучающие его душу каждую секунду, имеют огромное значение. У К. Баялинова и М. Элебаева такое влияние, конечно, было. Именно поэтому в произведениях К. Баялинова «Ажар» и М. Элебаева «Долгий путь» не сделан упор на историческую и политическую основу, национальную суть национально-освободительного восстания 1916 года. Во-вторых, художественный опыт нашей совсем юной в 30-е годы литературы, эстетические её уроки ещё не достигли той силы и возможности создавать новые явления. В-третьих, личные жизненные мышечувства авторов – С.Карачева, К.Баялинова, М.Элебаева, К.Маликова – ещё не поднялись на высокий уровень национального патриотического сознания. В-четвёртых, к тому времени у нас ещё не было литературного примера, художественного произведения, в котором идея противодействия политике властей была бы основой сюжетного развития. Основными темами была борьба между старым и новым, классовая борьба, равноправие женщин, т.е. проблемы, связанные с каждодневной агитацией и пропагандой. С этой стороны в традициях казахской литературы уже были положительные опыты, уже решённые проблемы, что давало много пищи для размышлений и служило материалом для создания произведений высокого уровня. Такие факты есть.

Ещё до Октябрьской революции казахские акыны и писатели написали много произведений, направленных на то, чтобы повлиять на сознание народа, объяснить людям политику царской России по отношению к местному населению. Ярким примером этому может служить творчество и писательская судьба Миржакыпа Дулатова. Он был редактором, затем сотрудником газеты «Казак», позже ликвидированной как вестник антисоветской, буржуазной идеологии. Он тесно дружил с Ахметом Байтурсуновым и уже в самом начале прошлого века создал стихи в патриотическом духе, пробуждающие национальное самосознание казахского народа. В 1909 году выходит его сборник стихов «Проснись, казах!». За этот сборник и опубликованные в газе-

¹ *Каган М.С.* Лекция по марксистско-ленинской эстетике. – Л., 1971.– С. 427.

те «Казах» стихи и статьи он был брошен в тюрьму, а сборник стихов, призывающих к борьбе против царского правительства, был экспроприрован у народа и уничтожен.

Схожая судьба ждала и других поэтов и писателей. Сборники стихов «Мой юный азарт» Хайридина (1912), «Горемычный мой народ» Г. Галымжанова (1912), книги «Образец литературы» Албанчиари (1910), «Вставай, казах» Б. Эржанова (1911), «Прошедшие дни» С. Сейфуллина (1914) были уничтожены как произведения, написанные против политики русского царя. Ыскак Канагар уулу был приговорён к смертной казни. Таким образом, ещё до Октябрьской революции в казахской литературе уже была сформирована проблема поиска национальной идеи. Художественное сознание М. Ауэзова брало начало с такого рода национально-патриотического источника и в полной мере было проявлено писателем в романе «Лихая година».

1.3 Изображение событий 1916 года через судьбу отдельного человека

Национально-освободительное восстание 1916 года, изгнание кыргызов с родной земли на чужбину, их дальнейшая тяжёлая судьба отражены в таких повестях А. Токомбаева как «Израненное сердце» (1941), «Время летит» (1947) и очерке «Когда мы были птенцами».

С одной стороны кажется, что повесть А. Токомбаева «Израненное сердце» вовсе и не касается событий 1916 года. Можно сказать, что повесть эта о жизни кыргызов до революции, о путях формирования нового человека, стремящегося к знаниям и наукам. И действительно, произведение содержит именно эти проблемы, рисует картину появления первых интеллигентов среди кыргызов, их жизни, быте и нравах. Иначе говоря, повесть эта об изменениях в психологии, внутреннем мире людей в результате победы революции. А повесть «Время летит» посвящена изображению путей формирования нового человека. Разница этой книги в том, что здесь повествуется о поисках творческого человека самого себя, его жизни, достижения им уровня большого художника. Однако, жизнь героев этих повестей тесно связана с тяготами того 1916 года, их судьбы завязаны узлом тех кровавых событий. С этой стороны и «Израненное сердце», и «Время

летит» – произведения, имеющие тесное отношение к событиям 1916 года.

Картина в «Израненном сердце», когда Бектурган с маленьким Омурбеком ходит, выпрашивая милостыню – жестокая правда жизни, вызванная трагическими событиями 1916 года. Повесть начинается с изображения того страшного времени. При чтении этого произведения писателя, вспоминаются его автобиографические записки. Ведь между жизнью Бектургана и Омурбека есть прямая связь с событиями, пережитыми самим автором. А. Токомбаев в своей автобиографии пишет: *«С 1917 года до середины 1919 года (После возвращения из Китая. – Г.С.) я вынужден был блуждать по всему Северному Кыргызстану и просить милостыню, чтобы не умереть с голода. Нищие обычно, прося подаяния, жалобно упоминают «ради бога». Я так не говорил не потому, что не понимал сути этого выражения, а потому, что стеснялся протягивать ладонь для подаяния. Я ничего не просил и тут же наизусть начинал читать романтическую поэму Ысака Шайбекова «Бедный народ» о недавнем восстании. Не я придумал этот метод, его автором был нищий, старик Бектурган. Этот человек встретился мне, когда весной я, малец, собирал в горах траву козелец и ел его, чтобы не умереть от голода. К нему я и пристал. Однажды мы остались под проливным дождём в чистом поле. На следующий день Бектурган слёг, харкаясь кровью. Он сказал мне: «Ты иди, сынок, не смотри на меня, стихи, которым я научил тебя, не дадут умереть. Видно, богу я очень понадобился». «Я останусь рядом с тобой, никуда от тебя не пойду», – заплакал я»¹.*

Из этого следует, что Бектурган и маленький Омурбек из «Израненного сердца» – реальные люди, которых события 16 года сделали нищими. Но нельзя рассматривать эту повесть как произведение, написанное на автобиографическом материале автора. Содержание произведения составляет то, что видел и испытал писатель в своей жизни, но в повести есть художественные обобщения, авторские герои и размышления. Вместе с тем изображена и тяжёлая жизнь кыргызского народа после возвращения из Китая.

В самом начале произведения изображается суровая и совершенно серая природа. С помощью этого приёма писатель подготавливает

¹ Токомбаев А. Чыгармалар жыйнагы. – Ф., 1958. – Т. 1. – С. 12–13.

творческую платформу для показа тяжёлой, наполненной жесткими испытаниями жизни. Бережное использование художественных штрихов помогает автору наладить взаимосвязь с внутренними чувствами читателей и показать образ того времени. Если пронизывающий ветер в произведении символизирует жестокость времени, то «редкие кураи, дрожащие на этом ветру, как совершенно озябшие животные», олицетворяют собой вконец замёрзший от адского холода 16 года, разрозненный кыргызский народ. А те «серые мыши, что суетливо снуют среди этого курая с поднятыми тонкими хвостиками в поисках корма», совершенно не пугаясь людей, напоминают нам беженцев-кыргызов, вынужденных просить подаяния. С помощью подобных сравнений, образных картин писатель сумел показать тягостные уроки 1916 года, незабываемые мучения народа, создать образ того времени. Через судьбы старика Бектургана и мальчика Омурбека автор показал, какие муки принес 16 год в жизнь простого народа, путь борьбы за жизнь.

В повести старик Бектурган спускается в плохо присыпанную землёй братскую могилу. Он видит там тела людей, которых он видел живыми всего несколько дней назад. В карманах этих мертвецов он находит пригоршню ячменя и оловянный перочинный ножик. Что это? Богохульство и кровожадность? Нет, с помощью этого маленького эпизода писатель показывает нам, какие мучения принесло народу национально-освободительное движение 1916 года, а также, какова была борьба за существование в те годы. Ведь сама жизнь того времени заставляла людей вести нескончаемый бой за свои жизни. В этой борьбе было только два пути, жить или умереть. Значит, для того чтобы не умереть, нужно было жить. Можно отметить, что в повести на суд времени поставлена судьба Исы. За кражу одной пригоршни толочна Иса был приговорён к смертной казни. Он был работником Супа муллы и, когда его приговорили к смерти, юный Иса в своём последнем слове очень точно и с глубокой печалью повествует о трагедии кыргызов в 1916 году. Кыргызский бий, Супа мулла и русский по имени Митрий решают судьбу Исы.

Судьба кыргызов, ставших беженцами в результате событий 1916 года, их адская жизнь показана автором через образ старика Бектурга-

на. Чего только он не пережил, с кикими только людьми не встретился, какого только отношения к себе не встретил. Но никогда и никому он не позволил унижить своё человеческое достоинство, в любой ситуации вёл себя сдержанно. Сын Митрия под надуманным предлогом нахально отнимает у него посох. Посох здесь не только предмет странника поневоле из дерева, это символ бесприютной, нищенской жизни кыргызов, оставшихся в живых после трагических событий 1916 года, их опора и надежда на счастливое будущее. Такой опорой и надеждой, во всяком случае, для Бектургана был его посох. И эту веру в светлое будущее, эту опору силой отнимает сын русского богача Митрия. Что должно произойти дальше? Почему автор вводит в произведение такой фрагмент с сыном богатого русского человека? Является ли такой фрагмент жизненным?..

Может быть, такой случай и был на самом деле, а может, он придуман автором для усиления трагичности ситуации. Мы не будем тратить время на выяснение того, был или не был в действительности такой случай. Мы попытаемся рассмотреть этот фрагмент с позиции художественной правды, его содержательной глубины, ведь нас интересует этот вопрос и его место в произведении. В образе Бектургана изображается судьба кыргызов после возвращения из Турпана. Следовательно, факт насилия сына Митрия, который мы разбираем, не просто картинка из жизни того времени. Обратимся к истории.

После возвращения кыргызов из Китая на родину здесь они встретились с новыми трудностями. Их клочками земли и пастбищами уже владели другие люди, которые вовсе не стремились вернуть беженцам то, что раньше принадлежало им. Таких бесприютных людей, как Бектурган и Омурбек, было много, и все они были вынуждены бродить по родной земле, прося подавание. Следовательно, факт насильственного отъёма посоха старика Бектургана сыном Митрия – лишение возвратившихся на родину кыргызов последней надежды. Такова историческая подоплёка, подтекст произведения. Однако нищий старик не теряет духа, этот случай, наоборот укрепляет его решимость не склонять головы. Это хорошо видно в ситуации его разговора с зажиточным кыргызом по имени Бокенчи. «Сдаваться без борьбы – смерть для мужчины», – говорит Бектурган. Значит, жизнь – это борьба. В этом нищем старике живут страсть к свободе и гуманность, мужество

и человечность, высокая нравственность и чувство достоинства. Эти его качества проявляются и во время встречи с горемычной женщиной по имени Айша.

Зная о том, что не сумеет спасти своего сына от голодной смерти, она готова отдать его зажиточным людям. Но из дома бая её изгоняют, натравив собаку, которая кусает женщину за лодыжку. К тому же Айшу оскорбляет бесплодная жена бая, к которой с надеждой и пришла горемыка. «Ты, что думаешь твой ребёнок лучше остальных! Вон под каждым кураем лежат они, заходясь в плаче. Их едят голодные псы и хищные птицы. Если бог мне не дал детей, зачем мне чужие?! Пошла прочь, замухрышка!»¹. Прототип этой женщины мы встречаем в очерке писателя «Когда мы были птенцами» в образе тёти Олпок. И там ситуация аналогичная. К бесплодной жене известного бая приходят молодые супруги Элчибек и Укей с мольбой взять на воспитание их младенца. И в данном произведении жестокая женщина высокомерно заявляет: «Если бог не даёт мне ребёнка, зачем мне нищего дитя?!», – затем добавляет: «Вон вчера только приходила подобная тебе и ушла покусанная собакой».

Да, эта была Айша из «Израненного сердца». Детей этих двух горемычных женщин ждала разная судьба. Ребёнок Элчибека и Укей из очерка умирает от голода. А сына Айши из «Израненного сердца» от голодной смерти спасает и воспитывает, как собственного ребёнка старик Бектурган. Бектурган в безлюдной степи натывается на несколько трупов умерших от голода людей. Рядом с женщиной он видит ребёнка, пытающегося сосать грудь мёртвой матери. Этому малыша Бектурган нарекает именем Табылды, что в переводе с кыргызского обозначает Найдёныш. Известный литературовед К. Асаналиев в связи с образом этого малыша отмечает: «Поиски пустой груди мёртвой матери этим малышом – это его борьба за свою жизнь и счастье. Он не столько голодный путник, оставшийся в голой степи, он – драгоценный подарок человеку со схожей судьбой, встретившийся в самый тяжёлый час жизни»². Вот так через образ Табылды передано продолжение жизни народа, вернувшегося на родную землю, нескончаемость жизни, непрерывность жизненного кочевья. По авторской

¹ Токомбаев А. Жараланган жүрөк. – Ф.: Мектеп, 1971. – С. 12.

² Асаналиев К. Кыргыз совет прозасынын очерктери. – Ф., 1960. – С. 35.

концепции, Табылды – символ жизни, победившей тяготы прежнего времени.

Такая идея есть и в повести А. Токомбаева «Время летит», в котором изображена ситуация из жизни пожилого человека Айтিকে и его сына Жапара в те годы. Да, писатель показывает жизнь Жапара до того, как он стал известным художником, но нас интересует проблема отражения в произведении влияния 1916 года. При создании образа главного героя Жапара автор рисует нам его детство, тяжёлую жизнь его отца Айтике. В таких частях повести как «Трое», «Ворота Равата», «В трудолюбивом рабе нет усталости» в основном повествуются тяжёлые события 1916 – 1917-х годов. Тяготы времени здесь отображаются в рамках бытовых проблем, как судьбы, прошедшие в годы нищеты и невзгод.

При создании образа нового человека нового времени писатель останавливается на эволюции изменений его внутреннего мира, психологии, сознания, показывает, как отразились на нём события 1916 года, что привнесли в его судьбу эти тяготы. Следует отметить, что в повестях А. Токомбаева «Израненное сердце» и «Время летит» события и судьба человека переплетаются с ходом национально-освободительного восстания. С этих позиций обе повести рассказывают о влиянии кровавых событий на судьбы людей и их жизни после этой трагедии.

Обобщая, можно сказать, что произведения 20 – 40-х годов, в которых повествуется о событиях 16 года, основаны на автобиографичности. Это позволило отобразить жизненную правду этой страшной трагедии в полном объёме и яркости авторских детских и юношеских впечатлений. Подобные произведения сыграли огромную роль в формировании и дальнейшем развитии нашей юной литературы, в становлении в ней передовых традиций психологизма, реализма. Конечно, в этот период ещё трудно было ждать самостоятельных и глубоких размышлений об историко-политическом значении национально-освободительного восстания, попыток рассматривать это событие в качестве национальной проблемы. Это событие рассматривалось только с классовых позиций, поэтому отдельные произведения тех лет, не базирующиеся на принципах историзма, не смогли обрести в рамках национальной литературы ни исторического, ни литературного значения.

Понятно, что художественные произведения, созданные в конце 20-х начале 40-х годов, не ограничивались лишь тем, что, изображая тему 16 года, передавали увиденное и пережитое в прозаической форме. Упор на историческое значение национально-освободительного восстания 1916 года широко был распространён в жанрах поэзии и драматургии. Свидетельством сказанному могут служить роман в стихах А. Токомбаева «Кровавые годы» (1935, 1937) и драма Ж. Турусбекова «Вместо смерти» (1935). Если роман «Кровавые годы» стал энциклопедией восстания 1916 года¹, и остался в истории «прежде всего как исторический роман»², то новизна «Вместо смерти» не просто в качестве образности, а в том, что «ясно отражается позиция автора по отношению к историческому материалу»³, что даёт нам основание относить его к классическим произведениям.

Известный факт, основной актив талантливых кыргызских писателей, работавших на литературной ниве в 30-е годы, отличался творческими поисками. К примеру, К.Тыныстанов, С.Карачев, А. Токомбаев, К. Баялинов, М. Элебаев, К. Жантошев, Ж.Боконбаев, Ж.Турусбеков, а чуть позже Т.Сыдыкбеков, А.Осмонов и другие во многом способствовали качественному подъёму кыргызской литературы на новый уровень, определяли направление творческих поисков. Поэтому в литературе перманентно шли новые поиски, неожиданные находки, новые темы, самостоятельное отношение к ним, следствием чего и были новые высоты. Время ждало создания произведений, рассматривавших события 16 года на историко-политической основе, делающих упор на национальном содержании народной трагедии. А от писателей требовалось, наряду с художественным мастерством, овладеть и способностью понимать историю.

¹ Эсенкожоев К. Кандуу жылдар // Ленинчил жаш. – 1941. – 1 марта.

² Артыкбаев К. Аалы Токомбаев (XX кылымдагы кыргыз жазма адабиятына негиз салуучунун чыгармачылык дүйнөсү жөнүндө). – Б., 2003. – С. 198.

³ Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Ф.: Илим, 1987. – С. 232.

II глава.
**ПОПЫТКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОМЫСЛЕНИЯ
ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА**

2.1 1916 год в кыргызской литературе 1960 – 1970-х годов

Численный рост кыргызской литературы постепенно приводил к его изменению в качественном плане, обновлению, переходу «от сентенции к концепции, от фактографии к синтезу»¹. Такой качественный скачок кыргызского художественного слова пришёлся на 60-е годы прошлого века.

Развитие национальной литературы, конечно, было заметно и в жанре прозы. Кыргызская проза в это время значительно расширила свои содержательные, идейные и тематические границы, освоила новые проблемы, раскрыла новые возможности изображения судьбы и психологии человека. Она постепенно освобождалась от плена сухой событийности, фактографии и натурализма, переходя к живому отображению внутреннего мира героя, многогранности психологии, сложным его проявлениям. Успешная творческая деятельность А. Токомбаева, Т.Сыдыкбекова, К. Жантошева, К. Баялинова, У. Абдукаимова и других мастеров слова, традиции литературной прозы, художественно-эстетические находки обусловили появление такого феномена как Ч. Айтматов. Изменились внутренняя природа жанров, художественно-эстетические характеры и качества, стилевые направления. В результате всего этого появились условия для возникновения «нестандартных произведений невиданно сложных по идейному миру и художественному строению»². Стали ясно проявляться явления обновления в результате процесса синтезирования жанров, объединения их художественно-эстетических свойств. Само это уже давало нашей

¹ Даутов К. Жаңы чектерге. – Ф.: Кыргызстан, 1980. – С. 56.

² Эркебаев А. Элдик эпостон – адабий эпоско. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 219.

прозе произведения обновлённого характера, доказало, что «у национального искусства слова ещё много нераскрытых, практически бесконечных возможностей»¹.

«Романизация внутренних форм» жанра прозы² и время его возрождения вновь вернули тему национально-освободительного восстания 1916 года в литературу. Можно вновь обратиться к историческим фактам. Число прозаических произведений нашей литературы, прямо обращённых к теме национально-освободительной борьбы кыргызов, историческому значению этого события, влиянию его на жизнь всего населения и судьбы людей, можно перечислить с помощью пальцев обной руки. О них мы выше уже сказали.

От «Ажар» (1928), до «Время летит» (1947) прошло около двадцати лет, ещё через двадцать лет в нашей литературе появляется произведение на тему 16 года. Это роман Айткулу Убукеева «Холм распрей» (1964). Этот роман, созданный во время «хрущёвской оттепели», должен был принести в мир художественных образов нечто новое, какую-то персональную специфику, иначе говоря, своё слово. К сожалению, такого не случилось. Чем это можно было объяснить? Отсутствием актуальности темы или тем, что изображение прошлой жизни всегда чревато таким результатом?

Да, в те же 60-е годы появился «Сломанный меч» Т.Касымбекова, изображающий ещё более далёкое время, почти забытую жизнь. Книга эта вызвала буквально цунами мнений в литературной жизни тех лет, но все споры сходились в одном – появился новый по-настоящему исторический роман. Следовательно, дело вовсе не в том стара или нова тема.

Вновь рассмотрим это явление в рамках времени. Ещё примерно через двадцать лет появляется автобиографический роман признанного мастера художественного слова Т. Сыдыкбекова «Путь» (1982). Да, роман «Батийна» (1962) этого же писателя можно включить в ряд произведений, написанных на эту же тему. Но об этом целесообразно сказать чуть позже.

Если рассматривать «Путь» с позиции жанра или соответственно названию, это произведение вызывает в памяти «Долгий путь»

¹ Асаналиев К. Доор менен бирге. – Ф.: Кыргызстан, 1981. – С. 108.

² Там же. – С. 55.

М. Элебаева. Об автобиографичности романа говорит не сам автор, а время и само произведение. В действительности, существует внешняя схожесть этих двух книг. О романе «Путь» писали такие литературоведы как Ш. Уметалиев, К. Асаналиев, А. Эркебаев. Наряду с положительными сторонами произведения они отметили и недостатки. На наш взгляд, некоторой односторонностью своего мнения отличается Ш. Уметалиев¹. Кстати, роман «Путь» стал объектом совершенно противоположных мнений и оценок. Даже указание на то, что это автобиографический роман вызвало разные толкования. В указанный период были изданы романы К. Акматова «Время» (1979), Э. Турсунова «Отчизна» (1990), М. Мураталиева «Смерть Мусакуна», в которых события 16 года рассматривались по-новому, т.е. изображением трагизма. И идейно-тематические проблемы, и художественно-эстетические особенности, и содержательные явления указанных романов приводят нас к таким мыслям. Почему? Суть вопроса лежит именно в этом почему.

Вновь возникли вопросы, требующие поиска ответов: как освоили авторы новых романов, повествующие о событиях 16 года, литературные традиции своих предшественников, какие качественные новации появились в жанровых явлениях и форме, что нового возникло в идейно-тематическом плане, перешла ли правда истории, как национальная проблема, в художественную правду. Давайте начнём речь об этом с романа А. Убукеева «Холм распрей», потому что он появился в кыргызской литературе именно в тот период, когда горячей темой повестки дня стала проблема отображения истории в историческом плане, когда слабой стороной художественного мышления стал художественный анализ национальной истории, философские и психологические обобщения.

В «Холме распрей» изображается жизнь трёх кыргызских родов до национально-освободительного восстания, во время кровавых событий и в последующий период, их отношение к политике царизма. Речь вовсе не в том, три рода – жизненная правда или придуманный автором материал, суть этого в крепости или слабости родового единства кыргызов, а также в том, к чему это привело. В действительно-

¹ Уметалиев Ш. Субъективдүү баян // Кыргызстан маданияты. – 1985. – 28 февраля.

сти, самостоятельно проводимая политика различных родов перед событиями 16 года была на руку захватнической политике России, которая хорошо использовала родовую раздробленность кыргызов. Писатель одну из причин трагедии кыргызов в 16 году пытается искать в отсутствии единства народа. Такова авторская позиция, тактика писателя. Он довольно подробно и широко описывает раздробленность этих трёх родов в период до восстания 16 года, во время трагедии и даже в первые годы советской власти. Разрозненность людей этих трёх родов даже в мирное время приводит к тому, что они по привычке даже во время восстания не объединяются. Русские солдаты без труда разбивают их разрозненные попытки сопротивляться, среди этих людей были предатели и доносчики друг на друга. Но всё это не даёт результата, многие, в том числе предатели с доносчиками, гибнут, а оставшиеся в живых бегут в Китай.

Даже в новое время трудно объединить представителей этих трёх родов. Люди не слушаются даже руководителей своих родов. Да, баи и манапы в романе препятствуют объединению людей, мешают их единству, такую идею писатель ставит во главу угла основной проблемы романа. Однако, это стремление автора не видно в общем содержании произведения, эта идея и её влияние не смогли обусловить внутреннее развитие сюжета, не смогло вырасти до уровня концепции романа. Чем это можно объяснить?

Основа неудачных попыток автора объяснить поражение представителей трёх родов в восстании 16 года заключена в том, что он не смог опереться на историю. Иначе говоря, писатель искал силу истории, взгляды истории и его цели единственно в социальной жизни. Конечно, через изображение жизни и действий трёх родов можно показать историко-психологические особенности жизни и быта кыргызского народа той поры, но это следовало делать не на фоне той жизни, тем более не на её внутренних противоречиях, а следовало рассмотреть ещё глубже с другого ракурса. Основной вопрос здесь в отношении властей русского царя к кыргызам, в их политике, а говоря прямо, в захватническом характере действий. Потому писателю следовало свою идею претворять в жизнь с этих позиций, выводя историческое значение с самого этого исторического события. Как можно заметить, писателя не интересует историческая концепция, её проблемы, его больше заботят

внутренние противоречия жизни людей трёх родов на фоне исторической ситуации. Поэтому, проблема художественного препарирования истории, философского и психологического её анализа не состоялась, а, прямо говоря, не было сделано даже попытки приступить к этому. Внутренний ход событий, основная логика произведения, начиная с первой буквы и кончая заключительной точкой, – философия, призванная совершить переворот в сознании читателя, – совершенно лишены психологической основы. Лишь там и сям в произведении присутствуют лишь какие-то её черты. В натуралистическом плане изображены только события схватки людей трёх родов. В результате, сюжет произведения состоит из весьма примитивных событий, отсутствуют внутренние связи системы образов.

Причина отсутствия единства в людях трёх родов в произведении объясняется так. Власть и главенство среди родов «Олжобай», «Алыке» и «Жамгырчы» принадлежит «олжобаям», потому они считают себя важнее и знатнее других. Знатные люди двух других родов считают ниже своего достоинства подчиняться «олжобаям». В этом их можно понять, ведь среди них тоже есть достойные люди, которые могли бы стать во главе всех трёх родов. К примеру, среди считающихся самыми бедными «жамгырчы» есть глава рода Ийгилик, а также сын брата Качы бия Албан, которые пользуются большим уважением людей. Качы бий и его приспешники из рода «олжобай» открыто противостоят их действиям. Иначе говоря, беднякам – бедность, а «богу – богово», т.е. руководить народом должны «олжобай». Такое противостояние мешает действиям Ийгилика и Албана по улучшению жизни своего рода. В результате этого Албан, обидевшись на своего дядю Качы бия, был вынужден бежать. Известная ситуация, знакомая система образов. Читатель понимает, как к кому относиться, кто кого из себя представляет. Бии, манапы, волостные, баи никогда не могут быть хорошими людьми, хорошими людьми могут быть только представители бедноты. Такова была ситуация в самый канун восстания.

В романе большое место уделено изображению восстания. Такие части произведения как «Кровавая битва», «Беглецы» полностью посвящены этому событию. Даже названия частей уже говорят об их содержании, намекая на то, что представители трёх родов не смогли

объединиться под одним знаменем даже в момент кровавого противостояния царским солдатам. Джигиты во главе с Ийгиликом в неравной схватке демонстрируют чудеса храбрости. Представители родов «алыке» и «олжобаи» не принимают участия в этой кровавой битве, ищут возможности спасти любой ценой свои жизни. Нам трудно спорить с автором, какова была на самом деле эта ситуация, однако, представляется, автор в какой-то степени здесь защищает подобную политику той поры, иначе говоря, он твёрдо убеждён в том, что в первых рядах борьбы должен стоять класс бедняков. Такова логика и позиция автора.

Эти взгляды писателя ясно видны и в изображении отношения Ийгилика к русским. Отряд повстанцев во главе с Алмабеком и Шадман аке во время битвы с солдатами поджигает деревню, где жили русские переселенцы. Таким образом, они показывают, что одинаково относятся ко всем русским людям. Ийгилик недоволен их действиями в отношении к простым русским переселенцам, считая, что нужно бороться против солдат. Это характеризует его как человека, хорошо понимающего ситуацию, желающего добра простым людям независимо от национальности. Эта его человечность проявляется в словах русскому подростку, которого он спасает: «Дальше кыргызов нет. Беги без боязни напрямик к Тимохе, скажи, что я попытаюсь защитить мужиков Жылуу-Булака от нападения наших. Если всё же это у меня не получится, пусть обороняются, как смогут. Мы не сможем противостоять солдатам, придётся бежать в Китай. Передай всё это Тимохе»¹.

Если в «Ажар», «Долгом пути», даже в «Израненном сердце» события 1916 года изображены на совершенно ином фоне, развитие сюжета идёт по другому руслу, то здесь мы видим главу кыргызских повстанцев в другом свете. Да, подобное мы встречали и в повести К. Маликова «Молодцы». Однако, в первых двух произведениях люди не ищут себе командиров, что говорит об их пассивности, о том, что ни по обеспеченности оружием, ни психологически они не готовы к борьбе. Какие бы совещания и договорённости люди не проводили до начала восстания, готовности противостоять солдатам не было. Поэтому все попытки Ийгилика ограничивались лишь рамками жизни

¹ Убукеев А. Чыр дөбө. – Ф.: Кыргызстан, 1964. – С. 148.

народа той поры. Идея была хороша, но не была найдена её историческая основа.

О русских людях в романе ничего практически не говорится, а если они и упоминаются, то вскользь, между делом.

А. Убукеев в своём романе «Холм распрей» стремился показать отсутствие единства между разными родами, их ревностное отношение к главенству, которое во многом мешало установлению национальной идеи единства. Да, в какой-то мере это стремление автора выразилось в показе правды жизни кыргызов той поры. Однако, историческое значение народной трагедии не было раскрыто как национальная история.

Этот недостаток в определённой степени восполняет роман Э. Турсунова «Отчизна». Прежде чем вести речь об этом романе необходимо сделать лирическое отступление. Это отступление лучше сделать словами корифея кыргызской литературы К.Асаналиева. В статье «Национальная история и художественные наблюдения» он обращается к кыргызским романам последнего десятилетия XX века. Статья начинается с анализа романа Э.Турсунова «Отчизна»: «Существуют две причины, почему разговор мы начинаем с этого произведения. Во-первых, в нём вновь поднимается вопрос об одном из самых трагических периодов в жизни кыргызского народа: канун 1916 года и события, прямо связанные с этим восстанием. Говоря вновь, имею в виду то, что кто только в кыргызской литературе не обращался к данной теме. Не было человека, начиная от борзых пером графоманов до отдельных мастеров художественного слова, кто бы хотя бы обиняком не коснулся её. Конечно, возникает вопрос: что оставалось Эрнису Турсунову, если вся земля вспахана, целина поднята и пророборонована, а если что и осталось, сумел ли он найти свой надел и мастерски обработал его или остался в плену крепко устоявшихся литературных форм и рамок трюизмов, вот в чём проблема»¹. Лирическое отступление выдвигает на первый план необходимость начать обсуждение проблемы. Действительно ли тема Уркуна, Исхода кыргызов с родной земли совершенно проработанная в литературе тема? Может, и нет смысла вновь обращаться к ней? Можно ли в ней найти новое слово и свежие мысли?

¹ Асаналиев К. Улуттук тарых жана көркөм андоо // Кыргызстан маданияты. – 1992. – 6 февраля.

Литературовед имел основания так заявлять, поскольку многие кыргызские писатели прямо или опосредовано изображали события 16 года, ища своё эстетическое кредо только в событийности. Сама эта событийность развивалась на основе определённой, заранее подготовленной схематичности, а это приводило к тому, что разгадки звучали прежде, чем формулировались сами загадки. Такое положение относилось не только к произведениям на тему национально-освободительного восстания, а вообще ко всей кыргызской прозе тех лет. В романе Э. Турсунова «Отчизна» тоже есть узлы загадок, чьи разгадки находятся рядом, однако пути разгадок заранее не показываются или автор не намечает таких путей. К разгадкам ведут естественность развития сюжета, внутреннее усиление психологии, сила и влияние логики, выстроенной в связи с самостоятельными действиями и характерами героев. Не следует думать, что здесь синтез между реальной правдой жизни и художественной правдой создал некое эстетическое единство. Мы говорим об этом лишь в сравнительном плане.

Во-вторых, мысль, высказываемая литературоведом, вовсе не говорит о том, что эта тема, многократно разрабатываемая многими авторами, настолько доведена до конца, что другим писателям в ней уже не за что зацепиться, что уже нет здесь проблем и идей. Он говорит о том, что те, кто обращается к этой теме, продолжают петь старые песни, не находя новых проблем и идей, не могут создать настоящий художественный эпос 16 года, оказываются не в состоянии покорить эстетические художественные высоты. Только поэтому Эрнис Турсунов, признанный мастер поэзии и художественного перевода, вступил на эту давно разрыхляемую предшественниками почву «презренной» прозы.

По правде говоря, иногда из ожидаемых волнений появляется нечто вовсе неожиданное. Чуть ранее мы упомянули о художественном эпосе 1916 года. Попробуем кратко пояснить. Утверждать так есть и историческая, и жизненная основа. По своему историческому и народному характеру, содержательной сути это событие эпического уровня, поэтому оно – национальная трагедия. Сейчас говорить об этом легко, а в своё время это воспринималось как эпохальное событие. Кто бы не писал о 1916 годе, обязан был открывать психологию человека в этой тяжёлой ситуации, а также философию истории. В «Отчиз-

не» как художественная правда доказывается мысль, что отсутствие национального единства и национальной идеи приводит к трагедии. Во-вторых, роман прямо изображает национально-освободительное восстание 1916 года. В нём вовсе не говорится о бытовой стороне жизни кыргызского народа в тот период, о противостоянии отдельных групп людей русским солдатам, о судьбе людей в Китае. В целом, историческое событие изображается как судьба народа. Но писатель не заостряет внимание на том, какую роль в судьбе народа сыграли главы родов – исторические личности. Отметим, что здесь совсем нет той притянутости за уши, как в романе Айткулу Убукеева «Холм распрей», когда в тяжёлой ситуации народ ищет и находит истинного вожака, наделяя его качествами зрелого революционера, что отдаёт более поздними влияниями истории. Событие подаётся в духе своего времени, в народном характере. Также сюжетную основу произведения составляет роль в истории известных личностей, чьи деяния сохранились в народной санжыре. К такому выводу нас приводят описания судеб таких исторических лиц как Досумбай, Байгазы, Батыркан, Бурулча, Алишер, Телгара, Тилекмат, полковник Иванов, Бакуревич, Овчинников. Их образы и деяния сохранились в устных и письменных воспоминаниях современников. С этих позиций можно согласиться с мнением литературоведа А. Акматалиева: «...создание исторических произведений накладывает на автора двойную ответственность. Автор обязан до мельчайших подробностей знать все материалы, связанные с историческими событиями и личностями. Он не просто писатель, содающий художественное произведение, но в какой-то мере выполняет функцию историка-исследователя»¹. Автору следовало здесь ещё более углублённо и всесторонне отображать образы этих людей, ибо их деяния упоминаются в архивных документах, описывающих ход событий кровавого 16 года².

В романе основное внимание уделено изображению трёх основных периодов: ситуация перед восстанием, ход восстания и его крах. Эти события в «Отчизне» переданы не просто как придуманные автором, а представлены с подкреплением тех событий истории доку-

¹ Акматалиев А. Көркөм чыгарма жана тарыхый баатыр инсандар. – Б., 1999. – С. 5.

² Рукописный фонд Национальной академии наук КР. –Инв. № 1491, л. 4; инв. № 1519.

ментами и архивными материалами. Можно только приветствовать подобное новаторское отношение автора к теме национально-освободительного восстания 16 года. Кстати, события, непосредственно относящиеся к восстанию, в произведении даны близко к историческим материалам. Такое сюжетное развитие привносит в роман историко-литературное содержание.

Писатель реально относится к изображению роли биев, манаров и волостных в ходе восстания. Это не те ставшие привычными всем нам отрицательные образы представителей класса угнетателей. Сюжетное развитие само определяет, кто есть кто. Иначе говоря, здесь нет заранее подготовленного автором схематического плана. Действия Батыркана, Жайыла, Досумбая, Сагымбая изображены в сомнениях и противоречиях так, как это происходит в реальной жизни в сложных исторических ситуациях. Их взаимоотношения, нравы и характеры постепенно начинают определять ход событий в романе. У каждого из них есть свои взгляды на происходящее, устоявшаяся жизненная позиция. Само это является драматическими проявлениями факта отсутствия в то время среди кыргызов единства, наличия политики родо-племенного деления, целиком основанного на психологии голого тщеславия. Именно эта национальная психология и драматические ситуации обусловили поражение национально-освободительного восстания и страшной трагедии народа в 16 году. Именно так в романе решается философия трагедии.

Одна из причин поражения ясно видна в тех противоречиях и даже вражде, что существуют в отношениях глав родов между собой. Это явно проявляется в описаниях случаев непримиримых конфликтов тщеславия между Батырканом и Телгара. По вине взбалмошной своей токол (младшей жены) Бурулчи Телгара вступает в конфликт с Батырканом, и во время восстания они выступают раздельно против царских солдат. Также противоречия между Кудайгелди и осёдлым населением заканчиваются кровопролитием и установлением куна, т.е. выплаты виры за убийство, что приводило ещё к большему раздору кыргызов между собой. В результате этого кровавого столкновения умирает Кудайгелди, виновных в его смерти Исабека и Шыгая перед народом предают страшной казни, привязывая к хвостам лошадей и волоча по земле. С этого места должна была начинаться драматическая завязка

развития сюжета, ведь Кудайгелди умер не своей смертью, и его родичи должны были объявить виру за смерть соплеменника. Проблема закрывается тем, что виновники гибели Кудайгелди Исабек с Шыгаем прилюдно подвергаются страшной казни. Казалось бы, проблема кровной мести закрывается. Однако, не всё так просто. Представители двух родов исподтишка продолжают мстить друг другу. В дом Телгара с соболезнаваниями съезжаются главы местных родов, баи и мананы. Разговор заходит о царском указе по призыву кыргызов на военную службу. Присутствующие понимают, что всё это не закончится добром:

«Что было, то было, – сказал Чынгыш аджи. – Сейчас проблема не в этом. Что будем делать с указом уезда? Давайте, вначале решим это?»

Сидевшие в задумчивости мананы оживились»¹.

Действительно, они находились меж трёх огней. Царский указ, приказ уездного начальника, недовольство простого люда. Народ мог подняться, и поднять его на борьбу могли сами сидевшие здесь верхи. Недаром говорится, страшнее прошлой смерти, гибель грядущая. В самых тяжёлых ситуациях, по утверждению Н.В. Гоголя, из среды простого народа могут появиться люди, которые глядят на мир глазами своей национальной стихии, глазами всего народа². Третье пламя могло разгореться их усилиями. В романе эта ситуация изображается как спонтанная, появившаяся в результате развития сюжета произведения внутренняя необходимость. Здесь весьма своевременным будет привести мнение известного литературоведа К. Асаналиева: «Какая бы художественная литература, какого бы народа не была, она всегда и в любых обстоятельствах будет неразрывной частью исторической судьбы этого народа»³. Если это так, то в судьбоносный период истории народа его главы должны были освободиться от оков своего традиционного мышления. Как? Не способные действовать сообща главы родов, конечно, и здесь своё тщеславие поставили выше попыток объединить людей.

«Краснолицый, с аккуратно подстриженными усиками, горячего нрава Сагымбай, который был моложе и решительнее многих присутствующих, резко привстал на одно колено:

¹ Турсунов Э. Ата Журт. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 115.

² Русские писатели о литературном труде. – Т. 1. – Л.: Сов. писатель, 1954. – С. 435.

³ Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988. – С. 7.

– Уай, народ – это воздух! Куда ветер подует, туда и полетит. Скажем, сделает, погоним, пойдёт. Решать вам, уважаемые.

Сидевшему в глубокой задумчивости Жайылу эти легковесные слова Сагымбая не понравились. Он исподлобья недовольно глянул на него:

– Народ – это сель, дорогой. Никто не знает, куда повернёт селевой поток, откуда он начнётся. Взгляните на состояние народа. Лёгкий ветерок, и он воспламенится. Не туда дунешь, гляди, чтобы потом хватило сил потушить пламя. Может пока тебе следует готовить угли, чтобы потом раздуть меха?»¹

От самих глав родов зависит, будет их народ лёгким ветерком или грозным селевым потоком. Сейчас положение оказаться на острие ножа зависело от того, какое решение примут собравшиеся люди. Лёгкий на подъём Сагымбай был для Батыркана мечом, на который он мог опереться в трудные моменты. Батыркан ценил его, не выпускал из пределов своего влияния, когда следовало принять важное решение. В такие минуты он сам начинал речь, а завершить её оставлял Сагымбаю. Обычно их решение оказывалось схожим. В необходимых случаях на Сагымбая возлагались самые трудные задания. Он был из тех молодцов, что одной рукой могли протянуть яд, а другой – напоить жаждущего.

Батыркан, Сагымбай и Байгазы стояли за то, чтобы не исполнять указ царя и поднять народ на борьбу против русских солдат. С этим мнением не согласны были старик Жайыл, Досумбай, который послужил русской власти, хорошо знал политику царя и его военную силу, его отец Телгара, т.е. те из местной знати, кто обычно руководствовался здравым смыслом. Различное отношение к ситуации привело к тому, что создались два непримиримых лагеря. Нам представляется интересным в этом случае мнение Досумбая, человека, не гнушающегося в случае необходимости проявить двуличие, больше всего боящегося за свою служебную карьеру. Хотя он и выходец из народа, но уже давно является представителем власти, человеком, который существует на царские харчи. Поэтому выслушаем его мнение:

«Батыркан мырза! У вашего народа нет ни городов, ни государства, ни производства, ни грамоты, на что вы собираетесь опереть-

¹ Турсунов Э. Указанная книга. – С. 118.

ся? Есть ли у него не город, а хотя бы построенный дом, или посаженное деревце? О, в некоей древней сказке говорится, что кыргызы когда-то дошли до Бейжина. Если это правда, то, где наше государство, столица, казна, солдаты, торговля? Время и законы сейчас другие. Вами правит русская администрация»¹.

Ещё ярче взгляды Досумбая проявляются в его словах, обращённых к Сагымбаю:

«Сагымбай мырза!.. Для того, чтобы воевать нужно иметь обученных солдат, государство, которое их содержит, вооружение, казну. Оружие, которое у вас, чьё? Русских или вам осталось от вашего отца Манапбая? Если бы Россия, не установив свою власть, снабдила вас оружием, вы, прежде всего, напали бы на меня. Кыргызы, считающиеся воинственным народом, прежде всего, нападают на своих сородичей...»².

Как может показаться, слова Досумбая, обращённые к Батыркану, который хочет выглядеть радетелем интересов народа, и Сагымбаю, который выступает от имени всего народа Иссык-Кульской котловины, считая, что пользуется у них авторитетом, вроде бы свидетельствуют о его озабоченности судьбой всего народа. Его слова звучат гуманно, как национальная идея, возникшая из стремления защитить народ. В это можно поверить, ведь он по сравнению с остальными хорошо знает, каков русский царь, в чём заключается его политика. Поэтому невозможно было не согласиться с его доводами. По военной мощи силы, конечно, были несравнимы. Он пытается разубедить людей, что голый патриотизм Сагымбая, который в своём стремлении возглавить восстание был без всяких на то оснований убеждён, что за ним стоит всё население иссык-кульского побережья, что по одному его кличу каждый двор представит воина. Кому же должен верить народ? Присутствующих заставляют задуматься и слова Жайыла аксакала: «Я не могу подставить своих людей под дождь из пуль, и заставить их ходить по горячим углям». Поэтому народ должен был следовать советам Досумбая, однако, можно ли слепо доверять человеку, который служит русскому царю, выполняя все его приказы? Пусть он и кыргыз, но может старательно прячет царский меч в ножнах?

¹ Там же. – С. 118.

² Там же. – С. 120.

Да, Досумбай понимает сложность ситуации. Но каково будет будущее, какие действия следует предпринять. Восставать нельзя, надо выполнять указ царя. Сотрудник знает только свои функции, у него не может быть мыслей о национальной идее единства народа. Если рассматривать с этих позиций, очень интересен образ Батыркана. Архивные документы и устные сведения доказывают, что во время восстания 16 года этот человек был достойным главой своего рода, активно участвовал в кровавых сражениях, доставляя царским солдатам много хлопот. Роман начинается с описания молодости волостного Батыркана, который женился не на любимой, а на совершенно другой женщине, т.е. его личная судьба начинается с неожиданного события. Его любовь, ставшая жертвой традиции отцов, остаётся в груди незатухающим огнём. Он – один из главных действующих лиц произведения. Автор не наделяет его раз и навсегда установленным характером. Это герой, живущий своей судьбой, в своём мире. К примеру, Батыркан вначале едет свататься к дочери Телгара, чтобы жениться по всем установленным обычаям. Эта традиция, характерная для жизни богатых людей того времени, вовсе не удивляет читателей. Однако события с этого момента резко и совершенно неожиданно меняются. Получается так, что Батыркан женится не на дочери Телгара, а умыкает его взмалмошную и капризную младшую жену-токол Бурлучу. Ожидаемая неожиданность ясно показывает, что они люди, желающие жить своей судьбой. Однако, установления отцов всё ставят на свои места, несмотря на всю нелепость ситуации власть традиций и окончательный вердикт глав родов ставят окончательную точку в этом вопросе. Возможно, само такое начало произведения и не требовало каких-либо дополнений к характеру Батыркана. Всё остальное о нём мы бы почерпнули из его дальнейшей жизни и судьбы, действий и отношения к людям. И действительно, образ этого героя создан из его личной судьбы.

Архивные материалы подтверждают, что такие люди в романе как Батыркан, Талканбай, Байгазы и другие были историческими личностями¹. Автор, используя факты с их участием, не уходил далеко от архивных сведений и людских воспоминаний. Баатыркан призывает

¹ Рукописный фонд Национальной академии наук КР. – Инв. № 1491, л. 4; инв. № 1519.

свой народ к восстанию, затрагивая в них патриотические чувства. Месть к русским солдатам усиливает его тревогу. Это в романе передаётся следующим образом:

«Мы были у родичей из рода бугу. Из каждого дома по одному человеку забрали в солдаты. Бедняки подняли бунт, убили своих глав, привязав их к хвостам коней. – Голос Батыркана задрожал. – Мы находимся меж двух огней, родичи. Отправить по указу царя кого-то из домочадцев, тяжело всем. Уйти и спрятаться в горах, уезд завтра же пошлёт своих солдат, и они захватят ваши стойбища силой. Вы люди мудрые, решайте сами, что делать! Когда все мысли о судьбе людей и еда не в прок.

– Не пойдём в солдаты! И детей не отдадим!

– Чем рыть окопы, выроем могилы!

– Пришло время воевать с уездом!

Батыркан остановил крики возмущения, взмахнув рукой.

– Тогда так. Пусть будет проклят день, когда мужчина, разлучённый с семьёй, окажется далеко на чужбине. Умные люди уже взяли в руки оружие. А нам, что, стоять в стороне? Смерть на подушке – позор, гибель в бою – слава! Одна капля уйдёт в песок, много капель вольются в озеро. К одному пусть добавится тысяча, к тысяче – тысячи! Кто хочет защищать свой народ, точи сабли, обстругивай древко на копьё, готовь свой щит»¹.

В действиях Батыркана было две цели. Первое, поднять народ на борьбу под своим руководством. Второе, глубоко спрятанное в душе тщеславие. Он хотел утереть нос Жайылам и Досумбаям, которые предупреждали, что погибнут многие безоружные люди, мечтал победить русских солдат. Им двигало чувство соперничества, стремление к славе, желание приписать себе будущую победу. Среди присутствующих были противники действия, к которому призывал Батыркан, но их было мало, к тому же они были не такого калибра. Доненбай был одним из них. Его слова «Батыркан с Сагымбаем и после смерти не смоят с себя обвинений в том, что, возглавив восстание, обрекли множество людей на гибель» воспринимаются нами как основная концепция романа, главная мысль автора, которую он пытается донести до читателя. В конце-концов, так и происходит. Сви-

¹ Турсунов Э. Указ. книга. – С. 141.

детельством этого являются слова Ногойбая, обращённые к Жайылу. Восстание было жестоко подавлено, сам Батыркан признаёт, что это поражение стало трагедией народа. Приехав к Жайылу, он винится перед ним: «Не послушавшись Вас и Ваших предупреждений, мы оказались галкой в когтях сокола». Единственным, кто не отступился от своих слов и действий, стал Сагымбай. Перед смертью он жалеет о том, что в народе нет единства.

Мы отметили, что уже в ходе восстания враждебные отношения героев, зависть сыграли негативную роль. Это хорошо подтверждается действиями и психологией Ногойбая. Он не манап и не волостной, как Батыркан, он сын простого осёдлого кыргыза Тилекмата. Однако Ногойбай очень активно участвует в восстании и даже является командиром одной из групп. Конечно, он отчаянно смел и горяч, но здесь он движим не этими своими качествами, в груди его бушует огонь мести. После того как Батыркан сообщает ему о страшной смерти родных братьев Исабека и Шыгая, учинённых по приказу Телгара, он даёт клятву отомстить последнему. Его отчаянная храбрость, способность глядеть смерти в глаза, подчинение своей жизни желанию отомстить за братьев, в какой-то мере напоминает Узака из «Лихой години» М. Ауэзова. Конечно, разве в груди Батыркана или Бурулчи, или Ногойбая из «Отчизны» не бушевал огонь обиды?! Может быть, они считали, что эту обиду на жизнь и этот огонь в груди сумеют погасить участием в кровавой битве?

Мстя за своих братьев, Ногойбай разоряет аил Телгары. Проблема всё усугубляется, что в конце-концов служит триггером начала восстания. Обобщая, можно сказать, что к образу Ногойбая привязан узел событий романа. Герой готов выполнить эту задачу, для этого у него есть и психологическая, и моральная основа. Однако, автор в попытке придания его образу интернационального характера, потерял естественность, а также героя, который значительно усилил бы сюжетное развитие произведения. Да, в попытке отражения отношения к русским и Э.Турсунов идёт давно проторенным путём.

Как бы то ни было, судьба Ногойбая вызывает читательский интерес. Да, он пришёл к борьбе с сильной мечтой, да, он стал интернационалистом, возглавил группу восставших людей, проявил героизм, а потом?.. Совершенно одинокий, не имеющий ни кола, ни двора, он

возит в коляске людей и грузы на невольничьем базаре в Кульдже. Его жена Дарыйка, спасаясь от окруживших её волков, залезла на вершину сухой арчи в чистом поле, но не избежала страшного конца. И другие испытали муки в конце жизни. Судьба же Батыркана сложилась намного удачнее других. Делая подношения губернатору Синьцзянскому, опиумом и золотом, он стал хозяином двух больших участков орошаемой земли, которая кормила и его самого, и его людей. Это, на самом деле стало большим делом.

Словами литературоведа К. Асаналиева о романе «Отчизна» «Самое важное, Э. Турсунов при описании внутренних связей и сложных взаимоотношений родового общества сумел подняться выше эмпирического повествования и достичь весьма результативных обобщений и синтеза»¹ мы можем подытожить свои мысли об этом произведении.

Остановимся теперь на том, как в романе описываются отдельные исторические факты и сведения. Прежде всего, обратим внимание на такой факт. В романе говорится о том, что сторонники свершения восстания желали объединиться под зелёным знаменем турецкого наследника Анвара-ходжи и предпринимали к этому действенные попытки.

Обратимся к тексту, «Вокруг Султана Мурата Акрама тюре, держателя мусульманской мечети в Караколе, объединились эшены, калпа, сопу и муллы (священнослужители разного сана). Они принесли друг другу клятву призывать единоверцев-мусульман подняться на борьбу против капыров-неверных. Толчком к таким действиям послужил призыв тайно прибывшего из Турции посла. Он агитировал всех мусульман Туркестана встать под зелёные знамёна наследника турецкого престола, а также запастись оружием и продуктами питания»². Эти слова писателя буквально повторяют содержание исторических архивных источников. Роль и значение подобной турецко-немецкой агитации по всему Туркестану до и во время восстания³ сегодня отрицается отдельными историками⁴. Однако, исторические материалы

¹ Асаналиев К. Улуттук тарых жана көркөм андоо // Кыргызстан маданияты. – 1992. – 6 февраля. – № 13.

² Турсунов Э. Указ. книга. – С. 19.

³ ЦГИА России. – Ф. 396 оп. 7 д. 764. л. 63.

⁴ Махмутбекова М. Кыргызстандагы улуттук-боштондук көтөрүлүш. – Б.: Эркин Тоо, 1996. – С. 57.

безапелляционно доказывают, что эти сведения пропагандистского характера содержатся в исторических документах.

В труде известного историка К. Усенбаева, большую часть своей жизни посвятившего исследованию национально-освободительного восстания кыргызского народа в 1916 году, «1916: героические и трагические страницы» приводятся следующие исторические сведения: «10 августа несколько десятков тысяч повстанцев прибыли к Пржевальску и взяли его в осаду. Осада города продолжалась 20 дней. Жители большинства волостей Иссык-Кульского региона вышли под своими знамёнами во главе с руководителями. Главными лицами осады Пржевальска были такие манапы-руководители восстания как Кыдыр и Батыркан. Однако, у них не было сил взять под своё руководство весь ход восстания.

Утром 11 августа к восставшим присоединились дунгане Мариинской волости. Они напали и избili русских переселенцев, направлявшихся из Иваницина в Пржевальск. С присоединением дунган давление на осаждённый город усилилось»¹.

Да, эти сведения мастерски были претворены в художественный текст романа. Ни события, ни фактические материалы не были переработаны. Сравним. Материалы документа в романе переданы так:

«Осада города продолжалась двадцать четыре дня. Восставшие то сжимали своё кольцо, то упускали город из своих рук. Повстанцы были рассыпаны в разных местах, силы поздно приходили друг к другу на помощь. Дунгане Мариинской волости поднялись самостоятельно, они напали на переселенцев, идущих из Иваницина, и захватили много оружия. Дунгане из Ырдыка не пришли быстро на помощь, поздно поднялись. Хоть и поздно, но соседние калмаки Челпека, Таш-Кыи, Бурма-Суу, Бёру-Таша присоединились к общему течению»².

Нет смысла пояснять содержание приведённых материалов. Однако следует подчеркнуть, что это событие, происходившее в современном Караколе, а в то время в городе Пржевальске, с ударением на её драматизм и трагичность повествуется в романе М. Ауэзова «Лихая година» в связи с восставшими казахами. Материалы этих событий, изображаемых, как правда жизни, в двух разных романах, подкреплё-

¹ Усенбаев К. 1916: героические и трагические страницы. – Б., 1997. – С. 111.

² Турсунов Э. Указ. книга. – С. 141.

ны историческими документами. Есть причина, по которой мы специально останавливаемся на этом. Кыргызские писатели, обращавшиеся до этого к теме 16 года, передавали правду жизни на фоне истории сквозь призму своей судьбы, т.е. писали о национально-освободительном восстании и его последствиях на примерах своих жизней. А у Э.Турсунова подобной жизненной ситуации не было. Он на основе устных и письменных источников саму историю 16 года, правду жизни сумел обратить в художественное произведение, иначе говоря, проявил творческое отношение к изображению правды истории. Это действие писателя, конечно, заслуживает поддержки.

Говоря о таких проблемах, мы вынуждены всё время обращаться к творческому опыту великого русского классика Л.Н.Толстого. По словам академика М.Б.Храпченко, содержательную суть «Войны и мира» составляет не правда исторических событий, его составляет история, созданная из героизма русского народа¹. Среди отзывов о знаменитом романе интересно вспомнить и мнение известного литературоведа Б.И.Бурсова о том, что «Война и мир» – история победы героизма, возрождённого из трагедии русского народа, к тому же героизма, достигшего всемирного значения. Это национальная и историческая эпопея русского народа². Если суть проблемы такова, то тема 16 года в нашей литературе ещё далека от своего окончания. Она, прежде всего, является кровавой историей национальной трагедии. Следовательно, правда истории национальной трагедии в полном историческом значении ещё не обратилась в истинное художественное повествование.

Откровенно говоря, трудно с полной определённой заявлять, что роман Э. Турсунова «Отчизна» совершенен в художественном отношении, что исторические сведения точны. В нём присутствуют излишняя повествовательность, стремление чересчур подробно описывать все события, чрезмерная идеализация отдельных героев, объективизация изображаемой правды, иначе говоря, факты, с которыми можно поспорить. Остановимся коротко на одном из фактов, связанных с историческими сведениями. Это заметно в изображении бунта

¹ Храпченко М.Б. Лев Толстой – как художник. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 194.

² Бурсов Б.И. Лев Толстой: Идеиные искания и творческий метод / 1847– 1862. – М.: Наука, 1960. – С. 59.

на предприятии Фон Берга. В производстве жители города, присоединившись к восставшим, нападают на царских солдат. В одном из таких случаев рассказывается о том, как женщина с крестом на шее выволакивает кровососа торговца Дадабая из его лавки и, обращаясь к карателям, кричит: «Вместо того, чтобы защищать Отечество вы стреляете из пушек в беззащитный народ! Что только мы не испытали. Да будь вы не каратели, а злобные дьяволы, мы готовы встретить смерть! Стреляйте, в меня стреляйте!»¹. Колуханов стреляет в неё. Подобные эпизоды представляются нам, читателям, грубо пришитыми к роману заплатками. Цель автора понятна, он пытается придать восстанию 16 года классовое, интернациональное содержание, сказать, что даже женщины, не вынеся лишений и гнёта, вступили в борьбу против власти. Однако в романе не создана историко-психологическая основа для подобной ситуации, поэтому подобные фрагменты лишены правдоподобия.

Аналогичный интернационализм искусственно придан и образу Ногойбая. Да, Ногойбай герой, который самостоятельно сформировался самым ходом исторического события, он как герой произведения индивидуален. Его судьба создана событиями 16 года. Однако интернационализм не усилил развитие его образа. В этом нас не убеждают даже его взаимоотношения с Ермолаем, присоединение им к восстанию русских мужиков, руководство ими в кровавом сражении, активные действия отряда, составленного из представителей разных национальностей. Всё это напоминает нам давно знакомые страницы из произведений русской литературы революционного характера. Этот герой служит только горьким примером того, как ход исторического события разъединяет его от народных масс. Рыбак Ермолай и фельдшер Захаров – положительные герои, сочувствующие кыргызам. Создаётся впечатление, что эти революционеры Ала-Тоо, которые только и ждали наступления 16 года. Однако формирование их внутреннего мира, чувств и мировоззрения автором психологически убедительно не проработаны. Тараханов, Чаракеев, Колуханов и другие их антиподы – враги кыргызов, с ног до головы отрицательные персонажи. Это понятно. Конечно, это отголоски политики классового расслоения, влияющие на художественное произведение.

¹ Турсунов Э. Там же. – С. 274.

2.2 Попытки художественного осмысления философии времени и истории

О русском феномене в литературе К. Асаналиев сказал: «Русский феномен для кыргызов не просто рядовой вопрос, который можно по желанию раскрыть или закрыть. Речь вовсе не в том, что наша история и судьба крепко связана сложным узлом с этим феноменом, суть проблемы в том, что наш завтрашний день и судьба тесно связаны именно с этой исторической территорией и временем»¹. Речь идёт о завтрашнем дне, будущей судьбе. Следовательно, он теснейшим образом связан с национальным вопросом. Эта проблема открыто изображена в романе Казата Акматова «Время земное» (1979).

При художественном отображении исторических событий 1916 года писатель не должен был ограничиваться лишь равнодушным приведением фактов, а стремиться к социально-философским и психолого-эстетическим обобщениям. Не ошибёмся говоря, что К. Акматов в романе «Время земное» в определённой мере соответствует этому требованию. Поэтому роман «Время земное» отличается в некоторой степени от других произведений уровнем изображения исторической правды, связанной с 16 годом, и в связи с этим заслуживает быть специальным объектом литературного исследования и даже литературных споров и полемики. Да, были различные литературные взгляды на это событие и его изображение. Мало того, роман этот едва не стал жертвой политической идеологии. Несмотря на то, что такие известные писатели и литературоведы как Ч. Айтматов, К. Асаналиев, К. Бобулов дали положительную оценку этому произведению на страницах республиканской и всесоюзной прессы, были и те, кто обнаружил в романе политические ошибки, что приводило к весьма ругательным выводам. В качестве подтверждения последним словам достаточно вспомнить статью Э. Нурушева «Ещё раз о романе «Время земное», опубликованную в газете «Советтик Кыргызстан». Автор статьи обвиняет К. Акматова в том, что тот в своём романе допускает мысли, противоречащие партийной идеологии. Понятно, у критика есть причины говорить так. Но если рассматривать проблему

¹ Асаналиев К. Улуттук тарых жана көркөм андоо // Кыргызстан маданияты. – 1992. – 6 февраля.

с позиций того, какие цели преследовала эта идеология, в чём была её конечная цель, то вопрос открывается с совершенно другой стороны. Проблема не в том, чтобы выяснить, кто прав в споре о романе, а в том, как трагическое событие 16 года отражено в этом произведении.

Основную суть содержания романа «Время земное» составляют изменения в жизни кыргызов после революции, новые отношения между русскими людьми и кыргызским населением, кровавый след народного восстания и неизгладимые следы, оставленные этими событиями в сердцах людей.

Сюжет произведения основывается на изображении новой жизни, устанавливаемой на кыргызской земле в 20-е годы. Эта фабула постепенно переходит к изменениям в сюжете, открывая перед нами судьбы основных героев, горести и радости, сопровождающие их новую жизнь. Кошой Аламанов обучился в Москве на геодезических курсах, он очень трудолюбив, справедлив и прекрасно понимает свою жизненную цель и обязанности. Он отдаёт все свои силы организации племенного коневодческого совхоза, убеждая людей активно участвовать в этом. Он руководит строительством села, закладкой садов, постройкой электростанции. Красин, который с высокими целями прибыл из далёкой России, Шатман, который рано понял и избрал свой жизненный путь. Он, несмотря на то, что не понимает глубоко всё, что происходит вокруг, умеет отличать хорошее от плохого и потому ищет во всём справедливости. Отношение этих героев к новой жизни, их действия и взгляды представляются нам лишь «прелюдией» в соответствии с литературными традициями. На самом деле эти короткие эпизодические картины первой части книги не являются предварительными сведениями для читателей о политико-социальной жизни героев произведения. Как тогда нам воспринимать их?

Автор в своём лишённом большого драматизма повествовании художественно размышляет о правде жизни, её социальных, историко-психологических, нравственных сторонах, показывает своё особенное отношение и особый взгляд к тому историческому времени и его значению в истории. В результате подобного отношения судьбы народа и отдельного человека, неразрывная связь судьбы человека и вселенской исторической правды жизни превращаются как единое логическое целое в художественный текст. Конфликт в романе в силу естественных условий ситуации не усугубляет противоречия образов,

их связей друг с другом, столкновений, не придаёт им остроты. Он лишь обуславливает усиление подтекста, дальнейшее развитие авторской концепции.

В произведении в сложнейших жизненных ситуациях раскрываются образы двух главных героев: кыргызской женщины Кызтуубас и русского человека Емельяна Красина. Одна из сестёр-близнецов Кызтуубас, сестру которой в период Уркуна с особым цинизмом убили царские солдаты, умирает на следующий день после того, как её порог переступил через несколько лет «иноязычный» Емельян Красин. Но это не просто придуманный автором для усиления событий специальный эпизод. Это материал, свидетельствующий о том, какую страшную трагедию принесли простому народу кровавые события 16 года. Образ Кызтуубас, появившийся лишь в начале книги, а затем пропавший, играет не только важную роль по всему содержанию произведения, а мы бы сказали роль решающую. Через образ Кызтуубас мы видим кровавый след Уркуна и глубоко понимаем его суть. Так кто же такой повинный в смерти кыргызской женщины Емельян Красин? Почему Э. Нурушев нашёл ошибку в этом образе, воспринимая его, как антипод революционным представителям русского пролетариата, приезжающим на кыргызскую землю?! Также, по мысли критика, в образе Красина вовсе не ощущается острота патриотических чувств по отношению к советской власти, он больше озабочен решением личных проблем. В противовес указанным мнениям литературовед А.Эркебаев в своё время заявил: «...подобные критики, рассматривая произведения среднеазиатских писателей, следуют давно устаревшим критериям, а точнее говоря, стереотипам. Ведь в прежних произведениях образы русских людей не были полнокровными, изображались как схемы-абстракции, иначе говоря, они были без изъянов, без недостатков, присущих людям, они показывали местному населению пути развития и помогали советами. В романе К.Акматава, слава богу, не обнаруживаются и мельчайшие черты подобной однобокой иллюстративности. Находка писателя – в том, что впервые в кыргызской прозе простой русский человек реалистически изображается с присущими ему недостатками и достоинствами, национальными чертами характера»¹.

¹ Эркебаев А. Элдик эпостон адабий эпоско. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 234.

После слов критика Э. Нурушева, отмеченных нами выше, есть смысл уточнить некоторые стороны. Нет ли в таких словах критика как «Не отмечается острота патриотических чувств к советской власти» или «забота о личных интересах» ответа на то, на чём основываются взгляды самого критика, что он стремится здесь найти. В чём можно видеть переплетённый событийно-сюжетный узел произведения, авторскую концепцию, идею и как всё это решается? Мы считаем весьма полезным найти ответ на второй вопрос, чтобы доказать ошибочность мнения критика. Об этом в своё время хорошо пояснил известный литературовед К.Асаналиев: «...в этом романе есть два узла, первый – связан с судьбой кыргызской женщины Кызтуубас, второй – с судьбой русского человека Емельяна Красина. Все сумрачные дни, горькие слёзы, пролитые на протяжении пяти лет во вновь организованном совхозе «Прогресс», различные судьбы разных людей, жизненные устремления Кошой Аламанова и Шатмана, Бекниязы и Зейнеп, Сарычала и мальчика Кульчоро связаны с этим узлом. Или освобождаются от этого узла»¹. Начало всех событий, их развитие и разрешение связаны с такими узлами.

Во-вторых, русского человека, прибывшего на кыргызскую землю, автор не делает сразу же революционером, наоборот, такое качественное изменение ищет в его внутреннем мире. Он показывает его как человека, который борется за своё счастье и за место в жизни, поднимаясь всё выше, психологически изменяясь в соответствии с условиями и постепенно становящегося близким по духу с людьми, которые его окружают. В то же время ударение делается и на показе того, что и в душах последних происходят благодатные перемены. Образ Красина не лишён и отрицательных черт, что свидетельствует о его реалистичности. Прежде он был солдатом белого царя, а теперь вновь прибыл на кыргызскую землю, чтобы разводить племенных коней во вновь организованном совхозе. В одном этом чувствуется, что этот человек многое испытал в жизни. Красин много размышляет о былом, глубоко анализирует свои поступки. Он понимает, что, прибыв в первый раз в качестве захватчика и карателя, воспринимался кыргызами с ненавистью. Вспоминая события того времени, Красин обвиняет себя, испытывая тяжёлые душевные переживания. Правда

¹ Асаналиев К. Доор менен бирге. – Ф.: Кыргызстан, 1981. – С. 168.

и то, что эти переживания о содеянном ранее обусловлены тяжёлыми уроками прежней жизни. Вместе с тем герой не считает одного себя виноватым в том, что происходило в то проклятое время. Причины он видит в том, что сам стал жертвой грязной политики царизма:

«Солдат есть солдат, – сказал он, думая о былом. – Был солдатом царя – рубил его супостатов. Пошел в красные – стрелял в ихнего врага. Такова уж судьба вышла, что поделаешь. Но теперь моя воля. Поеду в горы, буду лошадей разводить. Крепкие там кобылки есть. Дикие. Кровь буйная. Хорошая выйдет порода. Такой еще нигде нет... А что было со мной, то в былое ушло, не один я служил в армии при царе. Всех их теперь не перевешаешь. Сейчас новая жизнь, братец. Сейчас никто никому не враг... А узнать там меня никто в лицо не узнает. Да и я ни на кого толком не глядел. Так что... Поеду и сделаю тамошним хорошую лошадь...»¹.

В этих попытках Красина обелить себя в какой-то мере была своя правда. Как свидетельствуют исторические источники, телеграммы-приказы командующего Туркестанским военным округом, генерал-адъютанта Куропаткина, прямо повлияли на судьбы солдат, среди которых был и Красин. По прибытию этих телеграмм-приказов на места, дислоцирующиеся там русские солдаты начинали кровавую бойню против местного населения. Обратимся к фактам из исторических документов. В телеграмме Туркестанского генерал-губернатора от 11 августа 1916 года, отправленного в Семиречье, предписывалось: «Уничтожить при поддержке карательных отрядов всех, кто оказывает сопротивление и нападает... Захваченное добро, лошадей и другую живность следует передать в казну и тщательно охранять»². В телеграмме же от 31 марта указывалось: «Прошу довести до сведения уездного и других начальников отрядов, всех офицеров необходимость безжалостной борьбы против бунтующего кыргызского населения с применением самых крутых мер по отношению к главным виновникам и руководителям»³. На их основе руководителям карательных отрядов Жети-Суйской области и уездным начальникам были даны

¹ Акматов К. Мезгил. – Ф.: Кыргызстан, 1979. – С. 57.

² Центральный государственный архив Узбекской Республики, ф. И-1, оп.31, д. 1205. – С. 12–13.

³ Центральный государственный архив Кыргызской Республики, ф.75, оп. 45, д.41. – С. 29.

следующие указания: «... считать даже небольшие группы собравшихся кыргызов в качестве восставших, и во всех волостях жёстко пресекать малейшие попытки бунтовать. При появлении первых признаков недовольства выявлять их зачинщиков, судить в полевых судах и без промедления вешать. Не старайтесь сохранять какую-то мелочь, но в местах опасности действовать жёстко и без промедления. Подозрительных арестовывайте и для острастки других вешайте»¹. Каратели, конечно, с лихвой использовали те безграничные права уничтожать невинных людей, которые им были даны. Этому свидетельство запись помощника генерал-губернатора о том, что «карательные отряды в образцовом порядке уничтожали женщин и детей».

Главный герой романа «Время земное» – один из исполнителей подобных приказов и участников тех событий. В результате этого он занимался самыми грязными делами. Конечно, вину за это следует возлагать не только на кровавую политику царской власти, но и на каждого из тех солдат, кто бездумно выполнял все приказы своих командиров. Следовательно, и Красин тоже виноват и должен нести ответственность за истребление людей.

Это одна сторона вопроса, а другая сторона – в том, что в этот раз он приехал на кыргызскую землю с благородной целью, хорошими намерениями. В этом факте мы видим возрождение героя с духовной стороны, очищение его внутреннего мира. Именно этим он хочет загладить ту свою вину, которую когда-то здесь совершил. Он просит прощения перед духами женщины Кызтуубас. Почему Красин вновь возвращается на кыргызскую землю. Что это шутки судьбы или сам герой специально пошёл на этот шаг?

«Для Красина было вовсе нелёгким делом вновь поехать на ту землю, где в молодости он, ещё не умея в полной мере отличать добро и зло, выполнял всё, что делали его сослуживцы – нужно было жечь, сжигал, нужно было убивать, убивал, гордясь своей безнаказанностью, ибо считал это своим долгом. Но почему-то душа его требовала туда ехать. Бывает иногда, что человек очень хочет встретиться с тем, кого когда-то сильно обидел. Так и Красину очень хотелось вновь увидеть Ала-Тоо»².

¹ Центральный государственный архив Республики Казакстан, ф. 76, оп.1, д.2140. – С. 160.

² Акматов К. Мезгил. – Ф.: Кыргызстан, 1979. – С. 57.

Красин делает этот шаг по своей воле. К тому же им движет неодолимое желание поехать туда, чтобы загладить свою вину, которую в молодости совершил там. В принципе жеребцов отправляли и в Сибирь, и на Кавказ. Но Красин делает всё, чтобы поехать туда, где прошла его солдатская юность. Это его желание вызывалось ещё несколькими важными причинами. Когда он возвратился с кыргызской земли, где проходил службу, то в родной деревне увидел труп своей матери, которую неделю назад повесили белые. Это был первый очень тяжёлый удар судьбы. Конечно, можно понять состояние сына, вынужденного самому снимать с виселицы мать, чтобы предать её земле. На этом не закончились злоключения Красина. Судьба приготовила ему ещё один «подарок». Его жена Маргарита, оказалось, изменяла ему, а затем и вовсе вышла замуж за дурачка Кузьму. Мало того она распустила по хутору слух, позорящий Красина, мол, зачем «В одном доме жить двум бабам!». Это стало ещё одной из причин, ускоривших отъезд Красина. Эти следующие друг за другом беды, конечно, мучили его, заставляя анализировать свою прошлую жизнь, вспоминать добрые и отрицательные свои поступки. Именно тогда он стал вновь и вновь вспоминать те свои преступления на земле Ала-Тоо, о которых кроме него никто и не знал. Красин хорошо понял одно, какие бы преступления человек не совершил в жизни, отвечать за них придётся рано или поздно. Для того, чтобы освободиться от чувства вины, загладить грехи молодости он и едет по заданию партии в Кыргызстан, взяв с собой двух жеребцов, чтобы заняться племенным коневодством, сделав это делом всей своей жизни.

Конечно, этот, по сути, благородный путь героя не был прям и беспроblemен. Буквально с момента вступления Красина на кыргызскую землю скончалась старая Кызтуубас. Была лишь одна причина её скоропостижной смерти: через порог её юрты неожиданно переступил русский человек. Увидев Красина, бедная старушка подумала: «Кажется, я знаю этого человека», и её сердце с кровоточащей уже много лет раной ворохнулось, возвращая её к событиям прошлого. Таковую встречу кыргызская старушка, сердце которой умерло ещё в 1916 году, выдержать не могло. И Красин её хорошо знал и помнил. Для успокоения своей совести он часто думал о том, что прошлое как-то может тихо и мирно умереть вместе с человеком, но оказалось, что

это не так. Для него это стало ясно, как божий день, когда он по приезде сюда провёл первую бессонную ночь в кыргызской юрте. Этот русский человек истинную глубину своих внутренних переживаний о прошлом понял только после смерти Кызтуубас. Ала-Тоо, оказалось, не простил даже со временем тяжёлые преступления Красина, которые он совершал в 1916 году здесь вместе со своими сослуживцами. Дорого обошлись ему попытки как-то загладить свою вину за те давние преступления. Как бы то ни было, здесь он достигает своей главной цели: выводит новую породу лошадей путём скрещивания их русских и кыргызских пород, здесь он находит взаимопонимание и даже любовь, однако в финале произведения находит свою смерть от руки зятя Кызтуубас Бекнияза.

Тот факт, что Красин тесно связал свою судьбу с кыргызской землёй, куда он прибыл дважды в разное время, в разных условиях и с разными целями, объясняется кровавыми событиями 16 года. Это историческое событие сыграло важную роль не только в судьбах Красина и Кызтуубас, Зейнеп и Бекнияза, но и совсем ещё маленького Кульчоро. Писатель попытался духовное возрождение Красина показать нам через его чувства и переживания, вызванные жизненными обстоятельствами, высокими целями, поисками счастья. Однако нельзя с уверенностью заявлять, что в романе нет никаких недостатков, связанных с образом Красина. Здесь мы согласны со справедливым мнением А. Эркебаева: «...хочу отметить, если бы писатель ещё больше внимания обратил на показ перехода главного героя от одного состояния к другому, т.е. от превращения бывшего карателя в поборника новой жизни, его душевного катарсиса от глубины его истинных переживаний по поводу совершённых им когда-то преступлений, то образ Красина стал бы ещё многограннее, жизненно сложнее. К сожалению, этого в романе нет. Вместо глубокого анализа внутренних причин процесса перехода Красина к новой жизни К. Акматов ограничился здесь лишь некими констатациями»¹.

Духовное возрождение образа Красина во многом обусловлено одной из героинь романа – молодой кыргызской женщины Зейнеп. Процесс реального изображения появления тёплых чувств между этими героями произведения потребовал от автора особой прони-

¹ Эркебаев А. Элдик эпостон адабий эпоско. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 237.

цательности, трепетной бережности и мастерства. Конечно, Зейнеп не сразу открыла свои чувства Красину. Во-первых, она не свободна, является женой непримиримого противника Красина Бекнияза. Во-вторых, требовалось какое-то неожиданное событие или важная причина, чтобы Зейнеп прониклась чувствами к человеку, повинному в смерти своей матери. Когда женщина была в состоянии душевного перепутья, «барьеры» были разрушены близкими отношениями, установившимися между Красиным и её сыном в связи с племенными жеребцами. Несмотря на то, что автор вовсе не ставит целью специальное изображение темы любви в романе в связи с установившимися литературными традициями, скажем, как это было в случае айтматовских Джамили и Данияра, есть момент, на который необходимо обратить специальное внимание. Это художественный параллелизм, выразившийся в динамизме авторской концепции развития сюжета, неожиданном использовании художественного символа. Мы уже отмечали самобытность писателя в отношении изображения единства событий и условий, точнее говоря, новаторском отношении к ним. Писатель «свою идею передаёт с помощью образов, отражающих логику его мыслей, образов, появившихся из логики условий»¹.

После исторических событий 1916 года, даже после революции вполне закономерным было недоверчивое отношение простого кыргызского человека к представителям русского народа. Именно этим характеризуется отношение героев романа «Время земное» Кызтуубас, аджи Шатмана, Бекнияза, Кульчоро и Зейнеп к новой жизни, русскому человеку Красину, формирование и развитие их мировоззрения, происходившее в сложных жизненных условиях и обстановке. Недаром известный литературовед К. Асаналиев, говоря о манере К. Акматова глубоко исследовать социально-психологический слой жизни, горячо поддерживает вступление писателя на путь тщательного анализа глубинных уголков душевного мира человека. Роман «Время земное» по своей философско-социальной концепции, изображению духовного мира человека и культуре художественного мышления считается новым словом в процессе развития кыргызского романа. Это произведение кардинально отличается от других тем, что значительный упор в ходе художественного анализа национально-освободительного

¹ Аскарров Т. Көркөм образдар дүйнөсүндө. – Ф.: Кыргызстан, 1967. – С. 49.

восстания 16 года делается на философско-социальных обобщениях, сознательном и глубоком анализе этого исторического события.

В романе события Уркуна не изображаются в мелких деталях. Вообще К. Акматов как писатель отличается особой собранностью своих мыслей, скупостью на описание несущественных деталей. В романе, о котором мы ведём речь, эти особенности писателя доведены до совершенства. Поэтому «Время земное» – не столь объёмный роман с особой экспрессией, прочитываемый на одном дыхании. Образ Кызтуубас, умершей в самом начале произведения, проходит опосредовано через весь роман, играя здесь основную роль. Тяготы, выпавшие на её долю, не были лишь личной трагедией героини книги. В романе огромное значение придаётся этой трагедии. Узел всех событий – завязан на этой трагедии. Здесь разговор вовсе не в усложнении того давнего случая, когда юная кыргызская девушка умирает от рук опозоривших её царских солдат, а в перипетиях той великой трагедии, которую пришлось пережить всему кыргызскому народу в тот страшный год. В романе не создаётся искусственная драматизация в описании этих событий. Писатель тонко и неторопливо рисует не очень ясные на первый взгляд, казалось бы, чуть потускневшие от времени события.

«На следующий день оставшиеся в живых люди небольшими группами бежали через горы в Китай. Кызтуубас сняла свой браслет из серебра и, завернув его в платок, обернула его вокруг пояса Зейнеп с мыслью, что ювелирное украшение может быть наградой тем людям, которые на чужбине позаботятся о её дочери. Затем она поручила Зейнеп заботам бегущих в Китай родственников, а сама направилась в горы на поиски пропавшей дочери. Судя по разговорам людей, солдаты карательного отряда со словами: «Вот, посмотрите все кыргызы на это» большую группу совсем молоденьких девушек погнали на вершину Кызыл-Жара и там, изорвав штыками их платья и шаровары, выстроились в длинную шеренгу и стали сбрасывать девушек живьём в пропасть...»¹.

Есть исторические свидетельства, доказывающие, что такие случаи на самом деле имели место в те кровавые дни. Кызтуубас находит

¹ Акматов К. Указ. книга. – С. 48.

бездыханное тело своей дочери Кукюк, висящее высоко на ветвях высохшего дерева в густом лесу у самого подножия пропасти. Собственно, это было уже не тело её дочери Кукюк, а разбитое при падении по камням кровавое месиво из плоти и костей, а также проломленная в нескольких местах голова. Вот такие нечеловеческие испытания, выпавшие на долю Кызтуубас, и дальнейшая её жизнь эпизодически описываются писателем для подкрепления каких-то остро психологических ситуаций романа.

«В какой-то момент рядом послышался звук приближающихся шагов, кто-то подошёл, взял Кызтуубас за руку и, приведя к небольшой могиле со свежим холмиком земли, прочитал над ней куран. Когда Кызтуубас подняла свои ладони, чтобы провести их по лицу, худые растопыренные пальцы показались ей солдатами, врывающимися в их дырявый шалаш. Женщина вновь потеряла сознание и ничком упала на могильный холмик. Всё, что было потом Кызтуубас плохо помнит. По правде говоря, ей ни до чего уже не было дела. Она и не спросила в прошлый раз встретившегося ей в Кызыл-Жаре аджи Шатмана, кто он, чем занимается. Выполняла всё, что он говорил ей, следовала за ним, как тень, сопровождая его повсюду. Только иногда (никто кроме Кызтуубас не знал, что это за дни) она бросала всё, что делала и, не глядя на время суток, медленно направлялась в сторону арчевника у подножия Кызыл-Жара и долго бродила среди деревьев»¹. Как можно заметить по этому отрывку, писатель сумел точно передать сложное психологическое состояние Кызтуубас, показать её горестную судьбу. В романе автор очень правдиво и образно изобразил, что мученическая смерть дочери стала неизлечимой раной в сердце простой кыргызской женщины, и эта рана в конце-концов и убила её. Из этого мы можем заключить, что своего высшего писательского апогея К. Акматов достиг именно в романе «Время земное».

Правду, о которой было запрещено говорить, писатель с помощью юмора и иронии посылает в цель, в самую середину мишени. Действительно, к участникам и героям изображаемых событий, да и вообще ко всему народу в своём произведении автор относится с какой-то ласковой, несколько ироничной манерой, что позволяет ему незаметно затрагивать запрещённые властью вопросы. К примеру, с помощью подобных

¹ Там же . – С. 50.

средств с осторожностью реально описывает недоверчивое вначале отношение простого народа к советской власти, их настороженное нежелание приступить к строительству совхоза «Прогресс», а также множество трудностей, которые сопровождали переход людей к новой жизни. Даже при описаниях картин, связанных с судьбой Кызтуубас, автор не боится использовать подобные приёмы. Это совершенно не мешает показывать истинный лик трагической судьбы героев, скорее наоборот, трагедийная окраска, используемая автором в несколько ироничной обрисовке, способствует большей яркости.

Роман Казата Акматова «Время земное» имеет новаторский характер не только новым самостоятельным отношением к национально-освободительному восстанию кыргызского народа в 16 году или новым отношением к «русскому феномену» (К.Асаналиев). Главные герои в нём живут самостоятельной жизнью без всякой зависимости «от высшей воли» автора. Их размышления и восприятие исторического времени, пробуждение в их душах национального достоинства, эволюционное усложнение психологии персонажей – дополнительные плюсы романа. Самое главное, передача нового отношения к теме, жизни человека, правде истории через художественное мышление писателя значительно усиливает эстетическую ценность произведения.

Не может не вызывать интереса тот факт, что отображение национально-освободительного восстания кыргызского народа в 1916 году в жанре прозы происходило в разной форме (в виде автобиографий, мемуарном характере, художественном повествовании о жизни). Влияние психолого-эмоционального характера повести К. Баялинова «Ажар», жёсткий реализм автора по отношению к правде жизни в романе М. Элебаева «Долгая дорога», попытки выразить художественное отношение к характеру истории, исторической вере, единству истории с правдой жизни в романе Э. Турсунова «Ата Журт», ударение на показе философского значения истории времени, попытки раскрыть с его помощью нравственные стороны психологической трагедии в романе К. Акматова «Время земное» – свидетельство весьма долгих и напряжённых поисков и находок на этом пути. Эта тема и проблема permanently подвергаются художественному исследованию, а это способствует раскрытию правды трагедии урока истории.

Трагедия исторической правды. Почему трагедия? Почему трагедия правды истории?

И в «Ажар», и в «Долгом пути», и в «Ата Журт», и в «Холме распрей», и в «Время земное», и во всех других произведениях, прямо или косвенно изображающих события 16 года, изображается судьба человека, его жизненная трагедия. Поэтому у Ажар такая судьба и такая страшная смерть. О трагедии, о жизни между смертью и жизнью нам рассказывает, по сути, подросток Мукай. Оказалось, что трагедия это не только смерть, это и сложная судьба, это и борьба за существование. Просто описывать гибель героев своего произведения, это не их судьба, не трагедия и не борьба. Поэтому трагическое событие следует преподносить в состоянии трагизма, трагического содержания. Трагедия правды истории при этом открывается постепенно и такой, какая она есть. Приведём пример, В романе «Время земное» и Кошой, и Красин, и Шатман аджи в этой борьбе противоречий не понимают только время, жизнь и прошлое. Они прекрасно знают себя и с первого взгляда понимают, кто есть кто. Не ограничиваясь этим, через горькую правду о самом себе они встречаются со сложностью сознания, противоборством, проходя сквозь адские испытания борьбы за правду жизни. Они борются за то, чтобы покорить противоречия понимания своего самосознания. Нельзя отрицать, что в основе этого в обязательном порядке лежат моральные, психологические, нравственные личные интересы.

Противоречивость характеров, перешедшая в отрицание взглядов друг друга, возникла из борьбы между новым и старым. Диалектическая природа этой борьбы и обусловила человеческую судьбу, её трагедию. Авторская концепция правды жизни, человека, судьбы человека, времени и прошлого в романе «Время земное» приводит к идее, логике, трагедии времени и человека. Эта концепция, не говоря о другом, хорошо заметна в трагедии Кошой. Она не изображается только как трагедия Кошой, раскрываются и образы других героев, их особенности и действия. Поэтому мы обосновано можем утверждать, что система образов романа подчинена концепции человеческой трагедии.

Трагедия – не пессимистическая судьба. Она – эстетическая категория, ибо кто может отрицать, что художественно-эстетическая сила повестей и романов Ч.Айтматова «Прощай, Гульсары!», «Белый

пароход», «И дольше века длится день», «Плаха» построена из трагических наслоений, а их философская суть упирается в исторический оптимизм? Не лежит ли то же самое в художественно-эстетической основе романа Т.Касымбекова «Сломанный меч»? Не составляют ли философию трагедии человека известные произведения Ю. Бондарева «Берег», П. Астафьева «Царь-рыба», В. Распутина «Живи и помни» и др.? История состоит из судьбы человека и трагедии человека. Следовательно, само нетрагическое отношение к истории приводит к односторонности. Трагедия в романе К. Акматова «Время земное» есть трагедия жестокого времени и истории.

С течением времени отражение исторических событий и исторических личностей в художественной литературе обретает разностороннее отношение. Вот, что говорит об этом известный литературовед А. Акматалиев: «Умение наряду с историей понимать исторические произведения – это умение с помощью художественного мышления образно представить себе основные этапы пройденного нашими предками пути, порадоваться их победам, сожалеть об их горестях, попытаться найти пути заботы о будущем, принять на себя ответственность и обязанности. История – наши корни, художественное произведение – могучий платан, выросший из этого корня...»¹. Если исходить из этих позиций, то «если положительные или отрицательные события истории, какие-то перегибы с течением времени можно постепенно нивелировать, выправить в соответствии с «диктовкой» времени, то судьбы образов художественного произведения много сложнее, до тех пор пока сам автор не перепишет, переработает или отредактирует их, они должны трактоваться как есть. Поэтому, поскольку образы многих исторических личностей с идеологических позиций подверглись «фильтрации», «очистке», взгляды писателя нельзя рассматривать в отрыве от общественно-политического времени, в котором создавалось произведение»². Эти мысли вполне применимы к произведениям писателей, которые пытались отобразить события национально-освободительного восстания, или прямо изображали их. Произведения К. Баялинова «Ажар», М. Эле-

¹ Акматалиев А. Көркөм чыгарма жана тарыхый баатыр инсандар. – Б.: Манас таануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 1990. – С. 173.

² Там же. – С. 7–8.

баева «Долгий путь», А. Токомбаева «Кровавые годы», К. Маликова «Удальцы», К. Акматова «Время земное» и др. в своё время прошли «допросы» политической идеологии, отдельные из них были «отлучены» от читателя, подверглись значительной переработке соответственно велениям времени. Это правда истории.

2.3 Отображение событий 1916 года в романах Т.Сыдыкбекова

В 1970 – 80-е годы в нашей литературе ожидалось исследование с новых позиций темы национально-освободительного восстания кыргызского народа в 1916 году, трансформация исторических образов тех лет на новом уровне, на новой качественной ступени. Почему? Да потому, что наша национальная литература в тот период достигла своей зрелости, переживала возрождение. Поэтому были все возможности для этого. Одна из причин ожидания настоящего исторического произведения, основанного на истинной истории 1916 года, была именно в этом. Это было даже не ожиданием, а литературной необходимостью. Однако политическая идеология того времени не давала возможности столь свободно мыслить, изображать правду истории такой, какова она была. Поэтому событие 16 года не смогло обратиться в истинно художественное произведение. То время по большей части отображалось опосредовано, т.е. в некоем произведении изображались воспоминания некоего героя о прошлом, о своей жизни. Именно такую ситуацию имел в виду М.Бахтин, говоря: «Автор – пленник своего времени, своей эпохи»¹. Но какой пленник? Сторонник исторической правды или человек, подчинившийся политике времени? У нас, судя по всему, было второе. Роман Тугельбая Сыдыкбекова «Жол» (1982) был издан в то время, когда тема 16 года была под запретом не только в литературе, но и во всей общественной жизни. «Жол» – одна из книг писателя автобиографического характера. Хотя по отношению к ней такого определения не давали, время действия романа (до 1943 года), книги, которые описывали последующее время («Бел-белес») дают возможность в условном виде говорить об этом.

¹ Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – С. 505.

Прежде чем начать разговор об этом романе следует сделать одно отступление. Оно связано с определением «автобиографичный», даваемым этому роману.

В начале 70-х годов прошлого века литературовед К.Асаналиев высказал с одной стороны весьма спорную, с другой – удивительную, совершенно неожиданную мысль о художественной природе современного ему кыргызского романа, о процессе его жанрового формирования. Если опираться на это мнение литературоведа, то можно заметить, что жанр романа в нашей национальной литературе дифференцируется на исторический, психологический, биографический, публицистический, социально-бытовой (может, и другие). Спорная и кажущаяся удивительной мысль именно в этом. Как бы то ни было, он этим своим мнением ребром ставит очень справедливую проблему и уточняет причину, по которой высказал свою мысль. Она в следующем: «Суть в том, на каком уровне подобная дифференциация выполняет свою литературную функцию. Кроме того, разве невозможна, наряду с этим процессом, интеграция жанровая. Например, известно, что один и тот же роман может быть создан из единства философских размышлений, социально-исторических реминисценций, мифологических отступлений, психологизма, подтекстов и др. Можем ли мы сейчас привести пример романов подобного типа из кыргызской литературы или нет? Не «отстаёт» ли кыргызский роман от этого процесса?»¹.

Только теперь становится ясным, что то кажущееся странным и спорным мнение является литературно-научным требованием к сегодняшнему состоянию жанра романа, внутреннему диалектическому развитию жанра, его обновлению, содержательной природе и даже к его структурному характеру. Потом, если рассматривать с этих критериев, с позиций этого требования, то мы упрёмся в освоенные сегодня кыргызским романом или ещё не освоенные проблемы. Во-вторых, в самом этом мнении известного литературоведа мы чувствуем мысль о том, что жанр романа не подчиняется застывшим канонам, он обновляет свои содержание и формы, а если понадобится и изменяет их. Это не отрицание традиций жанра, скорее наоборот, это свидетельство того, что, испытывая обуславливающие возникновение клас-

¹ Асаналиев К. Көркөм бийиктиктер. – Ф.: Кыргызстан, 1974. – С. 167.

сических образцов процессы, литература находится в перманентном состоянии обновления.

Этот закон требования времени говорит о том, что произведения, написанные на основе исторического события или самой истории, на основе биографии или автобиографии известной личности, должны опираться не на художественный опыт, скажем, 30-х годов, а на новые, более высокие образцы словесного искусства. Только тогда через образ героя можно будет раскрыть образ исторической эпохи, противоречия между психологией человека и временем, сложный процесс пройденного пути, судьбу человека, ставшую сложным узлом истории.

Здесь речь не о том, чтобы рассказать всю жизнь исторической личности, не излишнее приукрашивание приёмами фольклора, суть в том, чтобы на основе эстетики создать художественную концепцию эпохи и истории, истории и человека. К тому же, в данном случае и стиль писателя, и его мышление должны соответствовать характеру темы. Вот что говорил академик Д.С. Лихачёв об общем стиле писателя соответственно теме, изменении художественного мышления, изменении характера и борьбе этих понятий в творческом процессе: «...стиль реалистических произведений изменяется в зависимости от того, что изображает писатель. Даже в одном и том же произведении этот стиль меняется, и при этом не только в речах действующих лиц, впервые в реалистическом искусстве заговоривших так, как им положено говорить в действительности, но и в авторском изложении»¹. Действительно, стиль «Анны Карениной» Л. Толстого не такой как в «Севастопольских рассказах», а «Воскресение» на «Анну Каренину» вовсе не похоже. Что это, тысяча изменений писателя или процесс, связанный с творческим поиском? Это смелое вступление в муки творческих поисков, это воссоздание себя, как писателя, в ходе именно этого сложного процесса, нахождение писательского характера, выработка своего стиля.

Эту мысль можно подтвердить словами литовского писателя Миколаса Слущкиса. Он говорил, что его цель и мечта – родиться вновь с каждым своим романом, ожидая от него нового открытия, создание

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1971. – С. 165.

каждого из них непохожими на прежние¹. Есть серьёзные основания рассматривать роман Т. Сыдыкбекова «Жол» именно с таких позиций. Во-первых, как следовало изображать события 16 года в период с «Долгого пути» до романа «Жол»? Во-вторых, что нужно было учесть писателю при описании того времени в автобиографическом произведении? Нужно было делать упор на то, чтобы просто рассказать, как о совершившемся событии, или показать, как историю на основе правды истории? Какие различия есть между двумя автобиографическими романами и какое качественное обновление мы можем заметить? Такой вопрос вполне возможен, учитывая время, которое прошло между романом «Долгий путь» М. Элебаева и романом Т. Сыдыкбекова «Жол».

В романе «Жол» повествуется о тридцати годах жизни писателя. Основную линию содержания произведения составляют не острые сюжетные события, не трагические ситуации и драматические столкновения. Мы видим, что здесь в основном, мировосприятие автора, путь его формирования как человека, события, которые он видел и пережил, дореволюционная жизнь кыргызского народа и перед самой Великой Отечественной войной. Изображаются быт народа того времени, тяжёлые дни на китайской земле, культурные перемены в Ала-Тоо, просвещение 20 – 40-х годов и литературная жизнь. Автор описывает человеческие качества деятелей, которые стояли у самых истоков формирования кыргызской письменной литературы и культуры. Содержание романа помогает читателям хорошо представить и понять то время. Художественный уровень произведения в значительной мере обусловлен образом матери автора Айымкан, трагическими судьбами его старшего брата Туменбая и Василия Коровина, а самое главное, жизненностью образа «я» героя. Но, несмотря на это, выход в свет романа «Жол» вызвал самые разные мнения в литературной критике. «Забойщиком» здесь выступил известный литературовед Ш. Уметалиев со своей статьёй «Субъективные повествования»².

Конечно, автобиографическое произведение не является чем-то новым в кыргызской литературе. Скорее обратное, оно было нерас-

¹ *Слуцкис М.* О некоторых аспектах современной прозы // Дружба народов. – 1972. – № 5.

² *Уметалиев Ш.* Субъективдүү баяндар // Кыргызстан маданияты. – 1985. – 28 февраля.

торжимым единством в период становления национальной прозы, в определённой степени этот жанр придал первым прозаическим произведениям определённые характерные черты. Хорошим примером здесь может быть «Долгий путь» М.Элебаева, который сослужил службу образца для последующих литературных явлений. Следовательно, роман «Жол» основан на опыте произведений автобиографического характера в сфере национального художественного слова, созданный в то время, когда литературные образцы других народов были доступны нашим писателям. Во-вторых, не надо забывать, что творческие уроки писателя уже представляли самостоятельный художественный мир, высоко ценимый читательской общественностью. Поэтому закономерным явлением был тот факт, что роман «Жол» своими новыми чертами, новым качественным уровнем отличался от предшественников, придавая природе жанра дополнительные художественные качества, отличаясь самостоятельностью отношения автора к теме и творческими поисками. К сожалению, несмотря на присутствие в романе многих положительных качеств, требовательный читатель не находит здесь ожидаемого эстетического уровня, масштабности мышления. Нет здесь историчности и философичности, показывающих диалектическую связь отдельного человека с народом, народа с жизнью, жизни и общества. Прямо говоря, это так. А почему?

Писатель выбрал самый удобный и нужный путь. Известно, что жизненный путь автора, пережитые им события, плодотворная творческая стезя теснейшим образом связаны с историей формирования и дальнейшего развития кыргызской письменной литературы, которая сопровождалась до сих пор не до конца выясненными проблемами и борьбой. Поэтому писать о былом для Т. Сыдыкбекова и легко, и одновременно трудно. Понятно, что писать воспоминания о своей жизни, о себе, о пережитом и перечувствованном гораздо легче, чем создавать историческое произведение. Попробуем поискать ответ на вышеозначенный вопрос.

Как уже отмечалось, голый пересказ всех событий в том виде, в котором они происходили, упростили познавательную роль произведения, во многих случаях оно осталось на уровне лишь передачи информации. Именно из-за этого отдельные литературоведы, скажем,

Ш. Уметалиев рассматривали роман «Жол» лишь в качестве «субъективных повествований»¹, твёрдо утверждая, что это не автобиографический роман: «его нельзя считать раскрытием секретов или мемуарами, по содержанию оно не выходит за рамки воспоминаний о своей жизни»². Для справедливости следует отметить, что и сама статья «Субъективные повествования» в общем и целом тоже может восприниматься как субъективные повествования литературоведа. Хотя совершенно «проходные» события в романе, односторонние размышления об ушедших современниках, выпячивание на первый план авторского «я», натуралистические картины, действительно, оставляют впечатление лишь субъективных воспоминаний автора. Литературовед специально заостряет внимание на этой стороне романа.

С этих позиций во многом более реальными представляются мысли другого литературоведа А. Эркебаева. Он предлагает называть жанр произведения «автобиографическим мемуарным повествованием»³. Наша цель – не определение его жанровой природы, не выявление того, кто прав в этом споре. Поскольку нас интересуют вопросы, связанные с событиями 16 года, не вдаваясь в спорные моменты, будем вслед за автором рассматривать произведение в качестве романа.

Как отмечает сам автор, ему было четыре года, когда произошли события Уркуна 1916 года. Следовательно, автор повествует о событиях национально-освободительного восстания на основе услышанного и прочитанного в книгах и документах. Понятно, что, не являясь участником и даже свидетелем тех событий, автор не понимал с юности их сути. Повествователь – не участник и даже не рассказчик, он пересказчик воспоминаний. Задача писателя, как пересказчика воспоминаний, – в определении того, что может прямо влиять на характер, содержание, художественный уровень произведения и повышение его художественной эстетики. Иначе говоря, автор, не будучи полностью уверенным в своих возможностях свободно и творчески размышлять об услышанном, остался в плену простого пересказа. На наш взгляд, основные недостатки произведения следовало искать в этой плоскости.

¹ Уметалиев Ш. Ак дил. – Ф.: Кыргызстан, 1986. – С. 148.

² Там же. – С. 149 – 150.

³ Эркебаев А. Кыргыз прозасынын контрастары. – Ф.: Кыргызстан, 1983. – С. 95.

Ввиду отмеченного, в романе нет даже упоминания об исторических и психологических причинах и условиях, обусловленных социально-политическими и экономическими причинами жизни народа в канун 16 года. Автор нигде даже не упоминает фразы вроде: «как позже выяснилось, оказалось дело было так». Вероятно, писатель излишне понадеялся на силу своей памяти, пытаясь передать все события на материалах воспоминаний, услышанных им от других. Поэтому писатель вовсе не говорит о событиях 16 года как об исторических, не упоминает о причинах страшной трагедии, противоречиях между русскими переселенцами и местным населением, о политике царизма, её истинных целях. Всё это передано лишь как фрагмент, осколок прошлой жизни. Это рассказ о том, что осталось в памяти автора с учётом его юного возраста, понимания и восприятия.

В романе о приближении бедствия 16 года мы можем узнать на примере перекочёвки жителей Кен-Суу на Чон-Таш. Начало события в романе описывается так: «Люди рода Алыбай, издавна живущие в Кен-Суу, теперь стали соседями рода шапак. Главы родов сразу же принялись бороться за власть. Эшимбек сын Жайнака из шапаков получил половину должности волостного. Противоборствующие роды не смогли придти к согласию. С каждым днём усиливались споры по поводу пастбищ, земли для проживания»¹. Далее вскользь говорится о том, что пастбища-летовки и зимовки переходили из рук в руки, и всё это происходило по решению большого и малого начальства. Тогда-то и состоялось переселение людей: «Оставляя другим зелёное раздолье Кен-Суу, где многие годы располагались их жилища, жители нашего аила перекочёвывали на Чон-Таш. Мычат коровы. Завывают и лают собаки. У людей на глазах слёзы – это кочевье вовсе не было похоже на прежние перекочёвки. Даже я чувствовал, что это печальное, тягостное переселение, ведь в этот раз я видел слёзы не только своей матери, даже седобородые аксакалы были угрюмы»².

Да, и в «Долгом пути» М.Элебаева, и в «Ажар» К.Баялинова, и в «Молодцах» К. Маликова, и в «Холме распрей» А.Убукеева, и в «Ата Журте» Э. Турсунова говорится, что в результате «усыхания» земель стояла опасность потери исконных пастбищ и территорий для жилья.

¹ Сыдыкбеков Т. Жол. – Ф.: Мектеп, 1982. – С. 23 – 24.

² Сыдыкбеков Т. Там же. – С. 25.

Однако в них в качестве фактов истории, правды жизни приводились случаи насильственной записи в солдаты, предоставления значительных земельных площадей русским переселенцам, перекосы царской политики, обострение классово-борьбы, открытое недовольство народных масс, подготовка их к вооружённой борьбе и даже эпизоды нападения на властимущих и русских людей. Такие события, схожие ситуации являются фактами истории. С этим не поспоришь. Ведь национально-освободительное восстание 1916 года во многом было обусловлено множеством подобных конфликтов, событиями, происходившими там и сям. Однако схожесть событий и ситуаций, повторение конфликтов вовсе не обуславливает появление произведений с одинаковыми сюжетами и содержанием. Ибо каждый писатель обязан по-своему видеть и извлекать из этих событий различные идеи и мысли, создавать героев с разной психологией, показывать их индивидуальные судьбы. Именно эти находки составляют сюжетную основу произведений, с помощью различных конфликтов писатели обогащают и укрепляют их содержание. Решение художественной идеи, передача авторской концепции в целом связана с этими вопросами.

Следует отметить, что схожие события каждый писатель использует по-своему, на различном уровне. В своём романе Т.Сыдыкбеков эти события передаёт нам глазами мальчика, его размышлениями и в его восприятии. Само это, наверное, было вызвано тем методом, который избрал писатель и его знанием своего творческого мастерства. Однако, этот приём, что называется, не сработал, нет здесь живой реакции детских чувств, описания влияния, которое жизненные явления оказали на внутренний мир мальчика, на его мысли и мечты, психологию. События лишь описываются. Как внутренний мир мальчика воспринял эти события, если воспринял, то в какой мере и состоянии, какое влияние они оказали на его чувства. Подобных психологических, нравственных процессов, происходящих в душе лирического героя, в романе нет. Повествование напоминает больше размеренный рассказ весьма сдержанного взрослого человека. «Даже я чувствовал, что это печальное, тягостное переселение» – говорит герой.

Да, перед этими словами упоминается о слезах женщин и стариков, вынужденных покидать насиженные места, говорится, что это трагедия. Однако эта ситуация вовсе не трогает душу лирического

героя. Как душа и сердце мальчика восприняли это переселение, что он чувствовал в это время? На этот вопрос читателю трудно получить ответ.

Подобные ситуации в «Долгом пути» изображаются в более реалистическом плане. Они точнее, более правдоподобны и в плане раскрытия внутренней сути события, и в плане влияния их на психологию человека.

«Я» героя «Долгого пути» по сравнению с «я» героя романа «Жол» глубоко переживает из-за происходящих событий, естественнее участвует в их разрешении, может из самого этого процесса создать глубокий психологический конфликт как для себя, так и для других людей, может своим рассказом заронить во внутренний мир слушателей искру сочувствия. Попробуем с помощью примера подкрепить свою мысль.

Писатель М. Элебаев, рассказывая о событии в местечке Кыргыз-Сай, изображает жестокость и насилие одного из солдат. Сравним: кто этот солдат, русского царя или кого-то другого, герой этого не раскрывает, да и не знает этого. У Т. Сыдыкбекова причины перекочёвки раскрываются достаточно подробно. Но кто об этом рассказывает, лирический герой 3 – 4 лет или?..

Лирический герой М. Элебаева кровавое событие проводит через своё сердце, в результате его влияния на сознание находит человеческую психологию, а с помощью тяжёлого состояния психологии человека раскрывает насколько трагично это событие. Однако, он не знает, кто этот солдат, чей он. Обратимся к жизни. Лирический герой – юный Мукай. Следовательно, он столкнулся с изображаемым событием примерно в 10 – 11 лет. Значит, это событие он передаёт через восприятие этого 10 – 11-тилетнего отрока. К тому же автор предупреждает: «Здесь я не прибавил даже одного лишнего слова. Наоборот, о многом не сказал». Обратимся к произведению: *«Если бы я не рассказал об этой ночи, это осталось бы неоплатным долгом на моей шее. Ведь никто кроме меня этого не расскажет. Во-вторых, ведь я никогда не увижу этого как в ту ночь, в том самом месте. Здесь я не прибавил даже одного лишнего слова. Наоборот, о многом не сказал...»*¹.

¹ Элебаев М. Узак жол. – Ф.: Кыргызстан, 1971. – С. 130.

Что это? Копирование того давнего события в том самом виде? Или натурализм? Нет, это не так, это стремление изобразить событие так, чтобы в его реальности не возникло сомнений, раскрыть его в точности, правдиво и исторично, попытка вынести образ истории времени на передний план. «Не прибавил даже одного лишнего слова» – та самая правда. «О многом не сказал» – заявлено в связи с мастерством автора.

Как можно видеть, лирический герой свои размышления, взгляды на событие, отношение к нему, переживания находит в той ситуации и в реалистическом плане развивает. Не даёт к ним комментариев, объясняет через психологическое состояние героя. У Т. Сыдыкбекова не так. Если у М. Элебаева к тем событиям и ситуациям отношение – с позиций того времени, то у Т. Сыдыкбекова – к тому, что сохранилось в памяти, добавляются какие-то поздние житейские подробности, они объясняются, обобщаются. Во-вторых, в «Долгом пути» М. Элебаева события 1916 года, а также связанные с ним тяготы жизненного пути героя не даются скопом, не перечисляются по одному. В соответствии с ходом содержания произведения самые важные случаи приводятся постепенно, по мере надобности, и в них основной упор делается на изображении психологических изменений в характерах и внутреннем мире героев. Результатом этого становится то, что трагедия национально-освободительного восстания 1916 года, тяготы, испытанные народом в то время, судьбы героев, их психология убедительно раскрываются.

В романе Т. Сыдыкбекова «Жол» на первом плане стоят попытки рассказать все перипетии события, желание объять необъятное. Поэтому автором практически не уделяется внимания тому, чтобы осуществить психологический анализ событий и перемен во внутреннем мире людей, попыток психологических размышлений. Это незаметно в качестве основного звена, составляющего сюжетную и художественно-эстетическую основу произведения, также совсем незаметно его влияние. В-третьих, в романе М. Элебаева «Долгий путь» лирический герой самые важные в его понимании события национально-освободительной борьбы 1916 года, ставшие тяжёлой трагедией для народа, связывает со своей жизнью и судьбой, потому и рассказ об этом отличается живой реакцией. Однако он здесь не стоит на первом

плане как герой, руководивший всем ходом событий, или как всезнайка, не считает себя самым важным. Лирический герой присутствует во всех событиях, в том числе и самых драматических случаях. Иначе говоря, он всегда в гуще событий. Поэтому он не руководит естественным ходом событий, вступая в дело только в моменты усиления влияния повествования. Он бережно и всесторонне использует условия, способствующие живому восприятию, образной подаче, появлению интереса и естественности. А в произведении Т. Сыдыкбекова «Жол» лирический герой в большинстве случаев изображается в качестве оценщика событий, его лирическое «я» передаётся с высоким пафосом. Являясь рассказчиком, лирический герой знает, что было в прошлом и что произойдёт в будущем. Если в «Долгом пути» черты реалистического психологизма хорошо заметны, то в романе «Жол» идея пересказать всё, чтобы создать эпическое произведение, оставляет впечатление основной цели.

Следовательно, возвращаясь к «Долгому пути», мы можем отметить, что уже в период создания произведения, иначе говоря, уже в 30-е годы в жанре кыргызской прозы проблема психологизма начинала разрабатываться, примером чего может выступать книга М. Элебаева, о которой мы ведём речь. С помощью показа изменений внутреннего мира героя, его мыслей и действий, взглядов писатель одновременно повышает художественный уровень образа, усиливает его роль и создаёт незабываемые качества. Превращая такие психологические процессы в художественный мир, писатель не ограничивается лишь тем, что показывает состояние героя, движение его мыслей и чувств, влияние переживаний, диалектику души в описываемые моменты. Параллельно с этим сложным психологическим процессом идёт работа по показу противоречий при развитии чувств, самостоятельной системы мыслей, возникших из этих противоречий, спрятанной в них авторской концепции. Об этом прекрасно сказал в своих трудах Н.Г. Чернышевский. Говоря о произведениях Л. Толстого, он отмечает его умение передать сложность внутреннего мира человека, а через это мастерски раскрыть человеческую психологию: «Особенность таланта графа Толстого состоит в том, что он не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс, — и едва уловимые явления этой внутренней жизни,

сменяющиеся одно другим с чрезвычайной быстротой и неистощимым разнообразием, мастерски изображаются графом Толстым»¹. Эту мысль вполне можно применить по отношению к «Долгому пути» М. Элебаева.

Продолжим ранее высказанную мысль о романе «Жол». Мы уже говорили, что его лирический герой ведёт себя как сторонний наблюдатель, рассказывает о былом как очень степенный человек. В общем, это так. Возможно, это любимый приём автора или вопрос, связанный с уровнем его мастерства, а может качество, присущее его художественному мышлению. Как бы то ни было, положительная сторона этих мыслей в романе хорошо заметна в изображении кровавых событий (такие случаи присутствуют, а также при изображении жизни и быта, обычаев и традиций кыргызского народа). Эта особенность хорошо заметна при изображении подготовки к кочевью и во время кочевья на родину, в Ала-Тоо, Иссык-Куль, на землю, куда капнула кровь пуповины, а также в обрисовке почтения старцев к своей родине, их мольбах о мире и согласии. Свидетельством этому могут стать эпизоды, изображающие муки людей по пути в Китай, страдания на чужбине. Эта самобытность проявилась и в попытках автора сделать упор на изображении тяжёлой жизни кыргызов, которые несмотря ни на что, продолжали хранить свои традиции и обычаи. Автор рисует внутренний мир и психологию народа. Здесь мы можем остановиться на изображении двух-трёх характерных случаев и, конечно, на событиях, связанных с 16 годом.

Есть эпизод, повествующий о поистине адской жизни кыргызов в Китае. Среди кыргызов, зимними ночами собирающих оставшиеся под снегом в местечке Табылгыты, несжатые колосья ячменя, чтобы не умереть от голода, была и семья лирического героя. В одну из ночей оттуда не возвратилась жена старшего брата героя Асылжан. Оказалось, что её силой оставил солдат, который охранял кыргызов, бежавших на чужбину с родной земли. Лирический герой рассказывает об этих солдатах, о том, почему они охраняют, со слов взрослых людей, которые он запомнил. Через несколько дней Асылжан вернулась опухшая от голода и вся растрёпанная, легла, отвернувшись к стене, и рыдала. Свекровь, жалея её, ни о чём не спрашивает.

¹ *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. – М.: Советский писатель, 1971. – Т. 3. – С. 427.

Причина её отсутствия не рассказывается, однако из следующих ниже слов матери героя мы понимаем, что произошло.

«Однажды утром, когда мы пили сваренный в воде ячмень, моя мама негромко сказала невестке:

– Не переживай так, доченька дорогая... Главное, чтобы суженный твой был жив и здоров... Не думай ни о чём, дочка. Как ты, птенчик, могла воспротивиться насилью...

На следующий день после этих слов моей матери я видел Асылжан сидящую у реки и глядящую куда-то вдаль. Рядом с ней стоял старый медный чайник, в котором мы кипятили воду. Она не двигалась, только смотрела куда-то. Сидела и смотрела... В тот день моя жене не вернулась домой. Пропала. Куда ушла? Сама ушла или с кем-то?!»¹.

Мысли о таких людях, отличающихся чувством своего достоинства, передаются во фрагментах, связанных со старшей сестрой лирического героя Масылкан. Ему вспоминаются и мужчины, которые вместо того, чтобы гарцевать на лошадях, ходят с палкой в руках, чтобы не упасть от голода. От них мальчиком он слышал часто слова «ненависть», «мечь», эти мужчины днём прятались, в мыслях вынашивая мечту вытребовать в урочный час виру от русских. Чиновники белого царя изображаются теми же средствами, что и солдаты, проливавшие кровь кыргызского народа. С этой стороны автор с верных позиций оценивает жизненные понятия и мысли своих героев. Конечно, вышеуказанные картины есть и в картинах изображения кыргызами своей родной земли. Самая впечатляющая из них, когда люди, возвратившиеся после Уркуна, стоят на перевале Ашуу-Тёр Кен-Суу, глядя на Иссык-Куль далеко внизу со слезами радости в глазах. «Я снизу поднял взгляд на бабушку. Лицо моей крепкой духом и сильной бабушки омывалось слезами. Я посмотрел вдаль по направлению её взгляда. До своих шести лет я никогда не видел такого величественного спокойствия – чудесной плавности движения, на всём огромном пространстве земной глади, *покрытой ковром разнотравья: каждая ленивая волна, словно течение узора, вот первый узор* – белое серебро; следующий узор – тёмно-синий ультрамарин; ещё один узор – сине-зелёное колыхание. А все эти волны лениво колышущейся травы плавно переходили в волны священного,

¹ *Сыдыкбеков Т. Жол.* – Ф.: Мектеп, 1982. – С. 80–81.

столь вожделенного людьми Иссык-Куля»¹. Бесспорно, такое образное описание могло быть создано только под влиянием того дня, той исторической ситуации.

Выше мы высказали своё жёсткое требование к роману «Жол», отмечая отсутствие нового эстетического качества. В общем, есть основания для столь суровой оценки. Мы это говорим не только в связи с событиями 16 года. Вместе с тем мы вовсе не зачёркиваем положительных сторон романа. Да и невозможно отрицать эти стороны. Здесь мы можем присоединиться к мнению литературоведа А. Эркебаева: «Главное достижение романа «Жол» – жизненность образа самого автора. Кроме того, в произведении весьма образно и достоверно отображена тяжёлая жизнь кыргызского народа в канун революции, исход людей в Китай и возвращение, политико-экономические и культурные изменения на нашей земле, состояние с постановкой просвещения народа и литературная жизнь в 1920 – 1930-е годы»². Однако мы не можем присоединиться к дальнейшей мысли литературоведа о том, что ещё одной сильной стороной произведения является «”украшение” романа публицистическими и философскими размышлениями об истории человечества»³. Да, философские размышления есть, но они не имеют той эстетической силы, что определяет художественные качества романа. Скорее, наоборот, излишняя повествовательность, мелкотемье и многословие, эскизность, частое отсутствие психологической обусловленности снижают качество романа.

Известный литературовед, исследователь творчества Т.Сыдыкбекова А. Мусаев высказал интересную мысль о «Долгом пути» и романе «Жол». Мысль достаточно пространная, но, чтобы было понятнее, приведём её целиком: «Конечно, сразу на память приходит произведение Мукая Элебаева «Долгий путь» (1935). Это произведение, которое сам автор дефиницирует как роман, целиком посвящёно трагическому событию 1916 года в истории кыргызского народа, Уркуну. Это, во-первых, во-вторых, в нём повествуются события Уркуна 1916 года, в основном, тяжёлые потери одной семьи, долгий путь возвращения

¹ Сыдыкбеков Т. Жол. – Ф.: Мектеп, 1982. – С. 122.

² Эркебаев А. Кыргыз прозасынын контрастары. – Ф.: Кыргызстан, 1983. – С. 96.

³ Эркебаев А. Там же. – С. 96.

на родную землю лишь двух братьев Мукая и Беккула, оставшихся в живых из большой семьи, вынужденной бежать в Китай. Вот почему большинство кыргызских литературоведов характеризуют это произведение М. Элебаева как начало жанра автобиографии.

Если рассматривать с этой стороны, то Т. Сыдыкбекова следует характеризовать как писателя, который не только продолжил традиции только начинавшего формироваться в тридцатые годы жанра автобиографического романа в кыргызской советской литературе, но и поднял его на новый качественный уровень. Роман Т. Сыдыкбекова «Жол» тоже, в основном, начинается с событий Уркуна. Однако между этими двумя произведениями есть принципиальная разница, если в романе М.Элебаева события Уркуна стоят в центре сюжетной композиции, то в романе Т. Сыдыкбекова они переданы лишь как образы, оставшиеся в памяти 3 – 4-летнего мальчика, ибо изображение Уркуна в широком плане вовсе не входило в задачи писателя»¹. Конечно, нет никаких оснований не соглашаться с этим утверждением литературоведа.

Уроки изображения литературно-художественной и исторической правды в произведениях К.Баялинова «Ажар», М.Элебаева «Долгий путь», К.Акматава «Время земное» и Э.Турсунова «Ата Журт» – это не только показ трагедии, которую принесло кыргызскому народу национально-освободительное восстание 1916 года. Скорее это образный рассказ людям силой художественного слова о том, что такое Отчизна, народ, захватничество, неравноправие и свобода. Идеи, призывающие к патриотизму и гуманизму, в какой-то мере обусловили тот факт, что эти произведения обрели народный характер. Ведь эти произведения появились в результате описания тех исторических событий, той трагедии, которая была пережита народом. А в романе «Жол» вопрос совершенно в другом.

Во многих произведениях пусть не прямо, хотя бы опосредовано изображается то влияние, которое восстание 1916 года, его историческая правда оказали на судьбы людей. Роман Т.Сыдыкбекова «Батыйна» (первая книга трилогии «Зайыштар») тоже относится к числу таких художественных явлений. Его главная тема – жизнь кыргызов

¹ Мусаев А. Түгөлбай Сыдыкбеков: Адам тагдыры жана чыгармачылык тагдыр. – Б., 2002. – С. 286–287.

до революции, особенно судьбы женщин и девушек, их стремление к свободе, равенству, поиски счастья. Роман не только о жизненном пути, судьбе Батыйны, в нём изображены эпоха главного героя и его современники, влияние на него нового и старого времени, их преимущества.

Батыйна с первого дня как переступила порог этого дома в качестве невестки поняла, какие это люди – чванливый и любящий издеваться над сирыми и бедными Адике бай и его байбиче Салкынай. Писатель, собираясь рассказать о классовых противоречиях и родо-племенных интересах в канун восстания 1916 года, увлёкся изображением мелких подробностей жизни и быта кыргызов, поэтому целей своих не достиг. Действия и взгляды на жизнь Кадырбая, Серкебая и Тазабек в этот период не поднимаются выше уровня родовых, айльных интересов. Относительно глубже и достовернее разработаны писателем женские образы. Давно уже стало традицией в литературе изображать беспросветную и несправную женскую долю до Октябрьской революции. В «Батыйне» эти явления тоже есть, но это вовсе не слабые, пассивные и зависимые женщины. Они не опускают руки в моменты отчаяния, готовы активно и решительно действовать. Среди них можно смело отметить готовую участвовать во всех начинаниях Гульгаакы, Батыйну, которая выбивается из сил в постоянном стремлении сделать человеком своего никудышного мужа Алынбая, которого всерьёз никто не воспринимает, мастерицу на все руки Зууракан, вся жизнь которой ушла на обогащение своего мужа – бая Серкебая, Гульбюю, в которой счастливо соединились красота и нежность, мудрость и чуткость, присущие женскому роду, талантливую Алтынай и др. Образ Батыйны углубляется и развивается в борьбе с жизненными невзгодами. Мы воспринимаем её как героиню с особым взглядом на жизнь, обусловленным личной судьбой.

Качества Батыйны мы раскрываем для себя в её отношении к Канымбюю, попытках добиться для неё равенства, сделать её счастливой. Затем она озабочивается судьбой 15 – 16 летней Гулюсун, жалеет о том, что та стала «женой для согревания колен» почти 80-летнего Атантая. Образ Батыйны находится в эволюционном росте. Конечно, в романе есть излишние картины, рассказы, имеющие целью довести этот образ до характера революционерки. Внутренние стремления Ба-

тыйны начинают постепенно проявляться в её «атаке» на пережитки прошлого в аиле. Это можно видеть во фрагменте, когда Гульбюбю, обернув терновыми колючими ветвями, обмазав лицо сажей и посадив задом наперёд на верблюда, возят из аила в аил, а мулла Саяк убеждает людей, что так требует религия. Батыйна развенчивает «двучличный шариат». Всем становится ясно, кто она такая.

После этого она начинает ездить на коне по другим аилам, участвует равноправно в советах мужчин. Автор хочет показать её как современную Кыз Сайкал (легендарную деву-воительницу). Это заметно и в размышлениях Батыйны о Кыз Сайкал, а также в том, что, встретив в безлюдном месте Жарбана, она стаскивает его с коня и сильно избивает.

Затем писатель приходит и к показу восстания 1916 года. Перед восстанием она не сидит, запершись, дома. Наоборот, она не скрывает своего намерения выступить против солдат, говоря: «Куда пойдут герои, готовые свои копыя, туда пойду и я!».

Мы не можем спорить с намерением писателя показать Батыйну как Кыз Сайкал того времени. Спорный вопрос в ином: насколько такой образ соответствует правде истории? До сего дня такими историческими сведениями мы не обладаем. Вполне может быть, что это жизненная правда. Несоответствие исторической правды и правды художественной, не дополнение ими друг друга ещё не обуславливает историческую достоверность. Побег Батыйны в Китай вместе с другими изображен как акт протеста против трагедии народа. Кстати, желание автора показать Батыйну, как героиню из среды кыргызских женщин с её богатырским нравом и качествами героя, ясно видны в произведении. Отдельные литературоведы¹ иногда сравнивали роман казахского писателя С. Муканова «Ботокёз» с романом Т. Сыдыкбекова «Батыйна». Ботокёз – героиня, которая в дореволюционное время пережила сложную судьбу. Однако в 16 году она не руководила восставшими, не совершала подвиги. Поэтому между двумя героинями близость только в схожести прожитой жизни и судьбы.

Да, роман С. Муканова «Ботокёз» изображает в реалистическом плане борьбу казахского народа за свою свободу. Это произведение

¹ Кудайбергенов К. Батыйна жана Ботокёз // Ала-Тоо. – 1971. – № 4. – С. 154 – 160.

весьма схожее с романами туркменского писателя Б. Кербабаева «Решающий шаг» и узбекского писателя Айбека «Священная кровь». К сожалению, в кыргызской прозе, посвящённой изображению событий 16 года, нет исторических произведений равных по уровню художественности отмеченным романам писателей братских стран. Конечно, нельзя сказать, что у нас нет достойных произведений, отображающих страшную трагедию народа. Хотя за всё это время в кыргызской прозе не появилось исторического произведения о 1916 годе, но были достаточно успешные попытки отразить социально-политическое, нравственное значение национальной трагедии с философских, психологических позиций. Подобные явления литературы на определённом уровне служили художественному раскрытию правды национально-освободительного восстания в кыргызской прозе.

III глава.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ В ПРОЗЕ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ

3.1 Роман Т. Касымбекова «Кыргын» и правда истории

В результате влияния на общественную жизнь процессов перестройки и обновления тема 1916 года нуждалась в рассмотрении и изображении с новых позиций осмысливания. Читательской общественности был возвращён целый ряд произведений русской советской литературы, которые до начала 90-х годов были запрещены по идеологическим соображениям. Среди них были произведения А.Платонова, А.Рыбакова, В.Дудинцева, Д.Гранина, А.Бека, В.Белова и др. Известно, что в этих произведениях история, правда жизни изображалась в полном объёме, поэтому они были предметом принципиальных споров специалистов. Мы помним, какие ожесточённые споры специалистов вызвали произведения Б. Пастернака «Доктор Живаго», М. Зощенко «Перед рассветом», какое литературно-историческое отношение было к ним¹. Здесь возникает вопрос. Что подобные процессы дали кыргызской литературе? Какие новые явления возникли в условиях перестройки?

Следует прямо отметить, романы Ш.Абдраманова, М.Борбугулова, К.Жусубалиева хотя и пришли в руки читателей в том варианте, которого хотели авторы, не вызвали столь большого интереса и сильных споров как это было в русской литературе. Критик А.Эркебаев в журнале «Дружба народов» опубликовал статью «Пришло время романа?», предполагая, что в кыргызской литературе создалась ситуация начала эпохи романа². Один из романов той поры со сложной судьбой, который сполна испытал давление властей и долго не публи-

¹ Литературная газета. – 1987. – 1 января. – № 1; 1987. – 25 февраля. – №2.

² Эркебаев А. Романдын кези келдиби? // Дружба народов. – 1985. – №1.

ковался – произведение Толегена Касымбекова «Келкел». Это многоплановое произведение со множеством действующих лиц. Действие романа охватывает достаточно продолжительное время, как отмечает известный литературовед К. Асаналиев, «начиная с 1860 года до победы Октябрьской революции»¹. Это мнение своего старшего коллеги продолжает А. Эркебаев: «... В романе изображается панорама жизни кыргызского народа двух эпох – до революции и после неё в первые годы советской власти со всеми трудностями, противоречиями, борьбой. Именно поэтому Т. Касымбеков, в соответствии с традициями народной мудрости, первую часть отображаемой эпохи (старое время, дореволюционную жизнь, несправедливость) называет «кеткет» (время упадка, раззора), а вторую часть, советскую эпоху – «келкел» (воскресение, приход нового, справедливости, равенства, благоденствия)»². С этой мыслью согласен и литературовед К. Даутов³.

Почему мы делаем упор на времени действия романа? Этому есть причина. Почему-то трагические события 16 года в произведении не изображаются, автор прямо к ним не обращается. Этот вопрос связан с целью и творческими планами автора. Но, несмотря на это, рано или поздно к этой теме Т. Касым-Бек (в произведениях, рассматриваемых нами, автор именно так называет себя) должен был обратиться, была у него необходимость написать о том времени историческое произведение. Так и произошло. Национально-освободительное восстание 1916 года он в историческом плане отразил в своём романе «Кыргын» («Резня, бойня», 2004). Прежде чем вести речь об этом романе хоть и коротко следует остановиться на романе писателя «Баскын» («Захват», 2000). В нём Т. Касым-Бек описывает время, когда север Кыргызстана подвергся захватнической политике российской империи. Время действия этого романа соответствует времени описания исторических событий на юге Кыргызстана, когда потерпела крах кокандская власть, о чём так хорошо описано в романе «Сломанный меч». Писатель в «Баскыне» упор сделал на показе роли одного из исторических личностей Шабдана батыра в жизни кыргызского народа в это переломное время.

¹ Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988. – С. 225.

² Эркебаев А. Элдик эпостон адабий эпоско. – Ф.: Адабият, 1990. – С. 230.

³ Даутов К. «Келкелдин» керемети // Кыргызстан маданияты. – 1986. – №8.

В романе полностью отрицается искусственно созданный факт «добровольного вхождения в состав России», имеющий хождение в советской истории, т.е. изображается правда истории. В действительности, ещё при работе над романом «Баскын» («Вторжение») писатель уже планировал открыто показать главные причины, вызвавшие историческую ситуацию, которую он опишет в своём следующем романе «Кыргын» («Истребление»). К. Асаналиев об этом сказал так: «Вслед за романом «Баскын» пришёл роман «Кыргын». Если мы с позиций логики рассмотрим истинную суть двух лексем, данных Толегеном Касым-Бекем в качестве названий двух своих произведений (баскын и кыргын), то реальный кыргын (бойня) должен был бы придти вместе с реальным баскыном (захват), ибо если нет захвата, откуда может быть бойня»¹.

Такую логику литературоведа К. Асаналиева доказывает и история – ибо каждый захват заканчивается жестокой резнёй, истребление человеческих жизней. Именно поэтому историческая ситуация в «Баскыне» продолжается в «Кыргыне». В них описываются последние годы жизни героев прежних романов писателя: Байтика, Шабдана и других, иначе говоря, их полные сожаления жизни в канун бойни. В первой части «Кыргына» умирает Байтик батыр. А Шабдан умирает во второй части романа. Что это? Конец захвата? Да, по логике истории следовало сказать о причинах захватнических действий. Следовало особо рассказать об историческом значении тяжкого периода в жизни кыргызского народа, событий 1916 года. Выше мы сказали, что последние годы жизни Байтика и Шабдана были печальны и полны сожаления. В романе через показ психологического состояния Байтика после допроса в тюрьме автор особо останавливается на его служении унижающей его власти, отношении к ней, вере в ту власть. Именно это сожаление, совершенно непредсказуемое положение, правда истории приходит и к самому Шабдану. Иначе говоря, эта концепция сожаления развивается на примере образа Шабдана. Эту ситуацию К. Асаналиев характеризует так: «Без всякой гиперболизации можно сказать, что автор романа говорит здесь о той правде истории, которая отразилась вначале на судьбе Байтика, а затем и Шабдана. Первый из них не шатко и не валко, открыто и скрытно работал на царскую адми-

¹ Асаналиев К. Постсоветтик доор. Адабий тагдыр. Үчүнчү макала. Качанга чейин..., // Адабий Ала-Тоо. – 2006. – № 13.

нистрацию, а второй – напрямую служил царизму. Каким образом эти две исторические личности в конце-концов оказались в немилости у русской власти, испытали её преследования, оказались в такой ситуации. По рассказу самого романиста, Байтик, поверив обману своего посланника, известного своим коварством Базы, напал и разорил аил Рыскулбек бия на Суусамыре, затем переселил 300 семей этого аила в Чуй, предоставив им землю, за что и был позже обвинён. Шабдан же, кажется, понял, что такое власть русских для кыргызов только после того, как безуспешно пытался вызволить из тюрьмы своего сына Мокуша, которого арестовали за то, что он пытался оспорить свою землю у русского»¹.

Как можно видеть, трагедии в конце жизни двух исторических личностей, к тому же имевших в жизни кыргызского народа большое влияние и считавшихся гордостью всего народа – не просто выдумка автора романа. Это исторический факт, историческая трагедия. Трагический конец этих людей можно объяснить кровавой бойней 16 года в истории кыргызов. Значит, сожаления Байтика и Шабдана – судьба народа, которого они, в том числе, привели к кровавой резне. Потому они затем сожалеют о том, что впустую провели свои жизни.

Заметно, что писатель долго и тщательно готовился к написанию романа «Кыргын». Он очень хорошо знает исторические и архивные материалы, относящиеся к проблеме Уркуна. А исторический документ сам по себе никогда не сможет выполнить роль и значение художественного произведения. Только когда созданная мыслью художественная правда находится в столь неразделимом единстве с историей, что, кажется, возникла вместе с ней, она становится эстетическим явлением. Ибо в произведении, созданном в результате такого художественного сопряжения, невозможно определить, что здесь история, а что – художественная мысль. Известно, что подобные мысли высказывали В.В.Шербина², С.М.Петров³, Б.И.Бурсов⁴,

¹ *Асаналиев К.* Постсоветтик доор. Адабий тагдыр. Үчүнчү макала. Качанга чейин... // Адабий Ала-Тоо. – 2006. – № 13.

² *Шербина В. В.* А.Н. Толстой: Творческий путь. – М.: Советский писатель, 1956.

³ *Петров С.М.* Советский исторический роман. – М.: Советский писатель, 1958.

⁴ *Бурсов Б.И.* Л. Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847–1862. – М.: Наука, 1960.

М.Б. Храпченко¹, Л.И.Тимофеев², В.Петелин³ и другие специалисты, исследовавшие природу создания исторических произведений. Если смотреть с этих позиций, то в романе «Кыргын» использованные архивные документы остались вне организма художественного произведения. Иначе говоря, художественная мысль и исторический документ во многих случаях живут самостоятельными жизнями. Да, Толеген Касым-Бек попытался трагедию 16 года изобразить на основе архивных материалов. Такая цель, безусловно, заслуживает поддержки. Ведь ни один из кыргызских писателей, до него обращавшихся к этой теме, не ставил перед собой таких целей, справедливости ради надо подчеркнуть, в советское время об этом не могло быть и речи. Только в годы независимости появилась возможность художественно анализировать события 16 года на основе архивных документов. Одним из первых такой возможностью воспользовался Т. Касымбеков, создав свой исторический роман «Кыргын». Однако как писатель сумел реализовать возможность написать художественное произведение на основе исторических документов, насколько успешной оказалась такая методология? В какой степени сопряжены в романе история и авторская художественная мысль? Такая постановка вопроса вполне закономерна.

От исторического произведения читатель ожидает, что автор к прошлому времени, какой-то исторической эпохе относится с позиций художественного изучения. Следует отметить, что писатель не должен ограничиваться лишь тем, чтобы отобразить события, спрятанные в исторических документах, он обязан смотреть на давние события сегодняшним взглядом и давать свои оценки, анализируя с высоты нынешнего дня. Такое художественное отношение требует от писателя глубоких поисков, художественного анализа и синтеза, что свидетельствует о том, что создание исторического произведения – сложный творческий процесс. Вот, что отмечал об этом К.Асаналиев: «... переосмысление и художественный синтез – вот верная ориентация в создании полноценного художественного произведения о

¹ Храпченко М.Б. Л.Толстой – как художник. – М.: Худ. лит., 1979.

² Тимофеев Л.И. По воле истории. – М.: Наука, 1979.

³ Петелин В. Судьба художника: Очерк жизни и творчества А.Н. Толстого. – М.: Воениздат, 1979.

минувших событиях, соответствующего злободневным требованиям современности»¹. В соответствии с актуальностью проблем, о которых говорит литературовед, художественный анализ прошлого, отображение значения исторического события в художественном синтезе с современностью – весьма важно, потому что имеет глубинный смысл. Есть большая разница между показом исторического события с помощью исторической науки и созданием общественного мнения, формированием общественных отношений средствами художественного произведения. Художественное произведение даёт читателю не только точную и правдивую информацию о том или ином событии, но и вызывает глубокий эмоциональный отклик, заставляет задуматься о значении прошлого. Следовательно, велико значение художественной литературы в создании общественного мнения, формировании общественного сознания.

Несомненно, события 16 года в истории кыргызского народа считаются одной из трагических страниц, которую нельзя забывать. Об этом свидетельствует и тот факт, что наша письменная литература буквально с первого дня своего возникновения стала художественно исследовать это событие, и это продолжается и в наше время. Это историческое событие для кыргызского народа и сегодня, и в будущем – большой урок истории. Насколько этот урок истории сумел описать Т. Касым-Бек? Возникает этот и другие вопросы о том, сумел ли автор взглянуть с позиций сегодняшнего дня на это историческое событие.

Т. Касым-Бек стремится историческое значение событий 16 года раскрыть через показ взаимоотношений обычных русского и кыргызского людей. Конечно, в романе мы видим, что достаточное место отдано и изображению личных судеб известных исторических личностей, их повседневной жизни. Вообще, автор особый упор при создании своего произведения делает на изображении психологии человека в каждом конкретном, в том числе, и драматическом случае, пытается показать причины, вызвавшие это событие. Подобные случаи мы можем видеть в отношениях Жайлообая и Кузьмина между собой. Жайлообай кыргыз, представитель местного населения, живёт на земле, которую издревле занимали его предки. Кузьмин русский крестьянин, прибывший сюда из России, на эту землю его пригнала судьба. Да,

¹ Асаналиев К. Движение во времени. – Фрунзе: «Кыргызстан», 1978. – С. 110.

это судьба пригнала его сюда. Жайлообай воспринимает его именно так, с позиций понимания кыргыза и относится к нему с большой человеческой симпатией. Он не обращает внимания на его религию, национальность, язык и политику. Жайлообая всё это совершенно не трогает, он лишь стремится помочь человеку, которого сюда забросила судьба. Делится с ним всем, что попросит Кузьмин. В конце-концов это отношение сыграло негативную роль не только в личной судьбе Жайлообая, но и в будущей судьбе его детей. Это, по сути, не только взаимоотношения двух людей в повседневной жизни, отношения, которые затем обрели судьбоносный смысл. На самом деле это изображение развития отношений между царской Россией и кыргызским народом в самый канун кровавых событий. Автор показал это символически посредством образов двух людей. Прибывший сюда по воле рока Кузьмин постепенно отнимает у Жайлообая его землю, скот, свободу и права. Подобные отношения русского человека и кыргыза в конце-концов и приводят царскую Россию и кыргызский народ к началу исторической трагедии.

Обращают на себя внимание попытки автора придать особое значение взаимоотношениям Кузьмина и Жайлообая. Когда доведённые до предела несправедливой политикой русской администрации кыргызы собрались напасть на Кузьмина, Жайлообай спасает своего друга. Позже, когда Кузьмин должен был погибнуть не от рук кыргызов, а от ядра пушки русского артиллериста, он судьбу своей дочери в качестве родительского завета вверяет в руки Жайлообая.

Перед смертью он, оставляя свою дочь на попечение Жайлообая, понимает, что только от последнего зависит её судьба. Почему своими глазами видя ожесточение кыргызов, понимая всю тяжесть создавшегося положения, русский человек уверен, что Жайлообай сумеет спасти его дочь. Что это? Последняя надежда человека перед неминуемой гибелью? Нет, это твёрдая вера в Жайлообая. В четвёртой части романа умирает Кузьмин, в пятой части – Жайлообай. По всему, этими образами автор хотел показать реальное начало и развитие исторических взаимоотношений двух народов. На наш взгляд, авторская концепция должна была развиваться в этом направлении. Во-первых, сожаления Байтика и Шабдана перед смертью, во-вторых, изображение в произведении гибели этой исторической личности, в-третьих,

отношения между Жайлообаем и Кузьминым, гибель Кузьмина и его предсмертный завет, а в самом конце случайная смерть Жайлообая. Развитие всех этих драматических и конфликтных ситуаций приводит к вышеуказанным мыслям. Гибель влиятельных руководителей народа (Байтик, Шабдан), конечно, отрицательно сказалась на внутреннем единстве кыргызского народа.

Ружьё сына Кузьмина Германа всегда заряжено. Заряженное ружьё всегда выстрелит, если жизни его владельца оказывается в опасности. Поэтому оно и заряжено. В конце концов, оно выстреливает и стреляет в сына Жайлообая, которому его отец Кузьмин вверяет судьбу своей дочери, в Тайлака. Эта светловолосая девочка от имени всего русского народа принимает на себя вину за всех царских захватчиков и убийц мирных людей. Да, пусть и созданная из мечты автора, эта мысль может считаться уроком справедливости, уроком страшного бедствия, данного событием 16 года. Все эти события, все драматические случаи заканчиваются тем, что Герман своим выстрелом убивает ни в чём не повинного Тайлака. Здесь следует отметить, что писатель судьбами двух этих героев хотел связать начало той страшной трагедии, тех событий, что произошли между кыргызами и русскими пришельцами. «Кыргын» – историческое произведение. А если это так, то события 16 года должны были быть показаны в общенародном масштабе. Тот факт, что изображение в романе исторических событий 16 года ограничилось только взаимоотношениями двух простых людей – Жайлообая и Кузьмина – представляются нам недостаточными.

Мы попытались сделать упор на исторической философии национально-освободительного восстания 16 года в романе Толегена Касым-Бека «Кыргын». Известно, что это новый взгляд и новое отношение писателя к теме, истории, проблеме. Отношение – одно, а как оно исполнено – совершенно другое дело.

Конечно, писатель, по мере необходимости, достаточно широко использовал устные и письменные источники. Таких примеров можно привести множество и сравнить их с историческими документами. Однако, даже в исторической науке трагедию 1916 года нельзя рассматривать односторонне, что объясняется сложностью этого события 1916 года. Говоря откровенно, даже сегодня восстание 1916 года историками до конца не изучено полностью, они по-разному объясняют

характер, причины возникновения и итоги кровавого события¹. Нельзя не отметить некоторую односторонность понимания Т. Касым-Бекем движущих сил восстания. Писатель на первый план выводит стремление показать захватническую политику русской царской власти, а также страшную судьбу народа, обречённого на массовую гибель, совершенно не говоря о народном духе, которое подняло людей на борьбу. В результате, в романе практически нет описания общенародного движения за свою свободу. К тому же позиция писателя свидетельствует о его отходе от исторической точности. Приведём один пример из произведения:

«Убивают!» А между тем ни в устных воспоминаниях, ни в архивах нет ни одного упоминания о том, где и сколько русских погибло в эти дни, кроме тех трёх, которые разрывали могилы. Всё это – свидетельство специального задания сверху и предоставления ложных сведений снизу»² – говорится в романе. Вообще всё содержание «Кыргына» говорит о стремлении автора показать, что захватническая политика царской власти и массовое убийство людей целиком объяснялось её попытками обвинить местное население в организации восстания для того, чтобы освободить землю. Причём это наблюдается не только на примере нескольких второстепенных эпизодов романа, а в общей его концепции. Об этом свидетельствует и название романа. Приведём пример того, как передана известная людям информация в романе. Она явно видна в диалоге:

«Потапов:

– Ещё одна беда, телега, перевозившая из Верного 175 ружей с 34 тысячами патронов, у въезда в Иссык-Куль разграблена кыргызами.

Дюр:

– А что, конвоя не было?

Потапов:

– Всё дело в этом.

Дюр:

– О, боже, как можно было столько оружия отправить без охраны? Верно только для того, чтобы найти повод...

¹ Материалы научной конференции, посвящённой 90-летию восстания 1916 года // Вопросы истории Кыргызстана. – Бишкек: 2006. – № 3.

² Касым-Бек Т. Кыргын. – Бишкек, 2004. – С. 260.

Потапов:

– Именно, это дело рук «наших умников» ... начнут кричать, слать депеши начальству, мол «трёх русских убили», «оружие разграбили» ...»¹.

Действительно, исторические источники говорят о том, что случай перехвата кыргызами телеги с оружием придал им уверенности в деле подготовки восстания в разных местах. Т. Касым-Бек в своём романе выражает уверенность, что отправка в дальнюю дорогу телеги с оружием под охраной одного солдата-ездового в этот период была специальной задумкой царских властей.

«Верно, «...очистить землю» проще простого, здесь не может быть двух путей, всех надо убить, пусть эти дикари говорят, что хотят, но ведь есть внешние силы, развитые иностранные народы, как бы третий Рим не выглядел в их глазах чудовищем о семи головах!? Нужна была ширма перед взорами иностранцев в виде равной борьбы, причины, которая бы могла оправдать уничтожение без всяких причин восставших аборигенов»² – такова авторская позиция, его взгляд на эту проблему.

Да, писатель свою позицию высказывает на основе исторических фактов. Да, в источниках такая информация есть. Приказы-телеграммы отдельных чиновников власти, а также сведения члена РСДРП Г.И. Бройдо вполне могли стать эффективным материалом для подобных выводов.

Да, царская власть с особой жестокостью расправлялась с людьми, доведёнными до крайнего отчаяния. Свидетельством этого может послужить изображённая в романе бойня в Беловодском. Эти события лежат на совести царской администрации как одно из самых тяжёлых преступлений в уроках истории.

Т. Касым-Бек в своём романе прекрасно выстраивает действия героев, их психологические изменения, ситуации, способствующие усилению роли персонажей. Драматический случай, психологическая ситуация, трагическое положение, картин вроде всего этого в романе в достатке. Есть и жизненный реализм, и историческая правда. Значит, созданы все необходимые условия для показа реального героя, его

¹ Касым-Бек Т. Кыргыз. – Б., 2004. – С. 242.

² Указ. книга. – С. 250.

развития в романном, а, следовательно, эпическом масштабе. Выше мы назвали и героев, вполне достойных получить возможности возрождения. Какими бы трагическими не были судьбы того же Байтика, того же Шабдана, как бы не сожалели они о прошлом, в романе это изображено как личная бытовая трагедия отдельного человека. А на самом деле, это не такая трагедия, это трагедия власти тех, кто стоит во главе кыргызского народа, которая переходит в трагедию народа. Это подтверждают всё время и их сожаления перед смертью. Трагедия отдельного человека как народная трагедия не обрела романной художественно-эстетической силы, масштабности, эпичности. В результате, упор больше делается на событиях-эпизодах, исторических сведениях, документальных фактах. Поэтому писатель Т. Касым-Бек оказался вынужденным пойти на авторские повествования, объяснения. Как выше отмечено, перед писателем стояла задача сделать упор на историческую философию причин возникновения национально-освободительного восстания 1916 года, его развития, доведения до кровавой бойни. Но, как мы только что отметили, плотность исторических фактов на определённом уровне ограничила свободу художественного мышления. Это отмечает и известный литературовед А. Акматалиев: «Т. Касымбеков при работе над своим романом «Сломанный меч» не использовал в качестве приложения ни одного архивного материала, а в «Кыргыне» привёл более тридцати материалов. Много или мало это для одного произведения?! Можно ли за это не обвинять автора?! И вообще, может ли историческое художественное произведение писаться без документов, иначе говоря, может ли произведение создаваться путём «поглощения» документа художественной фантазией?! Разумеется, трудно решительно и односторонне ответить на подобные вопросы, у всего должны быть какие-то рамки, принципы, критерии»¹. При работе писателя над изображением национально-освободительного восстания 16 года в романе «Кыргын» никто не требовал от него, как прежде, соблюдения каких-то рамок, не давал рекомендаций, что и как писать. Можно было писать, как хочется, работать с опорой на любые факты. Однако перед писателем стояла задача раскрыть историческую философию той трагедии. Ны-

¹ Акматалиев А. Үркүнбү же улуттук-боштондукпу?! // Адабий Ала-Тоо. – 2007. – Апрель. – № 5.

нешнее и последнее требование таково. Поэтому писателю следовало задуматься о новом типе современной литературы. Возможности творческой свободы не были использованы им как истинный источник творческого азарта и вдохновения.

3.2 Народное восстание в романе «Канат хан» и образ национального лидера

В годы независимости вскоре после романа «Кыргын» был издан ещё один исторический роман, описывающий восстание 16 года. Это роман Ж. Егембердиева «Канат хан» (2006). Если не учитывать одну-две повести автора, роман «Канат хан» – первое его крупное достижение в эпическом жанре. В последнее время в кыргызской литературе возникло новое явление. Это частое создание прозаических произведений о жизни и деятельности известных исторических личностей прошлого. Это по большей части идеализированные образы исторических героев вроде тех же Шабдан батыра, Ормон хана, Канат хана с прославлением политической или просветительской деятельности таких людей. Безусловно, мы вовсе не против того, чтобы исторические личности, стоявшие во главе людей, прославлялись в художественной литературе. Дело в ином. Конечно, создание образов людей, сыгравших заметную роль в жизни своего народа, накладывает на писателя большую ответственность. Это, прежде всего, ответственность перед временем, историей эпохи, в которую жил герой.

Следует отметить, что Ж. Егембердиев тоже по-своему относится к истории. В романе изображается жизнь одного из руководителей восстания 1916 года Каната Ыбыке уулу, который в то время был провозглашён ханом. Писатель избрал своей целью исторически правдиво показать народное восстание. В «Канат хане» можно найти живое изображение боевых действий восставших, их клятв не отступать до полной победы над врагом, процесс провозглашения Каната ханом, выработки плана осуществления восстания, его претворения в жизнь, описание жестоких битв. В произведении видно, что автор с тщательностью использует исторические материалы. В нашей национальной исторической науке очень мало научных ис-

следований о руководителях восстания. В советское время роль руководителей восстания или вовсе замалчивалась или запрещалось о них упоминать. Это, безусловно, мешало полному и достоверному раскрытию исторического значения народного восстания 1916 года. Исследователь восстания на территории нынешней Иссык-Кульской области историк Т. Шейшеканов отмечает: «Государственные институты долгие годы старались не говорить о тех, кто разрабатывал проект восстания, авторов военной тактики в ходе его реализации, а также о выборах отдельных людей ханами, об утверждении военно-начальниками и др.

Это было сделано нарочно. К примеру, не будет ошибкой утверждать, что историческая наука ещё не сделала предметом своего исследования тот факт, что уже во время восстания люди выбирали своими ханами Мокуша, Каната, Батыркана Райымбек уулу и Батыркана Ногой уулу. Если в отдельных трудах такие факты и упоминались, то тут же высказывались обвинения в том, что такие факты были признаками реакционных сил»¹.

Поэтому в кыргызской советской литературе герои, руководившие восстанием, характеризовались как выходцы из бедняков, к тому же им в определённой степени придавались черты революционеров. А все творческие попытки, в соответствии с правдой истории, изображать таких героев как Канат тут же подвергались жестокой травле. Это достаточно подтвердить примером, когда роман А. Токомбаева «Кровавые годы» был объявлен идеологически вредным только за то, что в нём была глава «Канат хан».

Роман «Канат хан» посвящён образу человека, который руководил восстанием и которого сами люди избрали в трудный момент своим ханом. Это исторический роман, автор которого избрал своей целью достоверно показать историческую правду национально-освободительного восстания 1916 года. Роман состоит из двух частей: в первой из которых описывается жизни и судьбы деда и отца Каната Торегелди и Ыбыке, то, как Канат был избран волостным и работал во благо народа до 1916 года; вторая часть полностью посвящена описанию восстания народа за свою свободу.

¹ Шейшеканов Т. 1916-ж. Көлдөгү боштондук кыймылынын жетекчилери жөнүндө // Кыргызстан тарыхынын маселелери. – 2006. – № 3. – С. 58.

Ж. Егембердиев глубоко изучил все материалы, касающиеся деятельности Каната Ыбыке уулу, который руководил действиями людей Жумгальской и Кочкорской волостей во время восстания 1916 года и на этой основе попытался создать художественную правду исторического события. Известный общественный деятель Белек Солтоноев в разделе «Проект восстания» своего труда «Кыргызское восстание 1916 года» сообщает, что в июле в Пишпеке состоялось секретное совещание, в котором приняли участие Канат Ыбыке уулу, Исамидин Шабдан уулу и др., а также о том, что был разработан проект восстания¹. Это была информация, имеющая большую роль для определения исторического значения народного восстания. Ж. Егембердиев, опираясь именно на такие материалы, способные объяснить историческую суть восстания 16 года, правдиво изображает народное восстание под началом Канат хана. Если до сих пор в кыргызской литературе изображалось не само национально-освободительное восстание, а его результат, т.е. события Уркуна, то в романе «Канат хан» мы станем свидетелями событий, происходивших в ходе кровавого противостояния. В нём неторопливо повествуется о положении людей перед самым восстанием, о поисках Канат ханом путей освобождения народа от неподъёмных налогов царской власти, о несогласии людей исполнять приказ о призыве на войну, о массовом решении народа выступить против царского гнёта, о ходе встреч и соглашений глав родов, о кровавых столкновениях с солдатами и их результатах. Следует отметить, что Ж. Егембердиев в отличие от Т. Касым-Бека, прежде всего, упор делает на национально-освободительный характер восстания. Он показывает, что события 16 года вовсе не анархия, не беспорядочные выступления людей, а достаточно организованная борьба народных масс за своё освобождение. Эту особенность романа отметил и литературовед А. Акматалиев: «Особенность романа Жумакадыра Егембердиева «Канат хан», отличающая его от других произведений о национально-освободительном движении 1916 года, состоит в том, что автор одним из первых изображает действия кыргызского народа по защите своей земли и своих прав от захватчиков

¹ Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. – 2 книга. – Бишкек, 1993. – С. 96.

не как беспорядочное восстание, а как специально организованную борьбу за национальное освобождение»¹.

Также в романе дана реальная оценка того, что национально-освободительное восстание 16 года стало трагедией не только для кыргызского народа, но и для русских переселенцев. В подтверждение своей мысли приведем один пример из событий романа:

*«Воинство Каната заняло селение и со всех сторон окружило его, так что и мышь не проскочила бы. Озлобленные вконец бунтовщики стали поджигать избы, амбары с зерном и сено мужиков. Особенно усердствовали в этом чуйцы, которых изгнали силой с их исконных плодородных земель в горы, где они влачили жалкое существование. Они направо и налево кололи пиками и рубили топорами всех, кто попадался на пути, сея смерть и разорение. Так, от жестокости бунтовщиков страдали и русские селения»*².

Конечно, не описывать подобные события было бы прегрешением перед правдой истории, в крайнем случае, неполным отражением содержания восстания 16 года. Автор подробно описывает действия воинства Каната по захвату города Токмока. Как известно из истории, это событие считается одним из самых важных эпизодов восстания. В ходе сражения мы можем видеть хорошую военную тактику Каната. Он предупреждает людей об опасности, старается максимально снизить потери, в самые ответственные моменты бросается в самую гущу сражения. Видя, что его люди массово гибнут от снарядов артиллерии, он добирается до пушкаря, закалывает его пикой, а помощника убивает булавой и успевает уйти от погони. В романе мы видим героизм и других участников сражения: бедняка Уку из Кегети, Курманбая уулу Аалы, Бакытая уулу Сулаймана. В результате таких героических усилий народа уездные солдаты вынуждены были отступить в Токмок и там готовиться к обороне. Несколько дней осады Токмока продолжалась, люди Каната одерживали локальные победы, но взять город так и не смогли, поскольку на помощь успели придти дополнительные части солдат. Восставшие потерпели поражение в жестоком сражении, оставшиеся в живых были вынуждены бежать. Приказы

¹ Акматалиев А. Канат хан – улуттун ар-намысы // Адабий гезит. – 2007. – Апрель. – № 13.

² Егембердиев Ж. Канат хан. – Бишкек, 2006. – С. 314.

Канат хана отступавшие в панике люди уже не воспринимали. Гибель плохо вооружённых людей, конечно, тяжело воспринималась Канатом. Он продолжает биться до последнего, ищет пути к победе, теряя многих из своего воинства. Однако нет у него пути спасения своих людей от предстоящих трагедий.

В романе мы видим и вестовых всадников, связывающих отряды из разных волостей друг с другом. Это является ещё одним свидетельством того, что восстание происходило довольно организовано. Именно вести, своевременно получаемые Канат ханом в ходе сражения, позволяли ему бросать своих людей в необходимые места. Но, конечно, плохо вооружённые люди в любом случае не могли бы противостоять русским солдатам, вооружённым самым современным на тот момент оружием. Народ потерпел поражение. Это поражение, сопровождаемое трагическими событиями, привело кыргызов к грани вырождения. Канат хан был вынужден с остатками своих людей бежать в Китай, но перед этим он ругает себя: «Наша борьба с иноверцами ударила, прежде всего, по нам самим, ввергнув нас в горе. Это я виноват, что так случилось. Нет мне прощения»¹. Стоит обратить внимание на слова поддержки от муллы Жаркымбая: «... не бери на себя всю вину. Приказу царя мы не подчинимся. Ты забыл, что не ты принимал решение не идти в солдаты, а весь наш народ? Ведь мы все кричали: «Не хотим умирать на далёкой земле иноверцев, чтобы их вороны и грифы питались нашими останками, лучше умрём на родной земле, сражаясь с иноверцами до последней капли крови!». Разве можем мы забыть это?»². В этих словах муллы Жаркымбая была правда. Не люди, подобные Канату, подняли народ на борьбу за свободу. В 1916 году против царской власти поднялись не одни только кыргызы, а народы всего Туркестана. Были в то время люди, которые пытались уберечь народ от трагедии, предупреждали о том, что русские войска имеют современное оружие, скорострельные винтовки. В романе мы видим образы грамотных, верящих в будущее своего народа сыновей Каната Ысака и Жапарсадыка, а также младшего брата Байдалы, которые на совещании о необходимости восстания, пытаются отговорить людей от этого шага. Но возмущённые действиями царских властей

¹ Там же. – С. 343.

² Там же. – С. 343.

люди не слушаются их. Тут и Канат, понимая, что народ уже невозможно остановить, вынужден поругать своих сыновей.

Результат восстания и для всего народа, и для Каната, стоящего во главе восстания, оказывается тяжёлой трагедией. Каната сдают в плен свои же предатели, детей его расстреливает царская власть, младший брат Байдалы вместе со своими восьмьюдесятью людьми оказывается в западне и гибнет. К образу Каната обращался и Т. Касым-Бек в своём романе «Кыргын». В пятой главе романа он изображается на тринадцати страницах. Здесь писатель ограничился изображением того, как из-за предательства Ысака, сына своего свата Курмана, Канат был пленён и как во время допросов подвергался пыткам. Стоит обратить внимание на тот факт, что в обоих произведениях Канат сам приезжает к представителям русской администрации, чтобы спасти своих людей от мук. Это была правда истории, что свидетельствовало о том, что Канат был человеком, который был готов ценой своей жизни спасти свой народ¹. Это событие и обусловило трагический конец судьбы Каната. Поэтому мы считаем, что обоим авторам при изображении этого фрагмента стоило бы подробнее остановиться на описании характера Каната, его внутреннего мира, на более глубоком анализе художественной философии исторической сути восстания.

Вместе с тем стоит сказать и об особенностях презентации в обоих романах исторических сведений. Если в тексте романа Т.Касым-Бека «Кыргын» исторические материалы выделяются полужирным шрифтом, указывается, из какого исторического источника они взяты, и далее идёт повествование сюжета на основе данного исторического факта, то в «Канат хане» подобные исторические материалы «живут» в авторском тексте, продолжая и подтверждая мысль писателя. Если не обращать внимания на кавычки, трудно различать, где авторское повествование, а где материал источника. Поэтому в отдельных случаях изображаемое событие в результате «привязки» к историческому источнику начинает восприниматься не как художественный текст, а как сухой, бездушный текст рапорта чиновника вековой давности. Одно это – свидетельство того, что исторические материалы в анали-

¹ Молдокасымов К. Канат хан жана 1916-жылкы улуттук боштондук көтөрүлүш: Айрым архив даректери. – http://www.azattyk.org/a/kyrgyz_cas_uprising_in_1916_kanaat-khan_moldokasymov/27779589.html. – 05.08.2016.

зируемом произведении не стали объектом художественного синтеза, что, к сожалению, не позволило писателю поднять свой творческий уровень на достойную эстетико-качественную высоту.

Ж.Егембердиев в своём произведении попытался использовать как художественную деталь детское воспоминание Каната о том, как его дед Торегелди по ложному доносу был жестоко избит русскими властями, что оставило глубокий след в душе мальчика. Этот факт действительно является художественной деталью кульминационной точки романа – объявления народом Каната своим ханом и начала борьбы против власти русского царя, иначе говоря, это было художественной находкой, способной развивать идею произведения. Но для этого данная художественная находка должна была красной нитью пройти через всё содержание романа, что придало бы произведению высокий эстетический уровень. Например, такой красной нитью в романе К. Акматова «Время земное» является воспоминание старухи Кызтуубас о страшном случае в период Уркуна, которое оставило незабываемый след в её душе. Именно этот страшный след-воспоминание Кызтуубас через много лет после тех событий, уже в наше время стал причиной её кончины после того, как русский человек по фамилии Красин переступил порог её жилища. Это же событие, оставившее глубокий след в сердце Кызтуубас, сыграло важную роль и в судьбе Красина. Да, в этих двух произведениях присутствует два различных отношения, а, значит, нет и оснований для их рассматривания в сравнении. «Время земное» – не исторический роман, в нём есть стремление автора раскрыть философию истории и времени, осуществить психологический анализ влияния трагедии истории на судьбы людей. А в «Канат хане» изображается само восстание, его политическая, историческая суть. Поэтому здесь мы видим, что автор отдаёт предпочтение не показу психологии человека или не философско-психологическим размышлениям по поводу исторического события, а выводит на передний план событийность, основанную на исторических фактах. Возможно, поэтому художественная находка, о которой мы упомянули выше, не прошла в определённой мере красной нитью через всю сюжетную структуру произведения, не стала носителем идеи.

По отношению к роману «Канат хан» Ж. Егембердиева мы вынуждены повторить ту же критику, которую высказали в адрес романа Т. Касым-Бека «Кыргын». Здесь тоже присутствуют моменты, когда излишняя «привязка» к историческим материалам ограничила свободу творческой деятельности автора. Следует открыто сказать и о том, что чрезмерная идеализация писателем образа главного героя не позволила ему до конца и глубоко проработать характер образа Канат хана, как исторической личности.

3.3 Попытки обращения к «белым страницам» событий 1916 года

Национально-освободительное восстание 1916 года в период независимости нашей страны начало разрабатываться как тема, нуждающаяся в художественном исследовании. Писатели попытались выразить к этому событию новое отношение с позиций истории. Вот как выразил свою озабоченность этим литературовед А. Садыков: «Важное и ныне положение Горького о том, что писатель должен быть и историком очень верно в том плане, что «история» – не только прошлое народа, но и его будущее. Хотя кыргызские писатели в этом плане и провели некоторую работу, впереди множество проблем. Даже, не говоря об ином, ведь совсем ещё недавнюю историю – восстание 1916 года – мы до сих пор описываем односторонне, с оглядкой на политику. А ведь многие грани правды до сих пор не раскрыты»¹. Действительно, мы ожидали, что годы независимости будут способствовать активизации художественного анализа нераскрытых граней правды.

Анализ исторической сути событий 16 года в период суверенного развития нашей страны не ограничился лишь романами «Кыргын» и «Канат хан». В 2009 году вышла повесть Бактыбека МаксUTOва «Кызыл кыргын, кандуу кармаш», а также роман Арслана Койчиева «Мисмилдирик» («Беделдеги каргыш»), в 2012 году появился исторический роман Калкамбая Ашымбаева «Азат көчү», в 2015 году были опубликованы повесть Темирбека Жолдубаева «Актоко» и роман Сагындыка Омурбаева «Улуу үркүн».

¹ Садыков А. Башаттар жана жаңычылдык. – Бишкек, 1993. – С. 68.

Конечно, сами по себе не могут не появиться вопросы типа: Чем отличаются указанные авторы от своих предшественников, обращавшихся к этой теме, с каких позиций и как изобразили историческое событие, смогли ли они поднять свой взгляд на высоту художественного понимания, т.е. смогли ли они внести что-то новое в художественное исследование темы 16 года?

Уже отмечалось, что и произведения, опубликованные уже в годы независимости, не оправдали ожиданий времени, великий урок истории не подвергся глубокому анализу, незаметно и полное понимание философии истории, незаметен подъём жанра исторической прозы на новую высоту, т.е. не видно качественного роста нашей литературы.

Вместе с тем, мы говорили и о том, что авторы этих произведений с душевным содроганием писали о массовом уничтожении безвинного кыргызского народа, о ходе восстания, его кровавом подавлении. Упоминали о том, что исторические материалы целиком вводились в композиционно-сюжетный текст произведений без какого-либо их анализа.

Подобные недостатки имеют место и в произведениях последних лет. В качестве примера обратимся к повести Бактыбека Максутова «Кызыл кыргын, кандуу кармаш». Б.Максутов – автор, давно интересующийся историей событий 16 года, имеющий в своём творческом багаже несколько рассказов историко-публицистического характера. Следовательно, эту тему он в какой-то степени исследовал, внимательно изучил исторические документы. Однако здесь следует отметить, что одно дело исследовать историю, а совсем другое дело – обратиться к правде в художественное произведение. Мы отмечаем это, потому что Б. Максутов в своём произведении оказался крепко привязанным к историческим документам, что совершенно отдалило его от художественного изображения правды жизни. Не ошибёмся, утверждая, что именно поэтому автор не утруждает себя работой над созданием художественных образов и попытками мыслить художественно. Нелишним будет здесь вспомнить глубокую мысль А.А.Потебни о природе художественного произведения «Без образа нет искусства, в частности, поэзии»¹. Учёный весьма высоко ценил художественное произведение как важное средство развития мышления и познания.

¹ *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 83.

С этих позиций приходится сожалеть, что Б. Максutow не смог «оживить» своё произведение с помощью образов, не поднялся на уровень художественного осмысления исторического события.

О романе «Мисмилдирик» разговор иной. Уркун – по правде говоря, одно из самых сложных в историческом плане событий. Корни народной трагедии 16 года сегодня следует рассматривать в единстве с колониализмом – детищем большой политики по разделению мира, а вместе с ним и в связи с огромными бедствиями, которые принесла людям всего мира первая мировая война. Как известно, одна из главных причин возникновения восстания прямо связана с указанными глобальными событиями. Следовательно, историческое значение 1916 года, а если заглядывать глубже, художественное решение его исторического урока не должно оставаться за рамками взгляда художника. Если рассматривать с этих позиций, то художественное решение А. Койчиевым вопросов 16 года вызывает большой интерес.

Роман начинается с описания пребывания главного героя Мукая Камбарова в тюрьме как жертвы репрессии 1938 года. Автор попытался в едином ракурсе рассмотреть два трагических случая в истории кыргызского народа. Причину попадания Камбарова Мукая под каток репрессий 1938 года писатель объясняет в связи с народной трагедией 1916 года. Глубокий смысл заключается в том, что Мукай Камбаров попал в мрачные застенки НКВД именно за, что написал стихи, посвящённые Уркуну. Пребывая в тюрьме в ожидании смертного приговора, Мукай вспоминает одно событие 1916 года, когда он вместе с людьми рода кудаян оказался участником одного события. Эти воспоминания о судьбе небольшого кыргызского рода Кудаян, приводят его к событиям 16 года. При чтении романа возникает законный вопрос, как автор сумел воедино связать два важных исторических события в один узел, в чём причина того, что две исторические трагедии связаны одним узлом.

Для того, чтобы найти ответы на эти вопросы, надо обратиться к названию произведения, ибо вопросы эти теснейшим образом связаны с названием. Слово «мисмилдирик» в кыргызском языке имеет значение «бесследное исчезновение, полное (под корень) уничтожение». Для любого народа нет выше проклятия, страшнее трагедии, чем опасность полного исчезновения с лица земли. Эта мысль лежит

в основе книги, эта мысль вела автора к раскрытию сути темы 16 года. Несмотря на то, что основное содержание сюжета составляет историческое событие 1916 года, произведение начинается с описания тяжёлого положения Мукая Камбарова, попавшего под каток репрессий 1938 года, в тюрьме и завершается эпизодом, когда его ведут на расстрел. Главный герой по пути к месту казни думает с сожалением о том, что после него не осталось потомства, нет близкого человека, кто бы спросил, где место его последнего упокоя. «Так вот, что означает бесследно исчезнуть, так вот, что имели в виду предки, часто повторяя “избави нас, Создатель, от мисмилдирика!..”»? – думает он перед смертью¹. Перед мысленным взором Мукая возникли образы безвинных кыргызов, которых расстреливали, выстроив в шеренгу в 16 году. Он вспоминает тех своих близких, кто ценой жизни спасли его, мальчишку, от неминуемой гибели – отца Камбара, бабушку Карагыз, дядю Нарбото, которые встретили свою гибель, прямо глядя в лица своих палачей. Для них сильнее смерти, выше смерти была мечта о том, чтобы не прервалась ветвь рода кудаян, чтобы жили потомки. Какой же оказалась дальнейшая судьба оставшегося в живых в 16 году продолжателя рода кудаянов Мукая? Была ли исполнена последняя надежда тех, кто пал жертвой тех кровавых событий? Продолжилась ли ветвь рода кудаян на этой грешной земле?

В конце произведения, знакомясь с воспоминаниями Мукая, который остался в живых во время кровавых событий Уркуна, мы понимаем, что именно эти события в конце-концов и стали причиной его расстрела через двадцать с лишним лет. Его желание оставить записи о правде этого восстания, о пережитом им в 16 году и послужили поводом ложного объявления его националистом, английским шпионом. Решение о его расстреле было принято в «день революции». Значит, исторические события 1916 и 1938 годов автором рассматриваются как народные трагедии, ведущие к физическому уничтожению целого народа. Поэтому автор связывает эти два события в единый узел, старается показать своим читателям, что результаты этих событий одинаково тяжело отразились на судьбе народа. Такова основная идея романа «Мисмилдирик». Эта идея служит цели раскрыть людям глаза на то, что колониализм всегда ставит такие малочисленные народы,

¹ Койчиев А. Мисмилдирик (Беделдеги каргыш). – Бишкек: Бийиктик, 2009. – С. 250.

как кыргызы, на грань полного физического уничтожения, а также показать его историческую трагедию.

При изображении в романе опасности исчезновения целого народа А. Койчиев упор сделал не на показе бойни, а на её значении в истории. Мы далеки здесь от утверждения, что это уничтожение народа осталось на втором плане. А.Койчуев, глубоко художественно исследуя исторические условия, приведшие к началу восстания и дальнейшей кровавой трагедии, пытается понять их и объяснить с позиций сегодняшних взглядов и представлений.

Роман отличается тем, что действия и поступки героев носят реальный исторический характер. Изображая историческое событие, автор особое внимание обращает на показ психологии народа. Иначе говоря, в произведении народная психология полностью отвечает духу исторической эпохи, она постепенно углубляется, влияя на решение судьбы народа. Кроме того, массовая неграмотность народа в то время, грязная и недалёковидная политика представителей царской власти, погоня за своими сиюминутными интересами руководителей кыргызских родов подвергается творческому препарированию писателем. С помощью этого А.Койчиев глубже понимает исторические, культурные, психологические особенности эпохи. Известно, что в воспоминаниях участников событий 16 года эти особенности играли большую роль. Так, Х. Карасаев вспоминал: «Ведь, по указу царя, людей забирали не на войну, а на строительство оборонительных сооружений. Именно это не поняли сами и не смогли объяснить народу главы родов... Это произошло в силу того, что они сами были малограмотны. В этом всё дело. И славный Шабдан, и уважаемый всеми Кыдыр аке предлагали: «Давайте, отдадим людей на строительство, и нас оставят в покое», но их другие не поняли. Поэтому и начались на местах бунты, которые быстро разрослись в восстание. Если бы сразу отправили молодёжь на строительные работы, всё бы успокоилось. И люди, и их скот остались бы. А так, погибли и молодые, и старые, а оставшиеся в живых на чужбине влачили рабское существование. Или я вру?»¹. Эти слова Х. Карасаева имеют важное значение для понимания сути событий 16 года.

¹ Үркүн. Тарыхый-даректүү очерктер / Түзгөндөр Э. Кылычев, Н.Капаров. – «Ала-Тоо» журналынын тиркемеси. – Бишкек: Учкун, 1993. – С. 218.

В «Мисмилдирике» эти события подвергнуты глубокому художественному анализу, автор сумел показать нам судьбу не только людей из рода кудаян, но и всего кыргызского народа, поднявшегося на борьбу. Роман начинается с того, что изображается озабоченность глав родов тем, что к 16 году изо дня в день ухудшается жизнь народа. Если глава рода Камбар путь улучшения жизни своих людей видит в исполнении им обязанностей волостного, то его близкий родственник, бунтовщик по характеру Нарбото ищет этот путь как смелый джигит, готовый взять на себя все проблемы людей. Когда царская администрация, постепенно отнимая земли, издревле принадлежащие его роду, дошла до Бетегелюю Чон-Таша, волостной Камбар по-настоящему стал переживать. Единственный путь не отдавать и эту используемую под пастбище территорию русским переселенцам он видел в постройке на ней мечети и огораживании глинобитным забором. Эту свою мысль он высказал на общем совете. Но народ, который никогда не огораживал землю какими-то заборами, это предложение своего волостного не поддержал. До самого последнего момента как представитель местной власти, как человек, хорошо знающий силу русских, волостной Камбар был против восстания, однако не дать народному гневу разгореться он тоже оказался не в состоянии. Почему? А причина в том, что Камбар оказался не в состоянии думать и действовать как истинный глава своего народа, не пользовался общей поддержкой. Слова пристава из романа: «я прекрасно, как в зеркале, вижу все мысли и стремления этих кыргызов, за место «волостного» они готовы драться до последнего, выше этого стремления они не доросли»¹ – сказаны неспроста. Камбар, который готов выполнять все приказы пристава, больше всего боится потерять свою должность волостного, а также отдать власть таким людям из народа, как Нарбото. Он мучается от мыслей о том, что народ может последовать за Нарбото. В его образе мы не видим и каких-то твёрдых принципов. Да, это личная трагедия самого Камбара. Однако эта личная трагедия человека, привыкшего ставить свои интересы выше интересов своего народа, в конце-концов, и обусловила то, что он оказался не в состоянии предупредить своими действиями кровавые события и всеобщую трагедию.

¹ Там же. – С. 181.

Нарбото же в отличие от волостного Камбара не думает о личном, он ищет пути вывода людей из создавшегося тупика. В каждом его действии мы видим такие попытки. Однако самые радикальные решения таких лидеров из народа в самые ответственные моменты, как показывает история, приводят не к облегчению положения людей, а к ухудшению ситуации. Эта трагедия оставила неизгладимый след в истории нашего народа и вызвала события, оказавшие огромное влияние на последующие судьбы людей. Обо всём этом автор попытался рассказать с помощью детских чувств подростка Мукая, через его представления. В романе видно, как в ученике русско-туземной школы Мукае зреет понимание национального характера своего народа, своеобразия его мировоззрения. Постепенно он начинает сомневаться в тех патриархальных методах лечения людей, которые использовала его всеми почитаемая бабушка-знахарка, в правильности тех действий, которые совершает его дядя Нарбото вместе со своими соратниками против администрации русской власти. Это обуславливает реальное изображение в романе исторического момента. Однако, к сожалению, автор не углубляется дальше в раскрытие внутреннего мира Мукая, оставляет вне поля своего зрения те изменения в психологии своего героя-подростка, которые не могли не происходить. В «Мисмилдирике», также как и в «Долгом пути» М. Элебаева, события 16 года передаются через восприятие подростка. И здесь автор М. Элебаев выборочно изображает то, что крепко сохранилось в детской памяти, то, что оказало наиболее сильное психологическое влияние. Эти выборочные явления жизни сыграли большую роль в становлении подростка, как личности, а суровые уроки жизни укрепляют характер детей, помогают им раньше повзрослеть. Конечно, «Долгий путь» – автобиографическое произведение, поэтому личная судьба главного героя вышла на передний план. Следует отметить, что уже в 1930 годы создать на основе подростковых воспоминаний произведение с изображением художественной правды истории 16 года было свидетельством огромного писательского мастерства и таланта автора.

Наверное, здесь будет правильным немного поговорить об образах детей, созданных пером Ч. Айтматова. В повести великого писателя «Лицом к лицу» есть диалог между Сейде и маленьким сыном соседки Тойой Асантаем. Асантай в этом произведении не играет такую же роль

как Мукай. К тому же только с помощью этого диалога читатель надолго запоминает этого мальчика. Писатель рисует как во время разговора с Сейде этот маленький мальчик, который ещё не знает о гибели своего отца, совсем не по-детски тяжело вздыхает. Этот вздох пугает Сейде, она чувствует, что сердце малыша уже всё понимает, хотя и не знает о произошедшем. Этот художественный штрих свидетельствует о том, насколько глубок внутренний мир Сейде. После того как мальчик ушёл, она ещё долго сидела ошеломлённая, жалея соседку и её детишек, судьба которых оказалась столь трагичной. По правде говоря, в этом вздохе мальчишки был заключён весь узел трагедии произведения. В повести, мы понимаем, весь трагизм положения Исмаила заключается в том, что он не в состоянии понять печаль мальчика, глубину его переживаний. Мастерство писателя заключается в его умении создавать подобные психологические ситуации. Нельзя не согласиться с тем, что значение подобных ситуаций для усиления внутреннего напряжения произведения, полнокровного раскрытия его образов – незаменима. К сожалению, хотя в «Мисмилдирике» и есть аналогичные психологические ситуации, которые могли бы надолго угнездить образ Мукай в сердцах читателей, автор не сумел воспользоваться ими, не доработал.

Но, в целом, можно признать, что А. Койчиев в романе сумел достаточно успешно нарисовать картину общенационального фона. Это было реализовано в результате целого ряда причин. В романе автор не оставляет вне поля своего зрения процесс постепенного изменения древних обычаев и традиций, составляющих основу народной культуры, в соответствии с условиями новой жизни. Увеличение числа кыргызов, которые, приходя в русские деревни, нанимались на подённую работу, привело к тому, что они «несколько отдалились от своих родичей, не имея возможности участвовать во всех проводимых ими празднествах и поминках», «были среди них те, кто ещё не испробовал вкус кумыса нынешнего года». Об изменениях жизни и быта кыргызов свидетельствовали и слова русских: «переставшие кочевать и оставившие родственников кыргызы». Огромные события мировой истории, «время соперничества империй и раздела материков» привнесли в безмятежную жизнь кыргызов среди гор большие изменения, сопровождавшиеся тяжёлыми экономическими проблемами. Стремительно увеличивающиеся налоги во время первой мировой войны

обездолили и без того нищий народ. Среди людей росло недовольство. В некоторых волостях слабело влияние местных глав родов. В такое время люди, подобные Нарбото, стали признаваться народом, в качестве батыров, которые могут поднять людей на борьбу за свободу и независимость, усиливались протесты, создалась ситуация, когда достаточно было небольшой искры, чтобы вспыхнуло пламя.

В такой ситуации смелости и твёрдости характера Нарбото отдаёт должное не только подросток Мукай, но и в определённый момент волостной Камбар, который не любил его, считая серьёзным конкурентом. Нарбото из «Мисмилдирика» в некоторой мере напоминает нам Урманбета из «Долгого пути» М.Элебаева. Однако, если Урманбет и представляет из себя героя, который способен влиять на сознание и действия народа, может стать лидером молодёжи, автор почему-то не развивает дальше этот образ, лишая его динамичности. А Нарбото из «Мисмилдирика» на всём протяжении романа несёт в себе идейный груз и хорошо проработан. К примеру, когда во главе джигитов он угоняет из Китая табун лошадей, то не бросает своего убитого в стычке друга, а в соответствии с древним обычаем, привозит в курджуне его кости, очищенные от мяса, чтобы предать земле. Постепенно его образ углубляется, он становится лидером целого народа, с помощью знатока коней старика Толтоя он отбивает у солдат, увозящих лошадей на германский фронт, молодого коня, который обещает вырасти при должном уходе в быстроногого скакуна. Во время восстания при нападении на русское село он убивает отца Михаила, увозит русскую девушку. Всё это, конечно, описывается автором не в целях романтизации Нарбото, а для того, чтобы представить реальный характер исторического события. Описание этих событий дают основу считать, что это новый взгляд на восстание проклятого 16 года. Обращает на себя внимание тот факт, что автор делает попытку объективно смотреть на трагические события 16 года. Это заметно в том, что до него в столь остром плане не изображались картины нападений кыргызов на русские сёла. Конечно, и у Ж.Егембердиева в «Канат хане», и у Б. МаксUTOва в «Кызыл кыргыне, кандуу кармаше» есть описания кровавых сражений во время восстания. Но только А. Койчиев не оставляет вне поля своего зрения тот факт, что восстание и для простых русских переселенцев стало огромной трагедией. Вот как это описы-

ается: «Наконец, взломав входные двери, кыргызы хлынули в церковь. Но это были не прежние кыргызы. Правые рукава их чепкенов были приспущены, острая пик и сабель, дубинки в руках были окрашены кровью. Они напоминали сивогривых волков, готовых в азарте убивать всех и вся. Среди них было много молодых ребят. Нарбото с боевым топором-айбалта в руках ринулся к алтарю. Отец Михаил вместе с иноками, прикрывая головы крестами и иконами, забились в угол. Острая айбалта сверкнула, и правая кисть руки отца Михаила с евангелием с глухим стуком упала на пол. С криком боли и отчаяния отец Михаил склонился, схватившись левой рукой за рану с хлещущей кровью. Второй взмах боевого топора, и голова отлетела...»¹.

В книге много эпизодов с такими откровенными описаниями образа Нарбото и других участников восстания. Первые локальные победы восставших наполняли их гордостью, они воспринимали себя как эпические батыры прошлого, представители кудаянов, рода, прежде не пользовавшегося большим уважением среди соседних рода, быстро обрели славу. И это было правдой истории. Но затем пришло отрезвление, неграмотные люди, жившие под пятой царской политики, конечно, не смогли противостоять обученным солдатам, так же во главе их не было настоящего руководителя, который мог бы объединить все роды, мог бы предвидеть ход событий и уберечь народ от трагедии. Да, в романе мы наблюдаем действия избранного ханом Мокуша, который пытается использовать военную тактику, чтобы изгнать русских с кыргызской земли. Мы узнаём, что в юности он учился в Алматы и Пишпеке, был достаточно образован, понимал необходимость проведения стратегической политики. Об этом свидетельствуют его попытки провести переговоры с генерал-губернатором Алматы или Ташкента, отданные им приказы не убивать высокопоставленных военных чинов из русских, приказ любой ценой нарушить телеграфную связь, чтобы не дать военным возможности согласовывать общие действия. Однако возможностей у Мокуша было недостаточно. Автор вовсе не пытается его идеализировать, показать батыром. Мокуш рисуется на фоне народа, глазами воспринимающих его людей. В романе он обрисовывается в некоем сравнении с известными в истории Ормоном и Жантаем, которые во время сражений с казахами в древ-

¹ Там же. – С. 142.

ности придумывали различные военные уловки, призванные напугать врага. Мокуш размышляет над тем, как обмануть и напугать русских. В конце-концов он решает отправить военному коменданту Токмока сообщение о том, что сорок тысяч его воинов окружили город, поэтому предлагалось сдать оружие и беспрепятственно уехать в Алматы. В противном случае он угрожал перекрыть реку Чу и затопить город. Однако в романе мы видим, что даже его малограмотные единомышленники не верят, что подобная угроза испугает неприятеля. Автор несколько не идеализирует своих героев, реально изображает события тех лет, пытаясь дать объективную оценку трагедии 16 года. Это мы видим и в изображении людей подобных Нарбото. Даже пленение Нарбото юной русской девушки, чтобы сделать её своей второй женой изображается как проявление грубости и темноты одного из главных героев книги. Создаётся впечатление, что автор специально делает упор на подобных эпизодах. Ибо именно они были одними из факторов мести, кровавого массового уничтожения людей, «примерного наказания бунтовщиков».

К. Асаналиев в своё время сказал о повести «Первый учитель» Ч. Айтматова: «Тщательный отбор самых существенных черт той эпохи и их художественный синтез современным взглядом дали возможность автору создать образ во всей его реалистической полноте и исторической подлинности»¹. Автор романа «Мисмилдирик» тоже старается выполнить требование исторической эпохи к писателям по созданию художественной правды. Поэтому он и пытается столь детально описывать те события, отрывки из которых мы выше привели.

Конечно, как показывает история, война никогда не приносит добра людям, ибо такие радикальные шаги приводят только к мести и преступлениям, которых не избежать. 16 год и для местного населения, и для переселенцев стал временем тяжёлых, трагических событий. Сегодня эти события в обязательном порядке следует передавать как уроки истории. Нельзя уверенно утверждать, что этих событий в своё время можно было не допустить. В жизни всегда есть возможность выбора. Но, к сожалению, в событиях 16 года между царской властью и угнетённым местным населением вовсе не было предпри-

¹ Асаналиев К. Открытие человека современности. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968. – С. 97.

нято попыток провести диалог по недопущению кровавого противостояния. Со стороны власти по отношению к простому народу не было проведено никакой объяснительной работы по мобилизации на трудовой фронт. Исторические документы свидетельствуют, что чиновники во власти совершенно не пытались понимать и изучать язык местного населения, не считались с их элементарными человеческими правами¹.

Х. Карасаев вспоминал: «Это восстание кыргызы называют Уркун. Да, кыргызы убежали со своей земли, спасаясь от карательных отрядов. Кажется мне, что восстание на территории Чуя было иным, чем на Иссык-Куле. Здесь же царская власть вместо того, чтобы проводить разъяснительную работу среди населения, противопоставило русских против кыргызов, в результате чего их просто массово уничтожили. Два народа просто так не воюют друг с другом. Огонь между ними разжигают люди, заинтересованные в этом. Тогда и происходит столкновение»². Как бы то ни было, эти слова известного учёного-гуманиста Х. Карасаева весьма актуальны для гармонизации отношений между народами в эпоху глобализации.

Автор «Мисмилдирика» пытается с помощью художественного анализа ситуации разъяснить нам, что грязная политика русских царских властей с одной стороны, темнота и неграмотность местного населения, непродуманные действия глав родов в совокупности и привели к трагедии народа, едва не приведшей к его полному уничтожению.

В конце романа с большим драматизмом описывается как карательные отряды жестоко подавили восстание, тысячами уничтожая местное население от мала до велика. В такой ситуации маленький Мукай не успел попрощаться ни с отцом, ни с дядей, ни с бабушкой Карагыз.

Волостного Камбара берёт в плен карательный отряд, преследующий беглецов в Китай. С Нарбото мы прощаемся в момент, когда он, не зная ничего о своих жене и детях, вынужден отстреливаться от

¹ *Калишевский М.* Трагедия 1916 года: Девяносто пять лет со дня восстания. – <https://abai.kz/post/9249>

² Уркүн. Тарыхый-даректүү очерктер / Түзгөндөр Э. Кылычев, Н.Капаров. – Приложение к журналу «Ала-Тоо». – Бишкек: Учкун, 1993. – С. 218.

преследующих людей солдат на перевале Сёёк. Карагыз апа, всегда заботящаяся о каждом человеке из рода кудаян, прощается на перевале Бедель с Мукаем и, завернувшись в ала кийиз – напольный ковёр из войлока, – вверяет себя воле бога. Большая часть людей из рода кудаян, включая и грудных младенцев, так и осталась навеки среди подпирающих небо ледников в последнем скорбном пути к свободе и счастью.

Известный литературовед О. Ибраимов так говорит о событиях 16 года в истории кыргызского народа: «Конечно, если бы не было шестнадцатого года, немалых жертв последующих десятилетий, у кыргызов был бы совсем другой потенциал»¹. На самом деле, если бы не было того восстания 1916 года против колониальной политики царской власти и последовавшего за этим Уркуна наш потенциал был бы совсем иным. Но такова история, она не имеет сослагательного наклонения. Камбар и другие главы родов, хотя и понимали гибельность восстания против царской власти, не смогли уберечь людей от массового уничтожения. Народ тоже знал силу противника, но страсть к свободе оказалась выше страха смерти. В этом философия трагедии истории и времени. Без веры в сегодня у любого народа нет будущего. Идеи свободы и единства всегда на протяжении тысячелетий жили в кыргызском народе, о чём свидетельствуют памятники фольклора во главе с эпосом «Манас». Автор в романе сумел прекрасно показать, что история, легенды, народные предания и эпический дух всегда жили в глубине души людей, давая им силу духа.

При чтении романа «Мисмилдирик» сразу становится заметно, что А. Койчиев при работе внимательно использовал исторические материалы. В качестве достижения автора можно назвать то, что исторические материалы пронизывают всё содержание романа, а также то, что автор сумел правду истории поднять до уровня художественного анализа.

После «Мисмилдирика» вышел исторический роман Калкамбая Ашымбаева «Азат көчү» («Кочевье свободы»). Сразу отметим, что в романе, наряду с давно отмечаемыми причинами восстания, присутствует и прежде не упомянутая версия. Писатель отмечает такие

¹ *Ибраимов О. Кыргызская Одиссея: до и после империи.* – Бишкек: Бийиктик, 2011. – С. 240.

причины как неправильная политика царской России того времени, резкий рост налогов, налагаемый на народ своими биями и волостными, падение уровня жизни народа. К этим причинам, по убеждению автора, следует причислить и действия иностранных разведчиков, исподволь вбивающих клин в отношения между местным населением и русскими переселенцами, а также политику партии эсеров по ликвидации малочисленных этносов. Подобное рассмотрение событий Уркуна в период независимости с новых исторических позиций служит доказательством перманентных поисков писателями путей художественного решения этой темы.

Ко времени 100-летия Уркуна появилось ещё несколько произведений, обращённых к этой теме. Среди них отметим и повесть Темирбека Жолдубаева «Актоко». В ней повествуется о событиях, происходивших на западе Чуйской долины в канун и в период Уркуна. В повести, с интересом воспринятой читательской общественностью, рассказывается о том, как русская девушка, вышедшая замуж за кыргызского джигита и наречённая новыми родственниками Актоко, спасла от карателей свой аил. Повесть, по признанию самого автора, написана на основе реальных событий, думаю, Темирбек не обидится, если я открою маленький секрет: Актоко – его бабушка по материнской линии, которой он многим обязан. Следовательно, можно сказать, что события Уркуна продолжают открываться перед читателями с самых неожиданных сторон, на основе исторических и жизненных материалов в виде новых книг.

Практически одновременно с повестью «Актоко» был издан и роман Сагындыка Омурбаева «Улуу Үркүн» («Великий Уркун»). В романе сделана попытка художественно изобразить события Исхода народа с родной земли на чужбину и пережитые при этом мучения.

ВЫВОДЫ

Национально-освободительное восстание кыргызского народа в 1916 году, пришлось практически на то же время, когда возникла и развивалась кыргызская проза, жанрово обновляясь, ища свой самобытный путь развития. Вначале тема 1916 года начала широко освещаться в статьях, затем – в рассказах, повестях, позже в жанре романа, т.е. на протяжении целого века эта тема служит объектом художественного исследования.

Но вместе с тем попытки отобразить тему 16 года на разных этапах нашего существования встречали разное политическое и историческое отношение, ведь само изображение в литературе этой грозило авторам драматической судьбой. Ведь, будучи одной из основных тем прозы 1920 – 40-х годов, события 16 года чуть позже стали считаться опасной темой, писать об этом стало себе дороже. Обвинительные определения типа: «правда истории была искажена», «идея произведения неправильна» и др. привели к тому, что отдельные прозаические, поэтические и драматические произведения К.Тыныстановы, А.Токомбаева, С.Карачева, Ш.Коконова, Т.Сопиева, Б.Кененсариева были признаны вредными в идейно-политическом плане, запрещены, а их авторы жестоко наказаны.

К счастью, каким-то образом повесть К.Баялинова «Ажар» и роман М.Элебаева «Долгий путь» «проскочил» мимо всевидящего ока партийных функционеров и долгие годы служил ценным источником сведений об Уркуне для многих поколений людей. Да, в них события 1916 года, его трагические последствия для кыргызского народа были показаны лишь на судьбах отдельных семей, но полная картина кровавых событий тех лет, хотя и без упора на их историческое значение, была открыто изображена как правда жизни. И К.Баялинов, и М.Элебаев как очевидцы и участники тех событий красочно описали

их. Поэтому можно утверждать, что эта тема в кыргызскую прозу вошла самым простым путём, в качестве произведений автобиографического характера.

Именно таким образом в кыргызской прозе был разработан свой специфический путь художественного изображения исторической темы. Именно через изображение событий 16 года первые кыргызские писатели делали свои начальные шаги в вопросах писательского мастерства: сфере создания драматических ситуаций, усиления эмоционального влияния, психологизма, раскрытия внутреннего мира героя, построения сюжета, выработки художественных принципов реализма, обобщения, анализа, ответственного отношения к авторскому тексту, художественному мышлению.

Наряду с «Ажар» и «Долгим путём», которые правду истории изображали как правду жизни, в 1920 – 30-е годы среди произведений прямо или опосредовано обращавшихся к данной теме были и попытки связать события 16 года с Октябрьской революцией, а среди восставших людей искать революционеров. Такая картина, в первую очередь, являлась результатом идейно-политического давления, требования руководителями движения делать представителей бедняцкого слоя, революционеров. Такие герои должны были в кровавой схватке вести людей за собой против царских наймитов, русских солдат, местных баев и манапов, представителей власти за победу идей Октябрьской революции. Эти слова могут быть отнесены к повести К.Маликова «Удальцы».

При создании образов новых людей писатели не могли пройти мимо вопросов о том, как отразились события 1916 года в сложном становлении их личностей. Этот год выполнял роль судьбоносного узла людей нового советского времени. Этому свидетельство повести А.Токомбаева «Израненное сердце» и «Время летит».

Конечно, при изображении причин, вызвавших события 1916 года, были попытки художественно отразить, что в этом немаловажную роль сыграли противоречия и вражда различных родов, отсутствие единства в народе, которые мешали становлению и развитию национальной идеи. Так, А.Убукеев в своём романе 60-х годов «Чырдобе» («Холм распрей») попытался художественно решить именно эти причины исторического события. Да, эти его попытки в извест-

ной мере были претворены как правда жизни кыргызов прошлых лет. Но историческое значение трагедии народа в произведении осталось нераскрытым как национальная история. Иначе говоря, не получили должного отражения проблем художественного исследования истории, осуществление анализа его философских и психологических сторон.

Но в начале 1980-х годов стали предприниматься попытки отразить истинный художественный эпический характер национально-освободительного восстания. Действительно, к этому времени относятся ожидания отразить на основе исторической правды и исторической масштабности тему 16 года как национальную трагедию кыргызского народа, иначе говоря, создание исторического романа существовало как требование времени. Почему? Попробуем разобраться.

В 1970 – 80-е годы в кыргызской литературе существовала тенденция упора на темы истории. Это было обусловлено тем, что начали создаваться произведения автобиографического и исторического характера. Однако в этот период вместо произведений, изображающих историю национальной трагедии, стали создаваться книги, пытающиеся сознательно показывать социально-политическое, нравственное значение философии и психологии национальной трагедии. Примерами этого могут служить романы К. Акматова «Время земное» и Э.Турсунова «Ата Журт».

В советское время в произведениях, обращавшихся к теме 16 года, историческое событие изображалось в автобиографическом характере, и даже потом, когда упор стали делать на его социально-политические, нравственные, психологические стороны исторические романы не были созданы. Такие возможности представились только в годы независимости.

В период независимости, как и ожидалось, появился целый ряд исторических романов. Их авторы на основе архивных документов стремились раскрыть историческое значение 16 года. Одним из первых, кто приступил к этому делу, был Толеген Касымбеков, известный своим классическим образцом исторического романа «Сломанный меч». Два его исторических романа «Баскын» и «Кыргын» были опубликованы один за другим, вызвав огромный интерес читательской общественности. Если в «Баскыне» Т.Касымбеков раскрывал

захватническую политику русского царизма, то в романе «Кыргын» он попытался показать грязную политику белого царя по массовому уничтожению местного населения с тем, чтобы освободить землю для переселенцев. Для достижения своих целей писатель обращался к историческим документам. Однако «плотность» привлекаемых исторических фактов ограничила свободу художественного мышления, не давая автору полностью использовать свой творческий потенциал.

На эти же годы независимости пришлось появление произведений об исторических личностях, которых в 16 году народ избирал своими ханами для того, чтобы возглавили освободительное движение. Первым романом историко-биографического характера стало произведение Жумакадыра Эгембердиева «Канат хан» об избранном народом хане Канате Ыбыке уулу, который сыграл большую роль в самых решающих моментах восстания.

Обращение писателей к теме 16 года особенно активизировалось к его 100-летию. Авторы пытались раскрыть весьма сложные переплетения исторических фактов, приведших к массовому уничтожению кыргызского населения. Вышли в свет произведения, обращённые к белым страницам событий 16 года, о которых многие десятилетия не принято было говорить. О разных судьбах людей на примерах различных жизненных фактов, сложные и многогранные исторические и политические проблемы раскрывались в произведениях А.Койчиева «Мисмилдирик», К.Ашымбаева «Азат көчү», Т.Жолдубаева «Актоко».

Обобщая, можно отметить, что национально-освободительное восстание кыргызов в 1916 году отобразилось в жанре прозы в автобиографической, мемуарной формах, в виде рассказа участника событий, художественном повествовании и иными путями. Это формальные явления. А если смотреть с художественно-эстетической стороны, то мы становимся свидетелями интересных перемен, работы нового качества. Если в повести К.Баялинова «Ажар» мы наблюдаем эмоционально-психологический настрой, а в романе М. Элебаева «Долгий путь» – весьма жёсткий реализм писателя по отношению к правде жизни и фактам истории, что позволило ему успешно решить проблему психологизма в жанре прозы, то в романе Э. Турсунова «Ата Журт» мы видим попытки автора осуществить худо-

жественное мышление путём соединения исторического характера, исторических деяний, исторической и жизненной правд. А в романе К.Акматава «Время земное» упор сделан на философию истории времени, для чего на передний план выходит выработка из этого нравственной концепции трагедии.

Вместе с тем следует сказать и о том, сложность исторического значения 16 года не могла не оказать своего влияния на его отображении в художественной литературе. Тот факт, что национально-освободительное восстание до сего дня историками не исследовано в плане полного исторического значения обусловило то, что в исторических произведениях, появившихся в годы независимости, возникли различные отношения и концепции. Изображение исторических событий в романах «Кыргын» и «Канат хан» ещё раз показало, что национально-освободительное восстание 1916 года – вовсе не рядовое событие. Художественное исследование исторического события, художественное мышление об истории и философии времени ещё раз показало, что наряду с писательским мастерством требуется ещё и высокий уровень интеллектуальной подготовки.

Итак, сто с лишним лет после Уркуна до нынешних дней показали, что писатели каждого времени и каждого поколения обращались к теме 16 года на примерах разных судеб, различных исторических источников, разных жизненных событий, освещая его великие исторические уроки силой художественного слова и таким образом, внесли тему 16 года как отдельное направление кыргызской литературы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Монографии, диссертации, авторефераты, научно-теоретические сборники

Акматалиев А. Көркөм чыгарма жана тарыхый баатыр инсандар. – Б.: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 1999. – 278 с.

Акматалиев А. Азыркы адабият: тарых жана мезгил. – Б.: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2007. – 212 с.

Акматалиев А. Избранное собрание сочинений. Фольклористика. Литературоведение. – Т. 3 // Бишкек, 2002. – 608 с. (на кырг. и русск. яз.)

Акматов Б. Кыргыз-казак адабий байланыштарынын жаңы доору (20-жылдар). – Б.: КУУ, 2000. – 137 с.

Акматов Б. Кыргыз-казак адабий байланыштарынын 30-жылдардагы көп түрдүүлүгү. – Б.: КУУ, 2000. – 71 с.

Александрова Л.П. Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1971. – С. 156.

Андреев Ю. Советский исторический роман 20–30-годов. – М.: Советский писатель, 1962. – 342 с.

Артыкбаев К. Аалы Токомбаев. – Б.: 2003. – 382 с.

Артыкбаев К. Ар түрдүү издер. – Ф.: Мектеп, 1968. – 159 с.

Артыкбаев К. Чыгармалар жана ойлор. – Ф.: Кыргызстан, 1974. – 247 с.

Артыкбаев К. Изденүүлөр жана табылгалар. – Ф.: Кыргызстан, 1966. – 307 с.

Артыкбаев К. Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. – Ф.: Мектеп, 1982. – 526 с.

Артыкбаев К. XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы. – Б.: Илим, 2004. – 654 с.

Асаналиев К. Көркөм бийиктиктер. – Ф.: Кыргызстан, 1974. – 240 с.

Асаналиев К. Көркөм нарк. – Ф.: Кыргызстан, 1988. – 236 с.

Асаналиев К. Доор менен бирге. – Ф.: Кыргызстан, 1981. – 278 с.

Асаналиев К. Кыргыз совет прозасынын очерки. – Бөлүм 1. – Ф.: Кырг. ССР ИАсынын Тил жана адаб. инст., 1957. – 66 с.

Асаналиев К. Открытие человека современности. – Фрунзе: Кыргызстан, 1968.

Асаналиев К. Романы Тугельбая Сыдыкбекова. – Ф.: Кыргызмамбас, 1956. – 100 с.

Аскарров Т. Эстетикалык жаңы сапаттарга. – Ф.: Кыргызстан, 1980. – 375 с.

Аскарров Т. Эстетическое постижение мира. – Ф.: Кыргызстан, 1982. – 318 с.

Аскарров Т. Көркөм образдар дүйнөсүндө (А. Токомбаевдин чыгармачылыгы жөнүндө). – Ф.: Кыргызстан, 1967. – 152 с.

Ауэзов М. Мысли разных лет. – Алматы: Жазушы, 1961. – 431 с.

Байгазиев С. «XX кылымдагы кыргыз драматургиясынын тарыхы. – Бишкек: Манастануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2002. – 523 с.

Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М.: Худ. лит., 1986. – 541 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 502 с.

Бейшенбаев К. Проза А. Токомбаева. – Фрунзе: Кыргызстан, 1962. – 112 с.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – 10-т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 542 с.

Белинский В.Г. Избранные эстетические работы. – Т. 2. – М.: Искусство, 1986. – 461 с.

Богданова М.И. Киргизская литература. – Ф.: Кыргызмамбас, 1947. – 235 с.

Борбугулов М. Адабият теориясы. – Бишкек: Шам, 1996. – 551 с.

Бурсов Б.И. Лев Толстой. Идеиные искания и творческий метод. 1847–1862. – М.: Наука, 1960. – 407 с.

Бройдо Г.И. Восстание киргиз в 1916 году. – М.: Науч. ассоц. востоковед. при ЦИК СССР, 1925. – 32 с.

1916-жылдагы Кыргызстандагы көтөрүлүш. (Лесная Л.В. тарабынан жыйналган документтер жана материалдар). – Бишкек: Кыргызстан, 1996. – 675 с.

Вопросы литературы и эстетики. – М.: Искусство, 1975. – 460 с.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сборник документов. – М.: Советский писатель, 1960. – С. 794.

- Горький М.* О литературе. – М.: Советский писатель, 1976. – С. 513.
- Гинзбург Л.И.* О психологической прозе. – Л.: Худ. лит. // Ленинградск. отд. – 1977. – 443 с.
- Гулыга А.В.* Эстетика истории. – М.: Наука, 1974. – С. 128.
- Гуляев Н.А.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 271.
- Даутов К.* Жаңы чектерге. – Ф.: Кыргызстан, 1980.
- Даутов К.* Терендиктер жана бийиктиктер. – Ф.: Адабият, 1991. – 272 с.
- Жайнакова А.* Кубанычбек Маликовдун чыгармачылык портрети. – Ф.: Кыргызстан, 1981. – 141 с.
- Жамгырчинов Б.* Очерк политической истории Киргизии XIX века. – Ф.: Кыргызстан, 1966. – С. 190.
- Жигитов С.* Жаңычылык жолунда. – Ф.: Кыргызстан, 1975. – 188 с.
- Жигитов С.* 20-жылдагы кыргыз адабияты. – Ф.: Илим, 1984. – 158 с.
- Жигитов С.* Кечээкинин сабактары, бүгүнкүнүн талаптары: Изилдөөлөр, сын макалалар. – Бишкек: Адабият, 1991. – 214 с.
- Жолмухамедов М.* Восстание 1916 года в казахской народной поэзии. – Алма-Ата: Наука, 1962. – 265 с.
- Жунушалиев Ж.* В эпицентре восстания // Восстание 1916 года в Кыргызстане. – Бишкек: Илим, 1993. – 190 с.
- Журтпаев Т.* Бейуак. – Алматы: Казакстан, 1990. – 342 с.
- Ибраимов О.* Кыргызская Одиссея: до и после империи. – Бишкек: Бийиктик, 2011.
- Каган М.С.* Лекция по марксистско-ленинской эстетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 766 с.
- Каратаев М.* Тандалган чыгармалар. – 1 том. – Алматы: Жазушы, 1974. – 390 с.
- Каратаев М.* Тандалган чыгармалар. – 3 том. – Алматы: Жазушы, 1974. – 354 с.
- Кебекова Б.* Кыргыз совет аңгеме жанрынын өсүү жолдору. 1924-1960. – Ф.: Илим, 1967. – 144 с.
- Керимжанова Б.* Кыргыз совет адабияты 25 жылда. – Ф.: Кыргызмамбас, 1951. – 113 с.
- Кор-Оглы Х.* Туркменская литература. – М.: Наука, 1972. – 283 с.
- Кузьмичев И.К.* Герой и народ. Раздумья о судьбах эпопеи. – М.: Современник, 1973. – 336 с.
- Кыргыз совет адабиятынын тарыхы: 2 томдук / Ред. колл. А. Садыков и др. – Т. 1. – Ф.: Илим, 1987. – 821 с.
- Кыргыз совет адабиятынын тарыхы: 2 томдук / Ред. колл. А. Садыков и др. – Т. 2 – Ф.: Илим, 1990. – 693 с.

Лайлиева И. Традиции русской классической и мировой литературы в киргизской прозе. – Ф.: Илим, 1988. – 354с.

Левидов А.М. Литература и действительность. – Л.: Сов. пис., 1987. – 429 с.

Ленобль Г.М. История и литература // Сборник статей. – М.: Сов. пис., 1960. – 338 с.

Литература и современность / Сб. 10-й. – М.: Худ. лит., 1970. – 523 с.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: Худ. лит., 1971. – 414 с.

Ломидзе Г.И. Единство и многообразие в советской литературе. – Т. 2. – Кн. – 1. – М.: Сов. пис., 1971. – 510 с.

Маленов Б. Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы. – Ф.: Кыргыз ССР Илимдер академиясы. Тил жана адабият инст., 1959. – 188 с.

Махмутбекова М. Кыргызстандагы улуттук-боштондук көтөрүлүш. – Б.: Эркин тоо, 1996. – 106 с.

Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. – 318 с.

Мессер Р. Советская историческая проза. – Л.: Сов. пис., 1955. – 376 с.

Мусаев А. Түгөлбай Сыдыкбеков: Адам тагдыры жана чыгармачылык тагдыр. – Б.: БГУ, 2002. – 370 б.

Мусаев А. Т. Сыдыкбековдун романдары: Адамдын көркөм концепциясы. – Фил. илим. канд... дис. автореф. – Б., 2002. – 28 б.

Мушинов А.О. Казахско-киргизские литературные связи. – Алматы: Наука, 1974. – 160 с.

Нестеров М.Н. Язык русского советского исторического романа. – Киев: Вища школа, 1978. – 191 с.

Оскоцкий В. Роман и история // Традиция и новаторство советского исторического романа. – М.: Худ. лит., 1980. – 384 с.

Османова З.Г. Художественная концепция личности в литературах Северного Востока. – М.: Наука, 1972.

Пауткин А.И. Советский исторический роман. – М.: Знание, 1970. – 111 с.

Петелин В. Судьба художника. Очерк жизни и творчества А.Н. Толстого. – М.: Воениздат, 1979. – 336 с.

Петров С.М. Советский исторический роман. – М.: Советский писатель, 1958. – 484 с.

Русские писатели о литературном труде. – Т. 1. – Л.: Сов. писатель, 1954. – С. 759.

- Садыков А.* Адабият теориясы. – Бишкек: Бийиктик, 2002. – 187 с.
- Садыков А.* Башаттар жана жаңычылдык. – Б.: КУУ, 1993. – 107 с.
- Садыков А.* Мухтар Ауэзов жана залкар кыргыз жазуучулары. – Б.: КУУ, 2005. – 93 с.
- Серебрянский М.* Советский исторический роман. – М.: Сов. пис., 1936. – 432 с.
- Советский роман: Новаторство. Поэтика. Типология: Сб. статей. – М.: Наука, 1978. – 693 с.
- Солтоноев Б.* Кызыл кыргыз тарыхы. – 2-китеп. – Бишкек: Учкун, 1993. – 224 с.
- Солтоноев Б.* Кыргыз тарыхы. – Бишкек: «АРХИ» Инновациялык борбору, 2003. – 447 с.
- Сулайманов Б., Басин В.* Восстание 1916 года в Казахстане. – Алматы: Казахстан, 1977. – 564 с.
- Сүйиншиалиев Х.* 19-кылымдагы казак адабияты. – Алматы: Мектеп, 1986. – 534 с.
- Станалиева Г.* 1916-жылдагы улуттук-боштондук көтөрүлүштү жаңыча кароо проблемасы // Көркөм адабияттын айрым проблемалары: Жыйнак. – Бишкек: Манастаануу жана көркөм маданияттын борбору, 2001. – С. 151–159.
- Станалиева Г.* Тарых жана адам тагдыры. – Бишкек: Айат, 2011. – 63 с.
- Таимов А.* Роман Берды Кербабоева «Решающий шаг». – Фил. илим. канд... дис. автореф. – Ашхабад: АН Тадж. ССР, 1961. – 20 с.
- Тимофеев Л.И.* Основы теории литературы. – М.: Просвещение, 1971. – 448 с.
- Тимофеев Л.И.* По воле истории. – М.: 1979. – 334 с.
- Толубаева Ч. М.* Элебаев – улуттук адабиятта психологиялык прозанын баштоочусу. – Фил. илим. канд... дис. автореф. – Бишкек, 2002. – 23 с.
- Томашевский Б.* Теория литературы. – М.- Л.: Госиздат, 1964. – 237 с.
- Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстана. – М.: Знание, 1962. – 349 с.
- Түлөгабылов М.* Касымалы Баялинов. – Ф.: Кыргызмамбас, 1962. – 118 с.
- Түлөгабылов М.* Касымалы Баялиновдун чыгармачылык жолу. – Ф.: Илим, 1966. – 135 с.
- Түлөгабылов М.* Кыргыз адабиятынын тарыхый жана өмүр баян романдары. – Ф.: Илим, 1978. – 191 с.

Урматова А. Казат Акматовдун чыгармачылыгынын көркөмдүк өзгөчөлүгү жана философиялык-социалдык проблематикасы. – Филол. илим. канд. дисс. автореф. – Б., 2004. – 22 с.

Үркүн: тарыхый-даректүү очерктер // Түз.: Э. Кылычев, Н. Капаров. – Б.: Учкун, 1993. – 238 с.

Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. – Фрунзе: Илим, 1967. – 389 с.

Усенбаев К. 1916: Героические и трагические страницы. – Б.: Кыргызстан, 1987. – 298 с.

Усенбаев К. Народные движения Средней Азии в XIX веке (По материалам Кыргызстана). – Бишкек–Ош: 1998. – 254 с.

Үмөталиев Ш. Ак дил. – Ф.: Кыргызстан, 1986. – 172 с.

Үкүбаева Л. Адам дүйнөсү көркөм образда. – Б.: Илим, 1994. – 62 с.

Чокоева Д. Төлөгөн Касымбековдун тарыхый романдарында тарыхты көркөм андоо проблемалары. – Фил. илим. канд... дис. автореф. – Б., 1997. – 21с.

Храпченко М.Б. Лев Толстой – как художник. – М.: Худ. лит., 1986. – 561с.

Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. – М.: Сов. пис., 1975. – 408 с.

Чичерин А.В. Возникновение романа-эпопеи. – М.: Сов. пис., 1975. – 376 с.

Шейшеканов Т.Б. Көлдөгү көтөрүлүш. – Бишкек: Шам, 2003. – 96 с.

Шербина В.В. А.Н. Толстой: Творческий путь. – М.: Советский писатель, 1956. – 395 с.

Шкловский В. Б. Заметки о прозе русских классиков. – М.: Худ. лит., 1955. – 460 с.

Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы. – Т. 2. М.: Худ. лит., 1966. – 384 с.

Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. – М.: Сов. пис., 1970. – 375 с.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 3. – М.: Советский писатель, 1971. – 412 с.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. – Т. 12. – М.: Советский писатель, 1971. – 390 с.

Эркебаев А. Кыргыз прозасынын контрасттары. – Ф.: Кыргызстан, 1983. – 128 с.

Эркебаев А. Сын жана сынчылар. – Ф.: Кыргызстан, 1986. – 160 с.

Эркебаев А. Элдик эпостон адабий эпоско. – Ф.: Адабият, 1990. – 249 с.

Эркебаев А. Кыргыз романы: (булагы, калыптануу жолдору, поэтика жана типологиясы). – Филология илимдеринин доктору наамын изденип алуу үчүн диссертация. – Б., 1991. – 292 с.

Эркебаев А. Кыргыз адабиятынын аз изилденген барактары. – Бишкек: Шам, 2004. – 254 с.

Янская И.С. Пределы достоверности: Очерки документальной литературы. – М.: Сов. писатель. – 1981. – 408 с.

II. Художественная литература

Акматов К. Мезгил. – Ф.: Кыргызстан, 1979. – 228 с.

Ашымбаев К. Азаг көчү. – Бишкек: Эркин-Тоо, 2012. – 673 с.

Баялинов К. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы. – 1-том. – Ф.: Кыргызстан, 1969. – 323 с.

Баялинов К. Кыйын өткөөл. – Ф.: Мектеп, 1980. – 423 с.

Егембердиев Ж. Канат хан. – Бишкек: ОСОО «Улугбек», 2006. – 365 с.

Жолдубаев Т. Актоко. – Бишкек, 2015. – 182 с.

Исакеев Б. 1916-жылдагы кыргыз көтөрүлүшү. – Ф.: Кыргызмамбас, 1932. – 23 с.

Карачев С. Эриксиз күндөрдө. – Ф.: Кыргызмамбас, 1928. – 103 с.

Касым-Бек Т. Баскын. – Бишкек: 2000. – 393 с.

Касым-Бек Т. Кыргын. – Бишкек: 2004. – 377 с.

Кербабаев Б. Решающий шаг. – Ашхабад: Туркменстан, 1976. – 421 с.

Койчиев А. Мисмилдирик (Беделдеги каргыш). – Бишкек: Бийиктик, 2009. – 252 с.

Маликов К. Азаматтар. – Ф.: Кыргызстан, 1977. – 225 с.

Максүтов Б. Кызыл кыргын, кандуу кармаш. – Б.: Турар, 2009. – 342 с.

Муканов С. Ботогөз. – Ф.: Кыргызмамбас, 1960. – 551 с.

Өмүрбаев С. Улуу Үркүн. – Бишкек, 2015. – 447 с.

Сейфуллин С. Тар жол, тайгак кечүү. – Ф.: Кыргызстан, 1968. – 486 с.

Сооронов О. Мукай. – Бишкек: Мектеп, 1998. – 192 с.

Сыдыкбеков Т. Жол. – Ф.: Мектеп, 1982. – 522 с.

Сыдыкбеков Т. Батыйна. – Ф.: Кыргызокуупедмамбас, 1962. – 440 с.

- Токомбаев А.* Жараланган жүрөк. – Ф.: Мектеп, 1971. – 249 с.
- Токомбаев А.* Чыгармалар жыйнагы. – Фрунзе: Мектеп, 1958. – 1 том. – 321 с.
- Турсунов Э.* Ата Журт. – Ф.: Адабият, 1990. – 343 с.
- Убукеев К.* Чыр дөбө. – Ф.: Кыргызстан, 1964. – 258 с.
- Элебаев М.* Кыйын кезең. – Ф.: Кыргызстан, 1980. – 280 с.
- Элебаев М.* Узак жол. – Ф.: Кыргызстан, 1971. – 247 с.
- Элебаев М.* Жарыяланбаган чыгармалар. – / Баш сөзүн жазган жана түзгөн О. Сооронов. – Ф.: Адабият, 1990. – 320 с.

III. Статьи, исследования из газет, журналов, интернета

1. *Акматалиев А.* Үркүнбү же улуттук боштондукпу?! // Адабий Ала-Тоо. – 2007. – № 5.
2. *Акматалиев А.* Канат хан – улуттун ар намысы // Адабий гезит. 2007, апрель. – № 13, 14, 15, 16.
3. *Айтматов Ч.* Предисловие к книге М. Ауэзова «Лихая година» // Новый мир. – 1972. – № 6. – С. 17–19.
4. *Артыкбаев К.* Касымалы Баялинов тууралуу айрым ойлор // Ала-Тоо. – 1968. – № 7. – С. 141–160.
5. *Артыкбаев К.* Мукай Элебаевдин чыгармачылыгы жөнүндө // Ала-Тоо. – 1970. – № 3. – С. 141–160.
6. *Асаналиев К. А.* Токомбаевдин прозасындагы стилдик айрым өзгөчөлүктөргө карата // Труды ИЯЛ АН Кирг. ССР. – Вып. 76. – Ф.: Изд-во АН Кирг. ССР, 1956. – С. 103–115.
7. *Асаналиев К.* Мезгил өкүмү // Советтик Кыргызстан. – 1979. – 17 мая.
8. *Асаналиев К.* Убукеевдин чыгармачылык жолу // Советтик Кыргызстан. – 1956. – 29 сентября.
9. *Асаналиев К.* Улуттук тарых жана көркөм андоо // Кыргызстан маданияты. – 1992. – 6 февраля.
10. *Асаналиев К.* Постсоветтик доор. Адабий тагдыр. Үчүнчү макала. Качанга чейин... // Адабий Ала-Тоо. – 2006. – № 13.
11. *Асаналиев К.* Кыргыз прозасынын ишенимдүү ориентациясы // Ала-Тоо. – 1967. – № 1.
12. *Аскарров Т.* У истоков киргизской прозы / Лит. Кыргызстан. – 1959. – № 4.
13. *Аскарров Т.* Кыргыз прозасынын башатында // Лит. Кыргызстан, 1959. – № 4.

14. *Аскарров Т.* Шарттуулук жана шарттуу схемалар // Литературный Кыргызстан. – 1963. – № 2.
15. *Балтин П.И.* Касымалы Баялиновдун аңгемелери // Советтик Кыргызстан. – 1987. – № 8.
16. *Бобулов К.* Рухтун бийиктиги эмне менен өлчөнөт? // Кыргыз руху. – 13 июля.
17. *Борбугулов М.* Тарыхый роман жөнүндө бир-эки сөз // Ала-Тоо. – 1957. – № 1.
18. *Даронян С.* Творческий путь Т. Сыдыкбекова // Труды ИЯЛ АН Кирг. ССР. – Вып. VII. – Ф.: Изд-во АН Кирг ССР, 1956.
19. *Даутов К.* «Келкелдин» керемети // Кыргызстан маданияты. – 1986. – 4 декабря. – № 49.
20. *Жумакадыров Ж.* Мезгил жана турмуш // Ала-Тоо. – 1979. – № 6.
21. *Закиров С.* Батыйна // Ленинчил жаш. – 1964. – 14 августа.
22. *Ибраимов О.* Кызыл кыргын // Ала-Тоо. – 1991. – № 7.
23. *Иманалиев К.* Кыргыз прозасынын баштоочусу // Ленинчил жаш. – 1977. – 15 сентября.
24. *Калишевский М.* Трагедия 1916 года: Девяносто пять лет со дня восстания. – subscribe.ru/archive/news.world.
25. *Карымиаков С.* Мезгил элестери // Кыргызстан маданияты. – 1980. – 4 сентября.
26. *Касыбеков У.* Улуттук жазма прозабыздын башаты // Ала-тоо. – 1991. – № 7.
27. *Касымбеков Т.* Чыгарма мезгил күбөсү // Кыргызстан маданияты. – 1979. – 26 апреля.
28. *Кебекова Б.* Касымалы Баялиновдун «Ажар» аңгемеси жөнүндө. – Ф.: Ученые записки фил. фак. – 1961. – Вып. 7. – С. 164-183.
29. *Кудайбергенов К.* Батыйна жана Ботогөз / С. Мукановдун жана Т. Сыдыкбековдун романдарынын үндөштүгү жөнүндө // Ала-Тоо. – 1971. – № 4.
30. Кыргызстан тарыхынын маселелери. – 2006. – № 3.
31. *Маликов К.* «Узак жол» тууралуу // Кызыл Кыргызстан. – 1977. – 4 ноября.
32. *Маленов Б.* Мезгил жана геройлор // Мугалимдер газетасы. – 1962. – 6 октября.
33. *Молдокасымов К.* Канат хан жана 1916-жылкы улуттук боштондук көтөрүлүш: Айрым архив даректери. – <http://www.azattyk.org/a/>

kyrgyz_cas_uprising_in_1916_kanaat-khan_moldokasymov/27779589.html.
– 05.08.2016.

34. *Нурушев Э.* Дагы бир жолу «Мезгил» романы жөнүндө // Советтик Кыргызстан. – 1983. – 2 декабрь.

35. *Оскоцкий В.Д.* Роман. Традиции и поиск // Литературная газета. – 1971. – 10 марта.

36. *Рысалиев К.* Түркүн тагдырлар // Кыргызстан маданияты. – 1979. – 30 августа.

37. *Садыков А.* Бир талаштын тагдыры // КУУнун вестниги: Адабият таануу. – 2006. – Серия 1. – Чыгарылышы № 4.

38. *Сооронов О.* Мукайдын өзү жазган өмүр баяны жана «Узак жолдун» экинчи китебинен үзүм // Ала-Тоо. – 1987. – № 4.

39. *Сооронов О.* Тунгуч романдын туулушу жана туурадан чыккан сөздөр. Мукайдын өмүр баяны, жаңы дарек // Кыргызстан маданияты. – 1988. – 23 июня. – № 26.

40. *Тентимшиев М.* Жер баары бир өз огунда тегерене берет // Кыргыз туусу. – 1996. – 26 июля.

41. *Токомбаев А.* Мукай Элебаев // Кызыл Кыргызстан. – 1946. – 1 ноября.

42. *Токомбаев А.* Формализм жана натурализм // Кыргыз совет адабияты. – № 1. – 1936. – 23 с.

43. *Тулеев Ж.* «Батыйна» романы жөнүндө // Ала-Тоо. – 1964. – № 7.

44. *Турсунов Э.* Элим, ай! // Адабий Алатоо. – 2006. – № 15.

45. *Түлөгабылов М.* Тарыхый романдын айрым маселелери // Советтик Кыргызстан. – 1973. – 27 июня.

46. *Үмөталиев Ш.* Субъективдүү баяндар // Кыргызстан маданияты. – 1985. – 28 февраля. – № 9.

47. *Үсөнбаев К.* Азап жолу жана Ата конушка кайтуу // Кыргызстан маданияты. – 1991. – 20 июня.

48. *Эдилбаев К.* Турмуш босогосунда // Ала-Тоо. – 1974. – № 9.

49. *Эркебаев А.* Романдын кези келдиби? // Дружба народов. – 1985. – № 1.

50. *Эркебаев А.* Дагы бир жолу «Узак жол» жөнүндө // Ала-Тоо. – 1990. – № 12.

51. *Эркебаев А.* Кыргызда кара сөз болгонбу? Адабият тарыхы: изилдөөлөр жана толуктоолор // Кыргызстан маданияты. – 1990. – 4 октябрь. – № 4.

52. *Эркебаев А.* Социализмдин тушунда жаңы жазма адабияттын жаралышы // Ала-Тоо. – 1981. – № 1.

53. *Эсенкожоев К.* Кандуу жылдар // Ленинчил жаш. – 1941. – 1 марта.

54. *Эсенкожоев К., Усубалиев Т.* «Азаматтар» жөнүндө сын жана библиография (К. Маликовдун повести жөнүндө) // Ленинчил жаш. – 1941. – 15-16 мая.

55. *Якименко Л.* О поэтике современного романа // Дружба народов. – 1971. – № 5. – С. 234-245.

IV. Материалы архивов

1. Центральный государственный архив Казахской Республики.
2. Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
3. Центральный государственный архив Узбекской Республики.
4. ЦГИА России.
5. Фонд рукописей Национальной академии наук Кыргызской Республики.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. СОБЫТИЯ 1916 ГОДА В ПРОЗЕ 1920 – 40-Х ГОДОВ	6
1.1 Автобиографический характер отражения событий 1916 года	6
1.2 Попытки рассматривать народное восстание с классовых позиций.....	46
1.3 Изображение событий 1916 года через судьбу отдельного человека.....	60
II глава. ПОПЫТКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОМЫСЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА	67
2.1 1916 год в кыргызской литературе 1960 – 1970-х годов	67
2.2 Попытки художественного осмысления философии времени и истории.....	87
2.3 Отображение событий 1916 года в романах Т.Сыдыкбекова	101
III глава. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ В ПРОЗЕ ПЕРИОДА НЕЗАВИСИМОСТИ	119
3.1 Роман Т. Касымбекова «Кыргын» и правда истории	119
3.2 Народное восстание в романе «Канат хан» и образ национального лидера	130
3.3 Попытки обращения к «белым страницам» событий 1916 года	137
Выводы	151
Использованная литература	156

Об авторе:

Гулзада Станалиева – поэтесса, кандидат филологических наук. Автор 4 научных книг, 2 учебников, 1 сборника стихов, более 40 научных и публицистических статей, соавтор 6 книг.

В настоящее время работает в Кыргызско-Турецком университете «Манас». Занимается изучением истории и теории литературы, а также современных тенденций развития кыргызской литературы.

Научно-популярное издание

СТАНАЛИЕВА ГУЛЗАДА

1916 ГОД В КЫРГЫЗСКОЙ ПРОЗЕ

Монография

(На русском языке)

Перевод с кыргызского языка Г.У. Соронкулова

Редактор *Ж.Кадыров*
Дизайнер обложки *М. Кадыров*
Компьютерная верстка *Р. Терибаева*

Подписано в печать 12.04.2024.

Формат бумаги 60x84¹/₁₆.

Объем 10,5 п. л. Тираж 100.

Издательство «Улуу Тоолор»
г. Бишкек, ул. Усенбаева, 149.